

П. Ю. УВАРОВ, А. Л. РЯБИНИН

П. Ю. УВАРОВ, А. Л. РЯБИНИН

КИТАЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ МИРЕ

КИТАЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ МИРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Серия «НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

П. Ю. УВАРОВ
А. Л. РЯБЕНИН

КИТАЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ МИРЕ

**ВЗГЛЯД
ИЗ ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ**

«НАУКА»
Санкт-Петербург
2017

УДК 94(5)(510)
ББК 63.3(0)31
У18

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон, И. О. Ермаченко, А. А. Исэров,
А. Ю. Карачинский (ученый секретарь), Н. Н. Крадин,
П. Ю. Уваров (председатель), Т. А. Филиппова (зам. председателя)*

**Уваров П. Ю., Рябинин А. Л. Китай в средневековом мире.
Взгляд из всемирной истории.** — СПб.: Наука, 2017. — 286 с.

ISBN 978-5-02-039674-6

Настоящая книга, написанная в соавторстве двумя отечественными историками, П. Ю. Уваровым (ИВИ РАН) и А. Л. Рябининым (ИВ РАН), посвящена истории Китая в V—XV вв., от эпохи Лючао до конца правления династии Мин. Наряду с изложением событийной военно-политической истории Поднебесной, в книге кратко представлены и другие аспекты развития китайской цивилизации: ремесло и торговля, наука и техника, культура и искусство, религия и философия. Кроме того, каждая глава истории Китая сопровождается вставками с кратким обзором состояния дел Ойкумены в данный период, что позволяет синхронизировать историю Поднебесной с историей других регионов.

© Уваров П. Ю., Рябинин А. Л., 2017
© Издательство «Наука», серия «Научно-популярная литература» (разработка, оформление), 2017
© Палей П., оформление, 2017

ISBN 978-5-02-039674-6

ПРЕДИСЛОВИЕ 1

Китай и «мировое Средневековье»

Эта книга может сразу вызвать у читателя по меньшей мере два каверзных вопроса.

Во-первых, можно ли употреблять прилагательное «Средневековый» по отношению к Китаю? Если говорить о династиях Поднебесной, то надо начинать с империи Цинь и заканчивать империей Цин, то есть охватить период с III в. н. э. по начало XX в. н. э. Иначе мы демонстрируем высокомерный европоцентризм и полное непонимание китайской истории. Впрочем, если мы стремимся избавиться от европоцентризма, то нам надо для начала отказаться от нашей системы летоисчисления.¹

Во-вторых, почему о Китае осмелились писать два историка, синологами не являющиеся? Один занимается Вьетнамом, а другой вообще Францией.

Попробуем ответить сразу на оба вопроса. В прошлом десятилетии развернулась работа по подготовке «Всемирной истории в 6 томах» под ред. А. О. Чубарьяна. Так получилось, что все китаисты отказались писать для томов по истории Средних веков и Раннего Нового времени. Кто-то просто не отвечал на письма, кто-то, напротив, отвечал очень любезно, рекомендуя обратиться к другому специалисту, который, в свою очередь, отвечал отказом. Главной причиной было то, что как раз в это время все были заняты в масштабном проекте 10-томной «Истории Китая с древнейших времен до

начала XXI в.» под ред. С. Л. Тихвинского. Но для редакции «Всемирной истории» положение становилось критичным — нельзя же было оставлять пробел на месте Поднебесной, и еще менее хотелось заимствовать текст из уже имеющихся компендиумов. Пришлось взяться за написание глав по Китаю самим. «Золотое правило морали» работало в данном случае против нас: увидав «Историю Франции» или «Историю Вьетнама», написанную людьми, не знающими ни французского, ни вьетнамского, мы, скорее всего, возмутились бы. Но в данном случае нашей целью было не раскрытие особенностей уникальной китайской цивилизации (этим с успехом занимаются синологи) и не демонстрация того, как история Китая подчинялась общим законам исторического развития (этим с переменным успехом занимаются марксисты, неомальтузианцы и прочие макросоциологи), а синхронизация истории Поднебесной с историей других регионов Ойкумены.² Нам кажется, что с этой задачей мы справились. И, к удивлению, работа над историей Китая многое дала для понимания «наших» регионов. В результате получилось то, что получилось — взгляд на обобщенную историю Китая «со стороны».

Конечно, много сказать в отведенных нам объемах текста не удалось. Но мы с радостью можем адресовать читателей, желающих более близко ознакомиться с историей Поднебесной, к 10-томной истории Китая, из-за которой мы и вынуждены были обратиться к этой проблематике.

В данной книге объединены главы, посвященные Китаю, из «средневекового» тома нашей Всемирной истории³ и частично из тома, посвященного истории Раннего Нового времени (XVI—XVII вв.).⁴ Тексты были переработаны и дополнены, а чтобы сохранить столь важный для нас «внешний взгляд», мы дали вставки с кратким обзором состояния дел Ойкумены в данный период.

Выбор хронологических рамок объясняется просто: главы по Китаю для первого и четвертого тома «Всемирной истории» готовились не нами. Мы, конечно, можем написать и про эти периоды, но это уже будет совсем другой жанр.

К тому же период правления маньчжурской династии Цин (1644—1911), при всем традиционализме внутреннего уклада китайской жизни, мы никак не можем отнести к Средневековью. Дело даже не в общепринятых хронологических рамках — это была уже история Поднебесной, столкнувшейся с принципиально иной конфигурацией внешних вызовов по сравнению с предыдущим периодом. С династиями Цинь (221—206 г. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э.—220 г. н. э.) сложнее, вся дальнейшая история китайских империй базировалась на заложенном в этот период фундаменте. Чтобы восполнить данный пробел, мы, насколько позволяет объем, во «Втором предисловии» даем экскурс в предшествующую историю Китая.

Возникает и другой вопрос: насколько сам термин «Средневековье» применим по отношению ко всей Ойкумене или Мир-Системе V—XV вв.?

Существование верхней хронологической границы особых сомнений не вызывает. В XVI в. мир вступает в новое состояние, стремительно расширяя Ойкумену до размеров планеты. Развитие все большего числа регионов начинает определяться воздействием импульсов, идущих из Западной Европы. Разумеется, одни регионы начинают ощущать эти импульсы раньше, и их воздействие было здесь более разрушительным, другие — либо позже, либо их влияние на первых порах ощущалось не столь сильно, таков был случай Китая. Поэтому верхнюю хронологическую границу в ряде случаев можно несколько сдвигать, но само по себе существование такого водораздела в принципе очевидно, равно как и сама возможность его качественного определения.

Сложнее обстоит дело с установлением границы, отделяющей Средневековье от Древности (или от Поздней Древности, как принято говорить у антиковедов). В чем разница между эпохами, коль скоро о «рабовладельческой формации» говорить сегодня еще менее принято, чем о «феодализме»? К тому же средневековые европейские хронисты сохраняли уверенность в том, что они по-прежнему живут в эпоху Римской империи, равно как и хронисты китайские не считали,

что живут в эпоху, принципиально отличную от династии Хань. Разве что те и другие сходились во мнении, что в нынешнее время все стало гораздо хуже.

Возможность увидеть некоторые существенные сдвиги дает увеличение масштаба исследования. Эпоха «Поздней древности» привела к возникновению единой цепи соседствующих друг с другом империй. На протяжении всего I тысячелетия до н. э., несмотря на многочисленные войны, население Ойкумены увеличилось многократно, стремительно росло число городов, и, что важно, произошло первое реальное смыкание мира. Но с I—II вв. н. э. все эти империи сталкиваются с рядом тягчайших бедствий. Удивляет синхронность, с которой обрушилась империя Хань и затрещала по швам Римская империя, пораженная «кризисом III в.». Последовавшие стадии стабилизации оказались недолгими и стоили таких усилий, что обе империи, во всяком случае части, составлявшие их историческое ядро, вскоре подверглись завоеваниям варварских племен. Период после Ханьской империи китайские историки позже назовут «эпохой Лючао» («Шести династий»). Любопытно, что автор одного из авторитетных китайских исторических трактатов XIV в. отводил ей такую же роль, какую его современник Петрарка приписывал «Темному веку». В обоих случаях речь шла о неких «Серединных веках», отделявших Древность от времени «Возрождения традиций».

Многое можно назвать в качестве характерных черт «мирового Средневековья». Например, принципиально новую роль мировых религий. Христианство и ислам удачно справлялись с задачей поддержания цельности больших цивилизационных ареалов, даже после утраты последними былого политического единства. В регионах, центрами которых выступали Индия и Китай, не сложилось мощных монотеистических систем, но и здесь учения, которые возникли в предшествующий период и долго существовали в виде философских школ и локальных культов, только в период Средневековья обретают стройность. Обзаведясь догматикой и организационными структурами (например, сетями монастырей со специфическим типом землевладения), они становятся

религиями. Ранее всего это произошло в Китае с буддизмом и даосизмом в эпоху Лючао, конфуцианство же, всегда популярное у китайских чиновников, обрело статус официальной религии (или, скорее, «квазирелигии») немного позже, в эпоху Тан. Буддизм и конфуцианство распространились в Японию, Корею, Тибет и страны Юго-Восточной Азии. Но главное же состоит в том, что мировые религии исполняли роль стержня почти всех средневековых обществ. Они придавали им «момент связанности». Как правило, чем сильнее было влияние такой религии на общество, тем меньше требовалось воинов и чиновников для поддержания порядка на большой территории.

Еще одна очень важная черта Средневековья: наличие кочевых империй, время от времени возникавших в поясе Великой Евразийской Степи, протянувшейся от Маньчжурии до Венгрии. Или, если сказать осторожнее, существенное увеличение роли кочевников в жизни большинства регионов Ойкумены.⁵ В I тысячелетии до н. э. окончательно оформляется уклад кочевого общества, создавшего настолько хорошо адаптированную к окружающим условиям систему (хозяйственную, социальную и военную), что она оставалась неизменной практически до конца рассматриваемого периода. Это внесло радикальные перемены в отношения «цивилизация — варварская периферия», произошедшие в исторически короткие сроки.

Конечно, скифы, сарматы или саки совершали разорительные набеги на соседей, но нет оснований утверждать, что хотя бы одна из четырех монархий, упомянутых в Библии: Ассиро-Вавилонская, Ахеменидская, империя Александра Македонского и, наконец, Римская империя создавалась для противостояния степной угрозе. С империями Цинь и Хань дело обстояло сложнее. Хотя возникли они, скорее, в силу «внутрикитайских» причин, им пришлось столкнуться с мощной конфедерацией кочевых племен хунну, ставших прообразом кочевых империй Средневековья. Задачи, которые решали первые китайские империи: строительство Великой стены, войны в Степи, выстраивание сложных дипломатических отношений с вождями (шаньюями) кочевников, —

уже демонстрировали алгоритм взаимодействий оседлой и кочевой империй.

Эффективность кочевого хозяйства и проистекавшая из этого способность выставлять большое число умелых конных воинов были важными аргументами номадов в диалоге с народами оседлых цивилизаций. Но кочевники экономически не могли существовать без последних (хотя бы потому, что не могли делать запасов на «черный день»). Набеги, данничество, обмен (чаще всего неэквивалентный), формирование «своих» зависимых и полузависимых оседлых поселений (малоизвестные ранее «города кочевников») — вот неполный перечень форм этих взаимоотношений. В кочевом обществе не выработалась внутренняя необходимость для возникновения государства. Однако чем богаче и сильнее была соседняя оседлая цивилизация, тем раньше номады объединяли свои усилия для «диалога» с ней, что приводило к складыванию мощных племенных союзов — «сложных и суперсложных вожеств», по терминологии этнологов.⁶

Одни за другими возникают каганаты и ханства, которые иногда превращаются в «кочевые империи», становясь фактором глобального масштаба. Их присутствие является атрибутом средневековой Мир-Системы, во многом определяя динамику ее развития. И когда кочевые империи перестанут угрожать оседлой части Старого Света, то это станет одновременно и причиной, и следствием окончания средневекового периода.

Оседлые государства либо находили адекватный ответ вызову Степи, либо погибали. Чтобы выстоять, они должны были обладать сильной бюрократией, содержать армию и возводить укрепления, вести активную дипломатию (подкуп вождей, натравливание одних племен на другие и т. д.) — все это требовало денег. Жизнестойкость империи определялась наличием большого слоя свободных крестьян, которые платили налоги и служили в армии. А для этого нужно было составлять кадастры, организовывать регулярное налогообложение — без многочисленного чиновничества здесь нельзя было обойтись. Подробнее об этом мы поговорим

ниже. Важно понять, что такие империи дорого стоили обществу.

Очень часто отсутствие империи, отсутствие политического единства в регионе исторически совпадали с расцветом экономики и культуры. Но если Степь была рядом, регион мог стать легкой добычей кочевников, когда им на какое-то время удавалось собрать свои силы в кулак. В таком случае вариантов взаимодействий с оседлым населением было много — от «дистанционной эксплуатации» до образования кочевниками нового государства на завоеванной территории или «наслаивания» военной элиты кочевого происхождения на оседлое общество. При этом кочевые империи в чистом виде появлялись не так часто. Но они приводили в движение массы других племен, создавали пример для подражания, оставляли наследников кочевых традиций. Сам кочевой элемент в государствах, устремленных к новым завоеваниям, мог быть относительно невелик, достаточно было памяти о великих степных империях. Тимура, в чьей империи кочевников было немного, современники воспринимали в первую очередь как носителя кочевых традиций.

Страны, географически удаленные от кочевой угрозы, также могли рано или поздно ощущать ритмы пульсации Великой степи. Это происходило, когда империи, сумевшие противостоятьномадам (или основанные кочевниками в результате завоевания), становились для таких государств «второго эшелона» либо угрозой (потенциальной или реальной), либо предметом подражания. И тогда уже они, в свою очередь, спешили создать свою сильную империю. Так, если укрепление Китая в период Тан произошло в ответ на вызов со стороны Тюркского каганата, то, возможно, ответом на вызов Танской империи в Японии стал «переворот Тайка», приведший к созданию «регулярного государства». И подобных примеров можно привести много. С течением времени круг стран, прямо или косвенно ощущавших на себе импульсы, рождаемые в Великой Степи, увеличивался.

Однако существовали регионы, где эти импульсы ощущались гораздо слабее и угрозы, как от кочевников, так и от закаленных в боях оседлых империй, возникали лишь эпизо-

дически. Так было в той же Японии или в католической Европе. Здесь сосуществование и соперничество относительно небольших и самых разнообразных политических формирований могло растянуться надолго и привести к интересным результатам или даже к прорывам в культурной и экономической жизни. Феодализм, утвердившийся в Западной Европе, таким образом, прошел для нее безнаказанно. Средневековым европейцам можно было не совершать величайших усилий для создания могучей империи. Но подобную роскошь мало кто мог себе позволить. И в первую очередь это относится к Китаю.

ПРЕДИСЛОВИЕ 2

Предыстория средневекового Китая

Один из авторов этой работы более 30 лет занимается историей Вьетнама. Анализируя очень подробные вьетнамские источники, погодные хроники, воспроизводящие жизнь позднесредневекового вьетнамского общества буквально по дням и месяцам, он пытался воссоздать картину происходящих событий методом «вживания». Тем самым он невольно проникнулся психологией и мировосприятием вьетнамцев того времени. Для вьетнамцев же Китай был великим и могучим соседом, источником новаций во многих сферах жизни, но в то же время опасным и страшным врагом. Вьетнамцы прекрасно помнили, сколько раз китайцы вторгались на территорию их независимого государства и наносили ему огромный ущерб. Это не могло не наложить отпечаток на тексты, которые писали как сами вьетнамцы, так и занимающиеся их историей вьетнамисты, поневоле проникающиеся сочувствием и любовью к предмету своего исследования.

В данной работе автор-вьетнамист стремился быть объективным и всячески преодолевать тенденциозность изложения исторических сюжетов, заставлял себя не «подыгрывать Югу». Впрочем, в последнее время выясняется, что тенденциозность изложения была присуща в большей степени «северной» исторической традиции, делающей упор не только на государствообразующей, но и на цивилизаторской миссиидвигающихся с севера *хуася*, будущих *ханьцев* — главного

этноса современного Китая. Считалось, что, оттесняя и ассимилируя более древние народы Юга, они несли с собой более развитые хозяйство и культуру. Сегодня эти взгляды в значительной степени корректируются.

В 2016 г. вышел первый том «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI в.»,⁷ в котором была обобщена, проанализирована и представлена российскому читателю огромная работа, проделанная китайскими и российскими учеными, археологами и историками китайской письменной древности за последние 30 лет. Наиболее интересные для нас и в значительной степени меняющие представления о китайской древности главы этой работы написаны двумя российскими историками — Д. В. Деопиком и М. Ю. Ульяновым.

Во многом опираясь на их данные, мы познакомим читателя с древнейшей историей Поднебесной.

Китай доисторический и доимперский

Принято начинать предысторию Китая с поселений «прото-китайских» культур позднего неолита (3500—2500 гг. до н. э.), расположенных на Верхней и Средней Хуанхэ. Носители этих культур, говорившие на языках, относящихся к сино-тибетской семье, стали основой для этноса *хуася*, постепенно расселявшегося по Великой Китайской равнине, смешиваясь при этом с так называемыми аустрическими народами.⁸

Но на Янцзы гораздо раньше, уже в период среднего неолита (5500—3500 гг. до н. э.), существовали городские центры, в которых использовалась ранняя письменность. Аустрические народы научились возделывать рис, а рис с его высокой урожайностью давал возможность прокормить большое количество людей. Отсюда — более высокая плотность населения и более сложные структуры социального и политического развития, чем на Севере, на берегах Хуанхэ. В период позднего неолита и ранней бронзы в низовьях Янцзы формируются протогосударства, которые были «первичными», то есть сформировавшимися не под внешним воздей-

ствием, а самостоятельно. К числу таких политий прежде всего следует отнести «царство Мо» с городищем Моцзяошань, обладавшим всеми признаками политического центра: укрепленный дворец правителя, религиозные сооружения на высоких платформах. В царстве Мо существовала пока еще не дешифрованная письменность.

На втором этапе раннего бронзового века (2100—1800 гг. до н. э.) богатая культура аустрических народов значительно деградирует. Изменение климата, который стал не только холодным, но и сухим, привело к снижению урожайности риса. Это, в свою очередь, вызвало упрощение социальной и политической структуры. Городские политии на Нижней Янцзы в среднем бронзовом веке сменились менее сложными сельскими поселениями.

Просо, более приспособленное к изменившимся условиям, стало основой распространения ареала расселения *хуася*. Интенсивные контакты восточных сино-тибетцев с аустрическими народами, в ходе которых первые воспринимали социальный и политический опыт последних, закончились формированием государственности *хуася*.

Но *хуася* не имели той почти тысячелетней истории государственности, которая была у их южных соседей. Поэтому первая полития *хуася*, существование которой реально доказано,⁹ появившаяся в период позднего бронзового века (конец 1600—1300 гг. до н. э.), судя по всему, была лишена сколь-нибудь развитого государственного аппарата.

Это политическое образование было создано родом Шан, и за 300 лет оно шесть раз меняло место своей «столицы». Государством Шан-Инь оно стало позже, около 1300 г. до н. э., когда правитель Пан-гэн обосновался в Инь (современный Аньян). От этого периода осталось немало археологических памятников, в том числе — иероглифических надписей на панцирях черепах и костях животных, предназначенных для гаданий.

В государстве Шан-Инь (1300—1027 гг. до н. э.) были заложены те политические традиции, которым было суждено развиваться в китайской политической системе на протяжении трех тысячелетий, что подробно описано в «Историче-

ских записках» Сыма Цяня, жившего на полторы тысячи лет позже. Во главе государства стоял правитель — *ван*, обладавший высшей светской и религиозной властью. В управлении государством ван прибегал к помощи своих родственников, а также местной родовой знати. Большую роль в должностной иерархии играли жрецы и гадалки. Последние два правителя этой династии посмертно именовались «владыками» (*ди*), что близко к обозначению божества.

В это же время на Средней Янцзы существовало царство Чу, на нижней Янцзы к востоку от озера Тайху образовалось государство У, а еще южнее — государство Юэ. Во второй половине XI в. до н. э. государство Западное Чжоу (1027—771 гг. до н. э.) разгромило государство Шан-Инь, от которого ранее находилось в зависимости. Победив шанцев, чжоусцы многое восприняли от разгромленного противника. Однако роль политического ядра в Западном Чжоу играла не столица, а личное владение вана, вокруг которого располагались наследственные владения членов правящего рода, а также местной родовой аристократии.

Чжоуский ван, правящий по «небесному мандату», «Сын Неба» (*Тяньцзы*), чья сакральная власть в идеале охватывала всю Поднебесную, не мог управлять «государством Чжоу» вне пределов своего личного владения. Деятельность чиновников носила специализированный характер: земледелие, военное дело, строительство и создание ирригационных сооружений. В придворной канцелярии велись записи назначения на должности различных представителей элиты. В Западном Чжоу высшие гражданские чиновники имели явное преимущество перед военными. Эта традиция впоследствии закрепились в подавляющем числе китайских государств.

Почти сразу же в Западном Чжоу, наряду с доменом правителя, появились крупные отдельные владения. К таким относилось Цзинь, созданное на территории современной провинции Шэньси. Основными врагами Цзинь были варвары-*жуны*.¹⁰ Они же угрожали и соседнему владению Цинь, правителей которой в Чжоу называли «полуварварами» то ли потому, что они сами вели свое происхождение от жунов, то ли потому, что слишком многому научились от варваров. Но

принципы государственности, установившиеся у хуася, были в государстве Цинь развиты и усилены.

В конце IX в. до н. э. правители Цинь разгромили восточных жунов, но с северными жунами справиться не могли. При этом дипломатические и даже брачные связи с «дикими» жунами в Цинь никогда не прекращались. В 771 г. до н. э. циньский правитель вместе с теми же жунами принял участие в заговоре против чжоуского вана. Ван был убит, и это положило конец династии Западное Чжоу. К власти пришел новый ван, бывший наполовину жуном, который основал династию Восточное Чжоу. С этого момента начался период, условно называемый «Чуньцю» (период «Весны и осени» — 771—453 гг. до н. э.).

Образовавшееся во второй половине XII в. царство Чу на Средней Янцзы развивалось самостоятельно и не было включено в рамки «чжоуского мира». Отразив в свое время вторжение чжоусцев, Чу в первой четверти IX в. само начало экспансию и захватило территорию к востоку от своих земель, присоединив часть земель государства Юэ. В результате в начале IX в. на юге современной территории Китая сложилось мощное южное государство, населенное предками современных народов мяо-яо и жителей Юго-Восточной Азии. Правители Чу употребляли свои собственные титулы — (*сюн* и *ао*), но в 704 г. до н. э. присвоили титул ван, уравнив себя с «Сыном Неба». Впрочем, под давлением князей «чжоуского мира», правитель государства Чу отказался именоваться ваном.

Конец Западного Чжоу и переход к Восточному Чжоу приблизительно совпадает с началом железного века в Китае. В широких масштабах производство железа началось в VI в. до н. э. При этом оружие продолжали изготавливать из бронзы еще как минимум три века. Наиболее часто оружие из железа делали в постоянно воюющем с варварами государстве Цинь.

Сердцевину китайских царств периода Чуньцю составляли владения, расположенные на Великой Китайской равнине (Лу, Сун, Вэй, Чжэн, Ци). В этническом отношении они представляли собой смешение в разных пропорциях компонентов хуася с носителями аустрических традиций. Вне Великой

равнины располагались царства, чья обширная территория служила барьером на пути северных варваров: Цинь на Северо-Западе, в котором традиция хуася сочеталась с мощным степным компонентом, и Цзинь на Севере, также подвергнутое варварскому влиянию, но, возможно, в меньшей степени. К югу находилось царство Чу, на юго-востоке царство У, а на крайнем юго-востоке государство Юэ. Чем дальше на юг, тем слабее был выражен компонент хуася и тем сильнее чувствовалось влияние аустрических народов.

В период Чунцю только правитель Чжоу носил титул вана, именовался «Сыном Неба» и формально был единственным законным правителем Восточного Чжоу. Однако уже в первой четверти VII в. до н. э. он потерял не только реальную власть в стране, но и значительную часть своей сакральной власти. В каждом из царств существовал культ предков правителя данного государства, что превращало именно его в носителя высшей светской и религиозной власти в государстве.

В 679 г. до н. э. в Китае возник институт *ба*, который европейские историки переводят термином «гегемон». Гегемон был правителем одного из царств, опиравшимся на ресурсы своего царства и имевшим возможность навязывать свою волю остальным лидерам. Статус гегемона-ба признавался правителями других царств, после чего утверждался ваном Восточного Чжоу.

Гегемон имел возможность собирать съезды правителей или представителей различных государств, на которых выносились обязывающие всех участников решения. Он также являлся военным лидером, организовывал и возглавлял военные походы. Внешнеполитическая деятельность каждого из царств ограничивалась решением съездов правителей, волей гегемона или, если это были слабые государства, воздействием более сильных «сюзеренов».

В каждом из государств Восточного Чжоу периода Чунцю на высшие должности назначались самые близкие родственники правителя. Документацией в царствах занимались секретариаты, главы которых имели очень высокий статус. Все документы были подразделены на категории: дела дво-

ра и рода правителя; внутривластные и внешнеполитические акты, подписанные правителем; и документы, приходящие извне. В ряде царств появились зачатки ведомства кадров — существовал специальный чиновник, отвечающий за должностные назначения. Для подготовки кадров в период Чуньцю в различных царствах при дворах правителя появились школы, в которых готовили будущих чиновников и военачальников, обучая письменности и счету, ритуалам и военному делу.

Во второй половине VI в. до н. э. произошел важнейший «прорыв» в культурном и политическом развитии: вне структуры государственных учреждений появились философские школы, одну из которых основал Конфуций (551—479 гг. до н. э.). Такие школы были «фабриками» идей, многие затем превратились в величайшие философские учения. Мудрец Лао-цзы, почитавшийся основателем учения даосов, по версии Сыма Цяня, также жил в это же время и даже встречался с Конфуцием.

В первый период эпохи Чуньцю (771—697 гг. до н. э.) чжоуские *ваны* еще обладали не только сакральной властью, но некоторым политическим влиянием на различные царства. Во второй период (696—597 гг. до н. э.) ситуация изменилась. Правитель расположенного на северо-востоке царства Ци, Хуань-гун (685—643 гг. до н. э.) принял к себе на службу выдающегося стратега, администратора и политика Гуань Чжуна, с помощью которого провел реформы, существенно укрепившие государство. Хуань-гун стал первым гегемоном Поднебесной и в 679 г. до н. э. собрал первый съезд правителей основных государств, тем самым присвоив себе функции чжоуского вана. Последнему оставалось лишь признать нового фактического правителя Поднебесной.

Царство Чу на юге и Цзинь на севере не признали гегемона, отстаивая свою самостоятельность. Со временем центральнокитайские государства вступили в борьбу друг с другом (643—632 гг. до н. э.), а правитель одного из мелких царств хуася — Чжэн — признал себя вассалом государства Чу.

Для отпора усилившемуся Чу центральнокитайские царства объединились вокруг самого крупного царства Цзинь,

правитель которого в 632 г. до н. э. был провозглашен гегемоном. Однако полуварварское царство Цинь этого не признавало, и в 624 г. до н. э. циньский правитель провозгласил себя гегемоном западных варваров-жунов. В дальнейшем в своей борьбе с соседом-гегемоном циньский правитель активно пользовался поддержкой этих варваров.

В 597 г. до н. э. правитель Чу был признан значительной частью северных «срединных государств» гегемоном-ба, с чего начинается третий и последний период эпохи Чуньцю (597—453 гг. до н. э.), характеризующийся отсутствием единого гегемона.

В конце VI—V вв. до н. э. на севере, в государстве Цзинь, усилились центробежные тенденции. В итоге его территория была разделена между царством Чжао, правители которого в прошлом были полуварварами и вели длительные и интенсивные войны на севере, и менее воинственными царствами Вэй и Хань. На севере царство Чжао всеми силами пыталось отгородиться от варваров. Во второй половине IV в. до н. э. оно начало возводить насыпи, которые должны были защитить хуася от нападений степных кочевников. При этом влияние кочевников на это государство было очень сильным, особенно в военном плане. Эффективно противостоять степнякам, уже перешедшим к всадничеству, могла только конница. Позже правитель Чжао, несмотря на сопротивление части знати, решил «ввести... варварские одежды», то есть удобные для верховой езды штаны, а также приказал «научить людей стрелять из лука с лошади». Варварами были *сюнну*, или *хунну*,¹¹ появившиеся на границах Поднебесной в это время.

На юге в это время усилилось государство У, временно добившееся статуса гегемона-ба (с 495 по 473 гг. до н. э.). Однако в 473 г. до н. э. войска Юэ захватили столицу У и вынудили правителя этого государства покончить жизнь самоубийством.

Наступивший период получил название Чжаньго («Период воюющих царств») — 452—221 гг. до н. э. Поначалу он характеризовался войной «всех против всех».

Продолжалась экспансия государства Чу на север: в середине V в. до н. э. его северная граница закрепились в зо-

не центральнокитайских государств. В последней трети V в. до н. э. оно присоединило обширные территории в центре и на востоке Янцзы, а также все течение реки Хуанхэ. В результате царство Чу стало самым большим древнекитайским государством с плодородными землями и мощной армией. В IV в. правители Чу продолжили экспансию. Блокируясь с северным Чжао, они разгромили Вэй, мир с которым был заключен лишь в 351 г. до н. э. Затем они решили пробиться к океану. В 333 г. до н. э. в союзе с Ци они ударили по южному государству Юэ и, захватив прибрежные земли Чжецзяна, разделили их с союзниками.

Однако во второй четверти IV в. до н. э. Чу столкнулась с чрезвычайно усилившимся царством Цинь, которое в 316 г. до н. э. покорило царства Ба и Шу в Сычуани. У всех древнекитайских политий появился общий противник, правда, поняли они это не сразу.

Восточное царство Ци, расположенное на Желтом море, было богатым и экономически развитым. На протяжении почти всего V в. до н. э. оно проводило мирную политику, и только в конце этого столетия начались войны с соседями. Правители приняли титул вана, и к середине IV в. до н. э. Ци стало одним из сильнейших царств в Поднебесной. В правление Сюань-вана (342—324 гг. до н. э.) помощником правителя был великий военный теоретик Сунь-цзы, который обеспечил победу над Вэй. Единственное поражение от Чжао в 332 г. до н. э. было вызвано тем, что чжаосцы открыли дамбу на Хуанхэ и затопили противника. В правление Сюань-вана была создана академия Цзися («Ученый двор у западных ворот»), куда съезжалась философы и мудрецы со всего Китая.

Ци стало все более решительно вмешиваться в противостояние центральнокитайских государств, но затем столкнулось и с Цинь, что стало для него роковым.

Центральнокитайские государства — Лу, Сун, Чжэн, Хань, Вэй, Чжао в течение половины V — первых трех четвертей IV в. активно воевали между собой. В этих царствах на некоторое время у кормила правления вставали здоровые и умные политики и администраторы, как, например, Шэнь

Бухай в Хань при Чжао-хоу (358—333 гг. до н. э.), Ли Кэ в Вэй при Вэнь-хоу (424—387 гг. до н. э.). Однако, даже осуществив некоторые реформы, серьезно повлиять на ход событий они не могли. У них всех были некоторые «культурные пределы». Когда вэйскому Хуэй-вану (370—335 гг. до н. э.) обедневший аристократ Шан Ян предложил ввести жесткую систему управления государством и обществом, правитель от нее отказался — для политической традиции царства Вэй, с его развитой культурой, она была неосуществима.

В царстве Цинь был очень силен элемент степной кочевнической культуры. Поначалу Цинь опасалось вмешиваться в конфликты центральнокитайских государств, сражаясь в основном с восточными варварами. Но после того, как Шан Ян предложил свои услуги новому циньскому правителю Сяо-Гуну (361—338 гг. до н. э.), ситуация начала меняться. С 356 г. до н. э. Шан Ян приступил к реформам, призванным сделать из Цинь военный лагерь. Он руководствовался идеями философской школы легизма,¹² исходившей из равенства всех перед законом и правителем и, как следствие, из принципа раздачи титулов не по рождению, а по реальным заслугам.

Решительный удар был направлен на институты, не зависящие от государства: аристократические кланы и деревенские общины. Аристократы лишались большей части наследственных земельных владений. Вся остальная территория царства Цинь подразделялась на несколько десятков уездов (около 30), которые управлялись чиновниками, получающими казенное жалование. Аристократы не имели никаких привилегий при назначении на должности.

Большие крестьянские семейно-клановые группы, составляющие несколько поколений, были насильственно разделены на пятерки и десятки, члены которых несли ответственность друг за друга по принципу круговой поруки. Поощрялись взаимный шпионаж и доноительство.

Все сферы деятельности, которые не вели к увеличению зернового продукта, численности населения и армии, были объявлены вредными, как не приносящие непосредственной пользы государству. В эти сферы входили торговля, ремесло, наука и развлечения. Торговцы и даже ремесленники

(если они не работали на государство, производя прежде всего оружие) всячески принижались. Шан Ян не понимал, зачем нужны торговцы: все продукты должны были производиться на месте, в рамках деревни, и поступать в казну в виде налогов. В рамках программы всеобщей унификации в Цинь были введены единые для всего царства меры длины и веса.

Земледелие поощрялось, но социальное и имущественное расслоение в деревне не приветствовалось. Богачам настойчиво предлагалось сдавать больше зерна в казну и получить за это ранг или должность. Даже повысив свой социальный статус, они находились под подозрением со стороны властей и при любой оплошности могли потерять все.

Основной задачей крестьян Шан Ян считал расширение площади обрабатываемых земель. Только это могло усилить мощь государства. Целинные и пустующие земли в случае превращения их в обрабатываемые становились частным владением. Это была новация, которая отсутствовала в других царствах. На территориях, захватываемых у кочевников, правительство организовывало поселения, в которые привлекались колонисты, освобождаемые от уплаты налогов в течение 10 лет и на три поколения от несения военной службы.

В войсках вводилась строжайшая дисциплина, наказанием за нарушение которой являлась смертная казнь. За воинские заслуги офицерам полагались награды: должности, ранги и право сбора налогов с определенного количества крестьян. Но любая ошибка в ходе боя или неисполнение приказа в мирное время лишали командира всех его рангов и жалования.

Костяком, на котором держалось циньское государство, помимо армии становилось чиновничество. Поскольку знатность не играла роли при назначении на должность, определяющим качеством чиновника должно было стать беспрекословное послушание. Дисциплина в государственном аппарате поддерживалась особенно строго. Стремясь «вымуштровать» весь народ, Шан Ян особо требовал четкого исполнения всех правил и предписаний от чиновников. Для надзора за ними Шан Ян ввел особую категорию инспекто-

ров и цензоров (*юйши*), независимых от основного государственного аппарата и напрямую подчиняющихся верховной власти. Эта категория государственных функционеров должна была следить за всеми чиновниками, выявляя в работе, поведении и даже в мыслях малейшие отклонения от нормы. Возникший стараниями Шан Яна Цензорат *Юйшитай* процвел в Китае до XX в.

Под подозрения подпали развлечения (прежде всего, музыка), расслабляющие человека и не дающие ему возможности быть строгим, честным и беспристрастным чиновником, работающим крестьянином или смелым и жестоким солдатом — единственные достойные поприща, которые Шан Ян уготовил циньцам. Особую ненависть у Шан Яна вызывали мудрецы, которых он считали опасными смутьянами.

Шан Ян прямо говорил, что сила государства, кроме всего прочего, состоит в слабости и глупости народа, в разорванности его социальных и даже семейных связей. Народ следовало запугивать, заставлять слепо верить власти, быть преданным ей душой и телом, боготворить начальство. С таким народом можно было «свернуть горы».

В 352 г. до н. э., после четырех лет жесточайших преобразований, циньская армия во главе с Шан Яном в битве при Гуйлине нанесла сокрушительное поражение армии Вэй. Через 11 лет Шан Ян убедил Сяо-Гуна еще раз напасть на Вэй, ослабленное недавним поражением от армии Ци. В этой кампании Шан Ян проявил столь ценимое в китайской военной науке полководческое качество, как обман. Договорившись о встрече и заключении союза с вэйским принцем-военачальником, он во время пира, венчающего союзный договор, захватил принца в плен. Лишенная командующего вэйская армия была полностью разгромлена. Последующие территориальные потери и перенос столицы очень ослабили Вэй и сделали ее жертвой дальнейшей экспансии Цинь.

На деле система Шан Яна давала сбои, и он сам в этом убедился. Наследник Сяо-Гуна, Хуэй-ван (338—325 гг. до н. э.), припомнил Шан Яну старое оскорбление. За проступок тогда еще молодого наследника Шан Ян велел подвергнуть его учителя жестокому наказанию (клеймению лба и отрезанию но-

са), а сам принц был удален из дворца, ибо закон должен распространяться на всех. Но когда Хуэй-ван пришел к власти, он тут же обвинил Шан Яна в измене. Тот попытался укрыться в разгромленном им же царстве Вэй, но вэйцы изгнали его обратно в Цинь. Он попытался укрепиться в своем владении, но был разбит циньской армией, взят в плен и казнен. В соответствии с изданным им же законом о государственных преступлениях, был истреблен весь его род в трех коленах.

Гибель Шан Яна не сказалась на боеспособности Цинь. Запущенные им преобразования привели к тому, что Цинь стала самым сильным государством в Поднебесной. Через 7 лет после смерти Шан Яна войска Цинь вновь разгромили армию Вэй, проявив при этом особую жестокость: были отрублены головы у 80 тысяч воинов. Но в 30-е гг. IV в. ситуация в Поднебесной, казалось, могла измениться — среднекитайским княжествам был дан шанс сплотиться перед угрозой со стороны Цинь.

В это время на политической арене появился философ Су Цинь, ученик философа Гуй Гуцзы, теоретика дипломатии. Поначалу он посетил царство Цинь и предложил Хуэй-вану покорить все остальные государства, применив военную силу. Тот отказался, и тогда Су Цинь поехал к чжаоскому вану, где тоже не имел успеха. Принят Су Цинь был лишь в северо-восточном царстве Янь, где он предложил создать «союз по вертикали» или «союз с удаленными государствами» (*хэцзун*), направленный против царства Цинь. Получив в Янь одобрение своему проекту, Су Цинь двинулся в Чжао, где на сей раз был поддержан. Присоединились к *хэцзун* также правители Хань и Вэй, а немного позже — ваны Ци и Чу. В результате больших усилий Су Циню удалось создать антициньский союз, и каждый из шести правителей сделал Су Цина своим *сяном* (министром). Однако реализовать достигнутые договоренности оказалось невозможным: слишком разные интересы были у каждого из участников *хэцзун* и противоречия между ними зачастую были сильнее, чем между каждым из них и Цинь.

Более удачной была деятельность другого «политтехнолога», Чжан И, также являвшегося учеником Гуй Гуцзы.

Перипетиям биографии Чжан И, как и его соученика Су Циня, историк Сыма Цянь посвятил целый том своих «Исторических записок». Отметим лишь, что в конце концов Чжан И удалось стать сяном-советником царства Цинь и путем сложных интриг ослабить союз *хэцзун*, противопоставив ему союз *лянхэн* («союз по горизонтали» или «союз с сопредельными государствами»). Сочетание тонкой дипломатии с чрезвычайной жесткостью военных действий обеспечило Цинь победу.

Циньский правитель Чжао Сян-ван (306—251 гг. н. э.) уже вел себя как фактический правитель Поднебесной. В 291 г. до н. э. он впервые предоставил своим людям высшие титулы знатности, что до этого позволялось только чжоускому вану. С 293 г. по 259 г. до н. э. по приказу Чжао Сян-вана полководец Бай Ци, нанеся поражения войскам Хань и Вэй, уничтожил, если верить летописям, около 900 тысяч человек. Результатом военных действий Бай Ци стал захват сначала значительной части сопредельных с Цинь земель Вэй, Чжао, Хань и Чу, полная аннексия Шу.

Непобедимый Бай Ци умер в 257 г. до н. э., но дело было продолжено. В 256 г. до н. э. циньцы уничтожили 40 тысяч ханьцев и 90 тысяч чжаосцев. В это же время по приказу Чжао Сян-вана был разрушен домен чжоуского вана, и Восточная Чжоу формально прекратила свое существование: 9 священных треножников, олицетворяющих власть Сына Неба, были перевезены в Цинь.

После ряда слабых правителей, сменявших друг друга на циньском троне, на него вступил Ин Чжэн (246—210 гг. до н. э.), которому в то время было 13 лет. Среди его приближенных выделялся легист Ли Сы. Первые годы правления Ин Чжэна были тревожными. В 241 г. против Цинь собралась коалиция, состоящая из Чжао, Вэй, Янь и Чу. Однако коалиция развалилась, так и не начав военные действия, и с Цинь воевала только Чу, но и она потерпела поражение. В 234 г. до н. э. Цинь напало на Хань. Ханьский правитель попытался «умиротворить» Ин Чжэна, послав к нему послом знаменитого легиста Хань Фэйцзы. Однако Ин Чжэн арестовал философа, а Ли Сы его отравил, по-видимому, опасаясь сопер-

ничества. Установить мир с Цинь так и не удалось, и в 230 г. до н. э. вся территория Хань была захвачена. Затем цинская армия разбила остальных участников несостоявшейся коалиции, а в 221 г. до н. э. положила конец последнему независимому государству Центрального Китая — царству Ци.

Первые империи

В 221 г. до н. э. Ин Чжэн принял новый, еще никогда в Поднебесной не употреблявшийся титул *хуан-ди* (величайший царь, император). Таково было именование легендарного «желтого императора», первопредка хуся и основателя государственности. Первый император империи Цинь (Цинь Шихуан) вместе со своим советником Ли Сы предприняли в масштабе империи реформы, напоминавшие доктрину Шан Яня. Представители потенциально опасных для власти слоев — местная родовая аристократия, местное высшее чиновничество, богатые купцы — насильственно переселялись в столицу.

Чтобы избежать народных выступлений, по всей стране у населения изымалось и переплавлялось оружие. Устанавливались единые жесточайшие законы, проводилась территориальная унификация (разделение на 36 административных округов, не совпадающих с прежними царствами). Унификации подверглись также социально-культурная сфера (отмена всех прежних статусных различий, унификация мер, весов, денег, письменности, исторических хроник). В 213 г. до н. э. был издан указ о сожжении недозволенных книг, находящихся в частном владении.

Несмотря на то, что Цинь Шихуан объявил о наступлении «вечного мира» (и под этим предлогом отобрал у местных правителей все оружие), империи приходилось подавлять сопротивление южных народов и, что требовало еще больших сил, — воевать с северными кочевниками.

Наиболее тягостным бременем для населения был набор для строительства Великой стены (нескольких сотен тысяч человек). Неменьшие усилия требовались для рытья 36-кило-

метрового канала, соединяющего приток реки Янцзы с притоком реки Сицзян, для строительства дворца любимой наложницы Цинь Шихуана, для прокладки дорог, идущих от столицы в другие части страны, для строительства грандиозной гробницы императора¹³ и его столичных дворцов. На всех этих работах гибло множество людей, безжалостно истощались силы страны.

Конец 11-летнего правления Цинь Шихуана ознаменовался ростом недовольства. Постепенно ропот народных слоев передался и элите. Было раскрыто три заговора, что сделало императора чрезвычайно подозрительным и еще более жестоким. Основной его гнев обрушился на конфуцианцев, которые ставили под сомнение как методы, которые применяли легисты, так и опору их на «закон» при игнорировании морали. Цинь Шихуан сжег конфуцианские каноны и заживо закапывал в землю философов. Неожиданная смерть Цинь Шихуана в 207 г. до н. э. застала высшее чиновничество врасплох. Придворные интриги привели на трон бездарного младшего сына покойного императора Ху Хая, в то время как способный старший сын Фу Су был принужден к самоубийству. Уничтожены были и все остальные сыновья и дочери Цинь Шихуана.

Законы, изданные в правление Цинь Шихуана, предусматривающие смертную казнь за малейшее нарушение, вызвали всеобщее недовольство. Крупное восстание под руководством двух младших командиров Чэнь Шэна и У Гуана вспыхнуло в 209 г. до н. э. Из-за наводнений они не смогли вовремя доставить к северной границе отряд мобилизованных на работы крестьян, а поскольку за неисполнение приказа их неминуемо ждала смерть, они подняли бунт,¹⁴ к которому быстро присоединилось множество недовольных. Чэнь Шэн объявил себя старшим сыном Цинь Шихуана, царевичем Фу Су, а другой — любимым народом чуским военачальником Сян Яном.

Захватив старую столицу государства Чу, Чэнь Шэн принял «предложение народа» и стал *ваном* Чу. Затем он стал назначать ванов других бывших царств Чжао, Янь, Ци, а ваном царства Вэй был назначен потомок местного правителя.

Так политическая структура Поднебесной стала приобретать прежний вид.

Однако через полгода Чэнь Шэн погиб в сражениях с циньскими войсками. Его соратник У Гуан был убит своими подчиненными. И в лагере повстанцев, и в лагере сторонников династии Цинь началась ожесточенная борьба между группировками, сопровождавшаяся вполне «циньской» жестокостью по отношению к побежденным. Лю Бань, примкнувший со своим отрядом к восставшим, оказался удачливее других, отличаясь несколько большей гуманностью. Став *ваном* бывшего царства Хань, Лю Бань в конце концов сумел одолеть своих соперников.

В 202 г. до н. э. Лю Бань принял титул императора, после чего началось длительное правление династии Хань. Придя к власти и взяв имя Гао-цзу (206/202—195 гг. до н. э.), он уже летом 202 г. до н. э. провел всеобщую амнистию, вернув социальный статус, имущество и землю тем, кого незаслуженно карали при Цинь и во время смуты. Гао-цзу поначалу щедро награждал своих военачальников, жалую титулы и наследственные земельные владения, переадресовывал им часть государственных земельных налогов. Но, опасаясь сепаратизма, Гао-цзу вскоре отобрал ранее предоставленные уделы, перераспределив их среди родственников.

Для укрепления династии Гао-цзу обязал высшую родовую знать и чиновничество принести клятву верности: давать военный отпор всем ванам, происходящим не из императорского рода Лю. Своим решением построить столицу в Сиани (Чанъань) рядом с развалинами циньского Сяньяна в Шэньси, Гао-цзу демонстрировал продолжение северной имперской традиции.

Восстановив централизованную систему управления государством, он ввел территориальные административные единицы, в которые назначил чиновников, получающих жалованье. Император притеснял купечество налогами, но с крестьян поборы снижал.

Войны с хунну стали постоянным фактором политической жизни империи. Гао-цзу лично возглавлял войска, сражавшиеся с кочевниками, заключал мирные договоры, род-

нился с варварами, платил им дань, но ликвидировать «проблему степняков» не мог.

Гао-цзу умер в 195 г. до н. э., и власть на 15 лет перешла в руки его вдовы Люй-хоу, отличавшейся властолюбием и жестокостью. Опираясь на своих родственников, получивших выгодные должности, она возводила на престол самых ничтожных из многочисленных детей покойного императора, а затем сама же избавлялась от них. После смерти Люй-хоу ваны императорского рода и столичные чиновники расправились со ставленниками императрицы и с одобрения всех детей Гао-цзу сделали императором того из его сыновей, чья мать и ее род не вызывали у них опасений — императора Вэнь-ди (180—157 гг. до н. э.).

Правление этого императора стало образцовым для китайской исторической традиции — Вэнь-ди постепенно ослаблял жестокие законы циньского времени, освобождал от чрезмерных налогов большие группы населения. Так, для развития земледелия он на десять лет снизил налоги с пахотных земель. Вэнь-ди покровительствовал конфуцианству, укрепляя систему конфуцианских школ (главы таких школ получали звание *боши* — «ученый обширных знаний»), делал шаги к установлению системы должностных экзаменов. Возможно, отчасти и этим вызвана его высокая оценка в китайской исторической традиции — ведь исторические хроники составляли конфуцианцы. В качестве примера благоразумия и осторожности императора приводят его отказ от реформы, призванной ослабить систему удельных княжеств. Когда же в правление его сына размеры удельных княжеств были урезаны, вспыхнуло кровопролитное *восстание Семи князей* (154 г. до н. э.).

Мятежники пытались опереться и на помощь внешних сил — независимых государств на юге (Дунъюэ и Минъюэ), и северных племен хунну. Восстание удалось подавить за три месяца — решительные действия помешали кочевникамвязаться в войну. В дальнейшем отношения с хунну укреплялись за счет династических браков и подкупа племенной верхушки, что привело к затишью на степной границе. В этот период при дворе усилилось влияние даосов, книга

«Дао дэ цзин» была объявлена классической. Даосская группировка укрепилась в первые годы правления следующего императора У-ди (141—94 гг. до н. э.), чьи мать и бабушка покровительствовали этому учению. При дворе прошло столкновение между конфуцианцами и сторонниками даосизма. Но после смерти матери император взял конфуцианство под свою защиту, сделав его официальной идеологией ханьской империи: был оформлен конфуцианский канон, ученые, придерживающиеся иных школ, были уволены.

Несмотря на конфуцианскую идеологию, система государственного управления держалась на легистском принципе строгого подчинения старшим младших на основе закона. Император являлся мистической фигурой, соединяющей в своем лице «мир земной» и «мир духов». Высшая религиозная власть осуществлялась лично императором в рамках культа императорских предков. У-ди первый из императоров стал использовать *девизы правления* и провел реформу календаря.

В период его долгого правления завершилось формирование классической бюрократической структуры. Большая часть чиновничества занималась управлением территории империи, меньшая часть (личные советники) — делами двора и церемониями. Самым главным чиновником был *цзайсян* (по традиции переводится как «канцлер»). Его подбирал лично император. Остальные служащие обычно рекрутировались под поручительство доверенных сановников. Они должны были обладать признаваемыми всеми достоинствами: «почтительностью к родителям» и «бескорыстием». Но с 132 г. до н. э. для таких «почтительных к родителям и бескорыстных» устраивались и настоящие экзамены. Вскоре император распорядился рекомендовать от каждой области и удела двух человек, обладающих выдающимися достоинствами и ученостью. Конфуцианцы предложили предварительно обучать 50 кандидатов, отобранных провинциальными властями, в Государственном училище (*Тай сюэ*), а потом проводить для них экзамен, вопросы для которого составлял сам император. Элитарная конфуцианская культура, знание канонических текстов становилась залогом чиновничьей карьеры.

Работу центральных органов власти контролировал Цензорат. Вся территория государства была разделена на 13 специальных округов, надзор в которых осуществляли местные цензоры. На чиновниках Цензората лежала также обязанность раскрывать заговоры высшего чиновничества и родовой знати, жившей в столице.

При У-ди были введены монополии на чеканку монеты, на производство и торговлю солью и железом (до этого соляными промыслами владели частные лица). Купцы должны были платить налог на капитал, транспортные средства и товары. Государство, как и в эпоху Цинь, подчеркивало приниженное положение торговцев. При этом принимались меры, препятствующие разорению одних крестьян и чрезмерному обогащению других.

У-ди создал 8 провинциальных военных округов и один столичный, в каждом из которых служба носила наследственный характер: сыновья поступали в те округа, где отбывали военную повинность их отцы. Почти сразу же после прихода У-ди к власти началась длительная война с хунну, в результате которой в 119 г. до н. э. кочевники потерпели сокрушительное поражение, надолго перестав угрожать империи.

В ходе этой борьбы китайцы активно использовали дипломатию. Для установления союза с ираноязычными западными соседями хунну, которых по старой традиции именовали *юэчжи*, в 139 г. до н. э. к ним отправился посол Чжан Цянь, дошедший до Самарканда. Установление тесных отношений с Ферганской долиной позволило обеспечить китайскую армию превосходными скакунами, столь важными для войны в Степи. В этот период империя расширялась во всех направлениях. Были завоеваны Ляодун и Корея. На захваченной территории были созданы китайские округа. Оттуда была направлена дипломатическая миссия в Японию. На самом юге У-ди использовал войну расположенных в современной Фуцзяни государств Дунъюэ и Минъюэ для их полного подчинения. Тогда же было завоевано царство Наньюэ, охватывающее Гуандун, Гуанси и север Вьетнама.

Таким образом, Китай к концу длительного правления У-ди стал самой обширной и населенной территорией в мире.

Задачей многих последующих китайских правителей стало удержание достигнутых позиций. Но сделать это было нелегко. Дорогостоящие военные походы и интенсивное строительство дали себя знать. В стране начались бунты, и император ввел личную ответственность чиновников за народные волнения. В 88 г. до н. э. У-ди заболел и, после долгих колебаний, истребив три «внешних» (с женской стороны) рода, назначил наследником сына любимой наложницы. Но, дабы не повторилась история, случившаяся сто лет назад с узурпаторшей Люй-хоу, император, как это ни было ему тяжело, казнил мать своего наследника.

В 87 г. до н. э. У-ди, назначивший регентов, умер, на престол был возведен семилетний мальчик. Правление юного императора Чжао-ди проходило при власти регентов, главным из которых был Хо Гуан. Поскольку народные бунты не прекращались, новое правительство ввело строжайшую экономию государственных расходов, объявило амнистию восставшим, существенно уменьшило налоги и подати, стремились наделять землей безземельных крестьян, переселяя их на новые земли. В результате увеличились пахотные земли, казенные хранилища зерна начали наполняться, поступление государственного риса на рынки увеличилось, цена на него упала. Угроза краха на некоторое время отступила.

После смерти Чжао-ди в 74 г. Хо Гуан возвел на престол на 27 дней принца Лю Хэ, а потом предъявил ему список из 1127 обвинений и «сместил с должности». Новый император Сюань-ди (73—49 гг. до н. э.) всем был обязан Хо Гуану, на которого он полностью полагался вплоть до его смерти в 68 г. до н. э. Однако после его смерти «на всякий случай» уничтожил весь род этого регента.

Сюань-ди развивал достигнутые успехи и старался избежать тяжелых войн. Сокращая армию и уменьшая налоги, Сюань-ди провел реформу суда. Преследуя коррумпированных чиновников, он усовершенствовал Цензорат. Мирная политика оказалась эффективной — при Сюань-ди Поднебесная по своим размерам даже превысила империю У-ди. Окончательно оформилось централизованное государственное устройство с мощной бюрократией и надзором за чиновниче-

ством. Конфуцианское учение, для которого семья была главной ценностью, влияло на законодательство. В 66 г. до н. э. был издан указ, в соответствии с которым укрывательство ближайших родственников (отца и матери, сына и братьев, мужа и жены, деда, бабки и внуков) перестало считаться уголовным преступлением. Более того, донос на этих родственников карался смертью. При Сюань-ди продолжал расти авторитет конфуцианских ученых на службе двора, принципы которых приспосабливались к современной жизни.

Незадолго до смерти император окончательно утвердил наследником сына от любимой жены, обойдясь без превентивных казней. Однако кризис приближался.

Император Юань-ди (49—33 гг. до н. э.) был человеком добрым, но слабохарактерным. У него были добросовестные советники, которые старались, когда это было можно, снижать престижные расходы и сокращать объемы трудовой повинности. Но грандиозные ирригационные работы на Хуанхэ, способствовавшие нормализации товарных потоков и предотвращению сезонных наводнений, отвлекали большие человеческие ресурсы и вызывали недовольство народа.

Численность государственного аппарата продолжала расти. Жалование чиновников требовало увеличения налогов. Подати давили на крестьянство, толкая неплатежеспособных в зависимость от богатых землевладельцев («сильных домов») вплоть до рабской. Тем самым сокращалась налоговая база государства. Образовывался замкнутый круг, выход из которого лежал через социальный взрыв, сметающий всю политическую систему китайского общества. Таким образом, уже империя Хань начала демонстрировать цикличность, которая будет присуща всем последующим периодам — круговорот династических циклов, повторяющихся с определенной очередностью примерно раз в полтора века.

При дворе между тем шла ожесточенная борьба между двумя партиями — конфуцианской и придворной. Их взлеты и падения сопровождались казнями и самоубийствами советников императора. Деграция власти затронула также и институт престолонаследия: способный принц от матери из рода Фу был отстранен от трона, власть была передана им-

ператору Чэн-ди (33—7 гг. до н. э.), полностью зависимому от клана Ванов. Представитель этого рода, могущественный и влиятельный двоюродный брат правителя Ван Ман становится главнокомандующим в 8 г. до н. э., а после смерти императора начинает менять на троне его малолетних приемников. В течение пятнадцати лет ему удавалось удерживать власть, издавая законы от имени императоров. Главным стремлением Ван Мана было ограничение размеров частных владений и численности рабов. Предполагалось, что на изъятых землях освобожденные рабы создадут крепкие крестьянские хозяйства и станут полноценными налогоплательщиками. Подавляя сопротивление «сильных домов», недовольных преобразованиями, он обращался к духу конфуцианской морали, осуждавшей стяжательство. Использовал он конфуцианское учение и для идеологической подготовки захвата власти. Концепция перехода Небесного мандата от злого и безнравственного правителя к достойному и добродетельному монарху пришлась весьма к месту. Ван Ман опирался на классическую конфуцианскую книгу «Чжоуские ритуалы» и помощь выдающихся конфуцианцев.

Прежде чем реализовать идею «перехода Небесного мандата» на практике, Ван Ману пришлось подавить сопротивление родовой знати, которая вместе со своими боевыми дружинами выступила против нового правителя-узурпатора. Наконец с выступлениями знати было покончено, и Ван Ман провозгласил себя императором. Династия Старшая, или Западная Хань прекратила существование. Новая династия так и называлась Синь («Новая») и продержалась с 9 по 23 г. н. э.

Опираясь на чиновников и преданных ему конфуцианцев, Ван Ман в 9 г. оформил свою прежнюю политику в виде единой земельной реформы. Он издал указ об отмене частного владения землей и полном переходе земли в собственность государства в форме системы «колодезных полей». Согласно учению философа Мэн-цзы, жившего на рубеже IV—III в. до н. э., издавна существовала единственно правильная система землепользования, к которой надо вернуться. В соответствии с этой системой земля делилась на квадратные участки равной площади, а каждый квадрат нарезался на девять

равных полей, в центре которых располагался колодец (*цзин*). Восемь окаймляющих его полей находились в личном пользовании, а среднее, колодезное, было общинным, собранный с него урожай поступал в казну. Система «колодезных полей» (*цзин тянь*) предполагала, что восемь крестьянских хозяйств объединены отношениями взаимопомощи и круговой поруки.¹⁵ Надел получал каждый трудоспособный крестьянин, избыточной землей надо было делиться с другими. Одновременно была запрещена купля-продажа земли и рабов.

Неизвестно, появились ли у Ван Мана сторонники из числа крестьян и рабов, облагодетельствованных новой системой, но число противников его реформы неуклонно возрастало.

Тогда же были установлены государственные монополии на отливку монеты, на соль, железо, спиртные напитки, а также на ведение кредитных операций. Ван Ман ввел контроль над рынками, государство устанавливало «приемлемые для народа» цены, которые, как оказалось, совершенно не устраивали торговцев. Рынки, впрочем, стали закрываться сами: запретив литье частной монеты, деньги выпускало государство, прибегая к порче монеты. Новые деньги население отказывалось принимать в качестве средства платежа. Стремление держать принудительный курс порченной монеты привело к тому, что Ван Ман вынужден был пять раз за 15 лет менять этот курс, но финансовый хаос не прекращался.

К несчастью для Ван Мана, в 11 г. Хуанхэ изменила русло на огромное расстояние — несколько сотен километров. Большие пространства центрального Китая были затоплены водой, урожай потерян. Начался массовый голод, спровоцировавший мощное восстание сначала на севере, а потом на востоке, в провинции Шаньдун. Это заставило Ван Мана отступить от радикальных преобразований. В 12 г. он вынужден был отменить запрет купли-продажи рабов и частной земли, а через два года была проведена эффективная реформа центрального и регионального управления. На время восстания стихли. Однако в 17 г. бунт в Люйлине (Хэбэй) перерос в массовое движение, объединившее всех ненавидящих новую династию. Повстанцев возглавил представитель дома

Хань по имени Лю Сюань. В следующем году вспыхнуло восстание в Шаньдуне. В качестве опознавательного знака повстанцы красили свои брови в красный цвет, это движение получило название «восстания краснобровых». Ван Ман послал против них стотысячную армию, которая была разгромлена. В решающем сражении Ван Ман сам вышел на поле боя и был убит. Недолговечная династия Синь прекратила свое существование в 23 г. н. э.

Провозгласив себя императором, Лю Сюань в том же году занял столицу. Он попытался договориться с вождями «краснобровых», но последние остались недовольны. Они заключили союз с верховным правителем хунну — *шаньюем*, разгромили армию Лю Сюаня и объявили императором еще одного потомка ханьского дома. В стране началась «война всех против всех», которая унесла сотни тысяч жизней. Столица Чанъань была разрушена полностью.

В конце концов, один из сторонников люйлинской армии, член дома Хань, победил «краснобровых» и восстановил династию, провозгласив себя императором под именем Гуан У-ди (25—57 гг.). Новое государство получило название Восточная Хань или Поздняя Хань (25—220 гг. н. э.).

Гуан У-ди восстановил старую ханьскую удельную систему, а государственные земли перераспределил в пользу аристократов и крестьян. Поскольку в ходе войны с повстанцами он опирался на землевладельцев, то поначалу раздал им большие участки земли. Произошел «ханьский ренессанс»: в воссозданных уделах возродилась не только экономика, но и культура. В Китай начал проникать буддизм, получивший поддержку удельных князей, при их дворах находили приют и службу странствующие философы и прорицатели.

Могущество крупных землевладельцев, которое так и не смог уничтожить Ван Ман, по-прежнему представляло угрозу империи. Их владения были огромны, у них имелись дома-крепости, сотни рабов и зависимых арендаторов. Арендаторы не платили налоги, а только ренту землевладельцу. Поэтому государство и пыталось превратить их в свободных крестьян-налогоплательщиков. Но когда Гуан У-ди ввел систему замесов полей (ду тянь), он вновь столкнулся с угрозой мятежа.

В правление Мин-ди (57—75 гг.) в 60-е гг. был реализован масштабный проект по ремонту каналов, к реализации которого были привлечены многие местные крупные землевладельцы, поставлявшие на государственные работы своих крестьян. Это способствовало увеличению площади обрабатываемых земель.

Правление Мин-ди и Чжан-ди (75—88) было временем относительного спокойствия. В этот период экономика оправилась от потерь, понесенных в ходе правления Ван Мана, восстаний и междоусобной борьбы. Усталость, охватившая политический класс после череды военных действий и природных катаклизмов, способствовала затишью в придворной борьбе.

Однако с конца I в. н. э. на уровне высшей власти вновь стали наблюдаться кризисные явления. Император Хэ-ди (88—106 гг.) на 4 года был полностью отстранен от какого-либо управления государством. На придворных аудиенциях с чиновниками общалась его мать, а практическими делами занимался ее брат. Вскоре к засилью родичей императоров по женской линии добавилось засилье евнухов, и это стало «долгоиграющим» фактором китайской истории. При императоре Шунь-ди (125—144 гг.) государством фактически управлял евнух, получивший аристократический титул, что было ранее неслыханно. После смерти Шунь-ди в 144 г. страной фактически стали править вдовствующая императрица и ее брат. В течение трех последовательных правлений они играли на интересах противоборствующих фракций евнухов и государственных чиновников. После смерти императрицы Лян в 159 г. евнух Шан Чао победил клан Лян и привел к власти толпу евнухов, которые оттеснили от управления все остальные социальные и политические группировки. Практика присвоения евнухам аристократических титулов стала обычным делом, они получали обширные земли и большие суммы денег. В ответ консолидировалась фракция чиновников-конфуцианцев, которая начала кампанию критики евнухов. Последние в свою очередь обвинили чиновников в создании политической клики и отстранили их от должностей.

Аппарат империи Восточная Хань чрезвычайно разросся. За ним присматривал большой надзорный штат. В период правления Восточной Хань самым важным из всех цензоров считался Дворцовый канцлер по делам цензората (*Юйши чжунчэн*), который возглавлял Орхидееву палату. С периода Западной Хань, в I в. до н. э., значительно выросло значение Палаты документов (*Шан шу*), игравшей роль императорского секретариата; ее стали называть «Полярным созвездием».

Значительная часть важнейших сведений просто «тонула» в недрах нового разросшегося аппарата. Императору нужны были иные источники информации и каналы воздействия на политику. Родственники и друзья давно были одним из таких каналов, но теперь все большее значение обретали евнухи, имевшие постоянный доступ на «внутреннюю» половину дворца, в гинекей, а значит, и к уху императора. Политическое усиление евнухов станет закономерностью китайской истории. В конце каждого династического цикла бюрократический аппарат настолько разрастался, что из инструмента реализации власти превращался в препятствие. Тогда именно евнухи сообщали императору важнейшую информацию, быстро и эффективно выполняли самые насущные поручения. Чаще всего они действовали и в своих интересах, навлекая на себя упреки и ненависть со стороны народа, подогреваемую постоянным их осуждением со стороны конфуцианцев. При этом в народной культуре сложилось представление, что приход к власти евнухов связан с бедами, несчастьями, бунтами и концом династии. Дальнейший ход событий обычно подтверждал народные предчувствия.

В начале правления Лин-ди (168—189 гг.) официальные регенты пытались уничтожить мощную фракцию евнухов при дворе. Однако сделать этого они не смогли. Вражда между евнухами и чиновниками оставалась непримиримой.

Многое указывало на то, что правители утратили «Небесный мандат», паралич власти мешал поддерживать ирригационные сооружения, что приводило к постоянным разливам рек и было чревато голодом. На Поднебесную обрушилась невиданная ранее эпидемия чумы. Даосская секта Тайпиндао (Путь Великого Равенства) точно предсказывала скорое на-

ступление счастливой эпохи «золотого неба», для чего надо было свергнуть несправедливую власть. В 184 г. вспыхнуло восстание Желтых повязок, борцов за «золотое небо». Ближился конец династического цикла.

Формально династия просуществовала до 220 г. Таким образом, сроки правления династий Восточная Хань и Западная Хань парадоксальным образом равны, составляя по 195 лет каждая, однако реальная власть была утрачена императорами уже в 196 г.

В целом период Хань был для средневекового Китая тем, чем была Римская империя для средневекового Запада — колыбелью культуры, прототипом, недостижимым образцом для подражания. Пожалуй, разрыв между традицией Хань и последующими империями был даже менее явным, чем между римской древностью и европейским Средневековьем. Принципы управления, бюрократические традиции, ритуалы и церемонии, основные философские течения и даже максимальный ареал распространения китайского влияния — эти параметры уже были заданы первыми империями. Но были и различия. Прежде всего, кочевой фактор, который хоть и присутствовал издавна в китайской истории, но набирал свою силу лишь постепенно. Только на последних этапах истории Древнего Китая кочевники становятся участниками китайских междоусобиц, но они пока еще далеки от того, чтобы основывать свои государства на китайской территории. Основные течения мысли — конфуцианство, учение даосов — уже сформировались, а к концу периода китайцы знакомятся и с доктринами буддизма. Однако они еще не стали религиями. Не сформировались пока ни система монастырского землевладения, ни институт служителей культа, ни группа хранителей религиозных доктрин, активно взаимодействующих с властью. Мы можем наблюдать лишь первые шаги в том направлении. И главное отличие — средневековые китайские империи подражали династии Хань, а сама династия Хань никому не подражала, императоры во многом были древними первопроходцами, закладывая основы будущей китайской государственности. И все-таки основной набор базовых элементов, характери-

зующих китайскую средневековую цивилизацию, уже был подготовлен.

Прежде чем закончить наш вводный экскурс в историю Поднебесной и приступить к повествованию об истории средневековых китайских династий, надо договориться по поводу указания имен императоров. Империя Хань среди прочего установила принципы именования правителей. У каждого из них было личное имя или несколько таких имен. Их принято не упоминать, но если император не наследует свой титул, а пробивается к нему с трудом, как это бывало, например, в начале династий, то он первоначально фигурирует в истории под своим личным именем. Так, мелкий чиновник, ставший разбойником в конце правления династии Цинь, именовался Лю Бан. Затем, приняв участие в восстании, переросшем в гражданскую войну, он получил в правление область Хань и титуловался уже Хан-ваном. В 206 г. до н. э. он стал императором, известным в истории под именем Гао-цзу. Но дело в том, что он и его многочисленные преемники никогда не подписывали так свои приказы, и к ним никто не мог обратиться по имени. Подлинное имя Сына Неба нельзя было произносить, за это полагалась казнь. И, только отойдя в мир иной, император обретал свое храмовое имя. Табличка с именем усопшего императора помещалась в родовом храме поминовения мертвых, где принцы-наследники должны были произносить службы по умершим предкам. Проблема осложняется и тем, что у императора было еще и посмертное имя. Оно не было тайной, но было сложносоставным, и поэтому в исторических сочинениях использовалось более краткое (состоящее из двух иероглифов) имя покойного императора. Очень скоро, уже при сыне Гао-цзу — императоре, которому присвоят храмовое имя Вэн-ди (личное имя Лю хэн), появляются девизы правления. Вэн-ди, например, именовал свое правление или «свою эру» — «*Хоуюань*», это можно перевести как «после начала» или, возможно, «после славного начала». Этим девизом и подписывались документы, он фигурировал и на печатях императора. Иногда именем эры или девиза правления именовали и самого императора. Это было бы очень удобно, если бы

многие правители не меняли девизы своего правления. Уже внук Вэн-ди, император, чье храмовое имя было У-ди (личное имя Лю Чэ), за свое долгое правление (140 г. до н. э.— 87 г. до н. э.) сменил одиннадцать девизов правления.

И только с конца XIV в., с приходом к власти династии Мин, установится обычай не менять девиз в течение всего срока правления. Поэтому достаточно часто императоров этой династии именуют по девизам. Но и это не облегчает чтение книг по китайской истории. Основатель династии, Чжу Юаньчжан (1328—1398), беглый монах, ставший разбойником, в 1368 г. провозглашает себя императором и берет девиз *Хунью* («Разлив Воинственности»), его храмовое имя — Тай-цзу. А его сын Чжу ди (1360—1424) после смуты и гражданской войны становится в 1402 г. императором, правившим под девизом *Юнлэ* («Вечная радость»), храмовое имя — Чэн-цзу. Поэтому у современных историков приходится читать то об императорах Чжу Юаньчжане и Чжу ди, то об императорах Хунью и Юнлэ, то об императорах Тай-цзу и Чэн-цзу. Понять, что речь идет об одних и тех же людях, удается не сразу.

Есть еще одна особенность. Храмовых имен было немного, и они часто повторялись императорами разных династий. Поэтому в данном случае историки добавляют еще и имя династии. В последних случаях императоры будут фигурировать как Мин Тай-цзу и Мин Чэн-цзу. А вот полководец Чжао Куаньинь (927—976), ставший основателем династии Сун в 960 г. и получивший храмовое имя Тай-цзу, именуется историками как Сун Тай-цзу. А первые названные нами императоры династии Хань, соответственно, как Хань Гао-цзу, Хань Вэнь-ди и Хань У-ди.

Из правил именования были всевозможные исключения, особенно для династий, основанных варварами. Более того, их так много, что порой вообще хочется махнуть рукой и называть императора как придется. Но все-таки мы будем придерживаться одного принципа именования по храмовому имени, специально оговаривая случаи отступления от этого правила.

ЭПОХА ШЕСТИ ДИНАСТИЙ (ЛЮЧАО) III—VI вв.

В Китайской истории период 220—589 гг. называется эпохой «Шести династий» (*Лючао*) — от конца династии Хань до начала династии Суй. Это было время утраты Китаем государственного единства, когда за исключением краткого периода (265—304) на территории Поднебесной существовало одновременно несколько государств. Древние столицы и северный Китай — родина ханьской цивилизации, оказались в руках завоевателей — «варваров».

Троецарствие и Империя Цзинь

Период древних династий в Китае подошел к концу на рубеже II—III вв., когда в огне восстания «Желтых повязок», начавшегося в 184 г., сгинула династия Хань. Вожди восстания из даосской секты «Путь Великого Равенства» обещали, что «Синее Небо» (династия Хань) погибнет и воцарится «Желтое Небо» (Царство справедливости). Пророчество отчасти сбылось — династия пала, правда, не тогда и не так, как предсказывал вождь восставших, даос Чжан Цзяо. Императорская армия оказалась неспособна подавить восстания, охватившие многие провинции. Инициативу в свои руки взяли представители местной элиты: крупные частные землевладельцы, стоящие во главе могущественных кла-

нов — «сильных домов». Обладая хорошо вооруженными боевыми дружинами, они смогли усмирить повстанцев, действуя с предельной жестокостью, складывая пирамиды из отрубленных голов крестьян. Власть над разграбленной и опустошенной страной оспаривали между собой военачальники, выдвинувшиеся во время подавления затяжных восстаний.

Одним из таких победителей повстанцев на севере Китая был Цао Цао — воин, поэт и теоретик военного искусства. Взяв под контроль императора, используя ресурсы центральной власти наряду с силами варварских племен, он сумел покорить всю равнину Хуанхэ. Так на севере Китая образовался первый мощный властный центр, другой появился на юго-западе — в Сычуани, где обосновался военачальник Лю Бэй, притязавший на родство с императорской фамилией. К югу от Янцзы образовался третий центр, в котором укрепился еще один военачальник — Сунь Цюань. На территории бывшей империи Хань система Троецарствия закрепились более чем на полвека. В 220 г. последний ханьский император добровольно уступил трон сыну Цао Цао, образовавшему на севере новую династию Вэй. С 222 г. земли Лю Бэя на западе получили название царства Шу (поскольку правитель претендовал на родство с династией Хань, то государство также называлось Хань-Шу). Сунь Цюань на юге провозгласил себя правителем царства У.

Каждое из трех царств было ориентировано на борьбу с неханьскими народами. Царство Шу разворачивало экспансию против тибето-бирманцев, учредив на завоеванных землях область Юньнань. Царство У начало захват многочисленных юэских (вьетских) земель. Самая тяжелая задача стояла перед государством Вэй, противостоявшим кочевникам Севера. С целью освоения новых, восстановления пустующих и заселения свободных земель была создана система особых государственных поселений (*тунь тянь*), в которые наряду с солдатами, обеспечивающими армию провиантом в отдаленных районах страны, стали вербовать гражданское население. Поселенцам предоставлялись земля и рабочий скот. Но за это они должны были отдавать не менее полови-

ны урожая, нести караульную службу и сражаться во время войны. Такая система была исключительно тяжелой, и поселенцев приходилось удерживать силой. Подобные же государственные поселения существовали и в царстве У, где тяготы жизни пришедшего с севера населения усугублялись непривычным климатом.

В это же время возникла идея создания надельной системы (*чжань тянь*), первые проекты которой появились именно в царстве Вэй. Однако ее правители были еще слабы для того, чтобы реализовать столь жесткую систему централизованного распределения земли в своем государстве. Пытаясь бороться как с «сильными домами», так и с главами округов, присваивавшими собираемые налоги, правители Вэй попытались изменить систему отбора на государственные должности. Специальные должностные лица отбирали на местах достойных кандидатов, которым присваивалась одна из девяти «деревенских категорий». Поступивший на службу становился чиновником, затем повышал свой статус переаттестациями. Чиновники-ученые (*шунь*) в зависимости от ранга получали участки земли с работниками, чья государственная повинность заключалась в обеспечении чиновника. Прямые потомки чиновников освобождались от налогов. Такая система отбора и квалификации кадров время от времени возобновлялась, но, как правило, до VII в. местная элита находила способ проводить своих кандидатов на должности.

Троецарствие в Китае оказалось недолгим. В царстве Вэй власть в армии захватили представители рода Сыма, сумевшие подчинить своей воле императоров. Сыма Янь, отец которого разгромил западное царство Шу, в 265 г. вынудил последнего правителя Вэй отдать ему власть. Новое, объединенное государство было названо империей Цзинь. Вскоре ему удалось присоединить к себе и южное царство У (280 г.).

Причины недолговечности южного и западного царств были схожи: главным злом являлся сепаратизм правителей областей. В трудный момент вокруг трона оказывались только дворцовые евнухи, неспособные организовать оборону страны. Царство Вэй обладало большими людскими ресурсами и имело более закаленные в боях с «северными варва-

рами» войска. Но и победитель оказался подвержен тем же опасностям.

Сыма Янь (посмертное имя — У-ди, храмовое имя — Ши-цзу¹⁶), на десять лет обеспечил мирное существование возрожденной империи, расширил государственные поселения (*тунь тянь*), которые стали охватывать 80 % податного населения, и обеспечил реальное функционирование наделной системы (*чжань тянь*). За каждым крестьянином закреплялось право на получение надела определенных размеров при условии уплаты фиксированных налогов (денежных и натуральных). Мужчины получали по 70 му (3.22 га) пахотной земли и земли под паром, женщины — 30 му (1.38 га). Позже землю стали выделять еще и для приусадебного участка, огородов, разведения технических культур (тутовых деревьев, конопли). С хозяина брали натуральный налог зерном, промысловую подать (шелком и другими тканями), заставляли отрабатывать на государство определенное число дней в году. В зависимости от ранга, большие земельные наделы (от 1 тыс. му (46 га) до 5 тыс. му (230 га) с сидевшими на них освобожденными от государственного тягла крестьянами получали чиновники, прямые потомки которых также не платили налогов.

Введение наделной системы, основанной на верховных правах императора на землю, призвано было укрепить материальную базу государства. Хотя отдельные элементы такой системы встречались и ранее, она была вызвана к жизни условиями III—VI вв., когда появилось много опустевшей земли, сократилось число рабочих рук и возобладала тенденция к натурализации хозяйства. Эта мера на века определила социальную структуру китайского общества и механизмы управления им. С наделной системой конкурировали и другие формы землевладения: власти отдавали новь во владение тем, кто поднял целину, собственные «уделы» получили родственники правителя, позже землями были наделены также и буддийские монастыри.

Одно из мероприятий императора имело катастрофические последствия: передача в распоряжение его родственников более 20 областей Китая. Правители областей, получив-

шие титулы *ванов* (в европейской традиции их переводят то словом «король», то «князь»), имели собственные армии и являлись практически полными хозяевами на своих территориях. После смерти Сыма Яня (290 г.) престиж императорской власти стал стремительно падать, и вскоре в стране начались кровавые усобицы («смута восьми ванов»). Центральная власть мало что могла противопоставить мятежникам. Набранные войска, не получая платы, грабили мирное население, а попытки ввести новые военные поборы вызывали восстания и массовую эмиграцию на юг, за реку Янцзы. На северных землях свирепствовали голод и эпидемии, но главным бедствием стали кочевники. В борьбе за власть китайские правители не раз использовали их в междоусобной борьбе, но варвары быстро вышли из-под контроля. Наступила новая эпоха.

«Шестнадцать царств пяти варварских народов»

Она получила название «эпохи шестнадцати царств пяти варварских народов». Пятью *варварскими народами* были сяньби (большинство ученых считает, что они были предками монголов), распавшиеся в III в. на две группы во главе с родами муюнов и тоба (тобгачей); цян и ди (предки средневековых тибетцев и тангутов); южные хунну (сюнну), часть некогда грозного народа, после разгрома своей кочевой державы переселившиеся в государство Вэй и подразделявшиеся на пять родоплеменных образований — «аймаков»,¹⁷ контролируемых центральным правительством; зависимое от хунну племя цзэ. На протяжении веков императоры то закрывались от кочевников Великой стеной и вели с ними войны, то откупались от варваров, то разрешали им селиться на своих территориях. Договоры скреплялись браками варварских вождей с китайскими принцессами, а дети кочевой знати воспитывались при дворе императора, играя роль заложников.

При императорском дворе воспитывался Лю Юань, наследственный вождь одного из аймаков южных хунну и

внук китайской царевны. Один из боровшихся за власть родственников императора, Сыма Ин, решился на то, чтобы объединить всех хунну под началом Лю Юаня (поскольку соперники Сыма Ина привлекли на свою сторону племена сяньби). Хунну и цзэ в короткий срок собрали 50-тысячное войско и провозгласили Лю Юаня великим шаньюем, возродив традиционный титул хуннских правителей. Старейшины Лю Юаня предлагали ему не воевать с сяньбийцами, которые были им ближе, чем китайцы; они требовали добиваться независимости от империи Цзинь. Но Лю Юань не пошел по этому пути и, отогнав ненадолго племена сяньби от китайских границ, в 304 г. провозгласил себя правителем (Хань-ваном) нового государства, дав своей династии китайское имя Хань и подчеркивая тем самым свое китайское происхождение по женской линии.

Ближайшими сподвижниками Лю Юаня стали два талантливых полководца — Лю Яо и Ши Лэ. Первый происходил из рода шаньюев, и китайская образованность сочеталась в нем с силой и храбростью. Второй, низкородный выходец из племени цзе, ранее зависимого от хунну, был продан в рабство. Бежав, он собрал шайку разбойников, с которой присоединился к Лю Юаню.

Враги Сыма Ина в 305 г. захватили одну из столиц империи — Чанъань с помощью сяньбийцев, учинивших там неслыханную резню. В следующем году Сыма Ина заставили покончить жизнь самоубийством, а император династии Цзинь был отравлен. После этого вождь хунну начал войну, но подчеркивал, что воюет не с Китаем, а с его дурными правителями.

Несмотря на то что его войскам не удалось с ходу овладеть столицами, Лю Юань объявил себя императором новой династии Северная Хань и обосновался на севере в городе Пиньяне (в современной провинции Шаньси). Лю Юань умер, не дожив до победы, но в 311 г. войскам его сына Лю Цуна при помощи военных отрядов цзэ удалось взять Лоян и разрушить его. Первый раз в истории Поднебесной император законной китайской династии попал в руки к варварам. Затем хуннами и цзэ была занята и вторая столица —

Чанъань. Разорение страны приняло ужасающие размеры, голод приводил к случаям людоедства, все новые толпы беженцев уходили на юг, где постепенно формировался новый очаг китайской власти. Китайцы использовали против сюнну северных кочевников — тобгачей (одно из четырех племенных подразделений, на которые разбились сяньби), что дало возможность отвоевать Чанъань. В отместку Лю Цун казнил пленного китайского императора.

Традиционное конфуцианское мировоззрение мешало китайцам провозгласить нового императора при жизни старого, так как «на небе сияет только одно солнце». В 321 г. после казни хуннского пленника род Сыма короновал в отбитой у противника Чанъани своего представителя под именем императора Мин-ди. Новый император в течение четырех лет оборонял Чанъань, надеясь на помощь с Юга. Но правитель Юга Сыма Жуй хоть и пытался организовать наступление на Севере, помочь императору не смог, а возможно, и не захотел, желая освободить престол лично для себя. Мин-ди сдался и был доставлен ко двору Лю Цуна, где бывшего китайского императора заставляли разливать вино на пирах. Но после того как китайцы попытались захватить сына Лю Цуна, чтобы обменять его на пленного императора, того подвергли казни. После его смерти Сыма Жуй на Юге счел вполне законным провозглашение новой династии (Восточная Цзинь) со столицей в Цзянькане (совр. Нанкин) и себя в качестве императора и главы этой династии.

При хуннском императоре Лю Цуне, умершем в 318 г., и его наследнике Лю Цане выдвинулся Цзинь Чжун, скорее всего, китаец по происхождению. Выдав замуж за императора сразу двух своих дочерей (Лю Цун сделал их обеих императрицами, что вызывало возмущение), а затем еще одну — за Лю Цаня, Цзинь Чжун мог оказывать значительное влияние на принятие политических решений.

Цзинь Чжун, опираясь на своих родственников, которые командовали дворцовой стражей и конницей, получив также поддержку китайских придворных, организовал заговор. Молодой император был убит, а все его родственники казнены на рыночной площади. Трупы двух преды-

дущих хуннских вождей вырыли из могил и обезглавили, а храм предков фамилии Лю сожгли. Цзинь Чжун, принявший титул вана, отправил государственную печать на Юг ее законным владельцам — императорам Цзинь. В письме он объяснил, что пожелал освободиться от иноземцев, «презренных и лишенных добродетелей», и отомстить им за двух казненных императоров, прах которых он отправил вместе с письмом.

Узнав о случившемся, родственник основателя династии Хань, Лю Яо, воевавший на западе, объявил себя императором, а предводитель народа цзэ Ши Лэ двинулся с 50-тысячным войском на Пиньян. Население бежало из столицы. Попытка Цзинь Чжуна вести сепаратные переговоры с Ши Лэ провалилась, и вскоре он был убит своими сообщниками. Ши Лэ занял покинутую столицу, казнил заговорщиков, сжег оскверненный дворец и восстановил могилы Лю Юаня и Лю Цуна. Но «сто дней» китайского реванша погубили хуннское государство династии Хань.

Лю Яо основал новую династию и дал ей новое название — Чжао (Раннее Чжао), а столицу перенес в Чаньань. Ши Лэ получил титул вана — правителя восточных областей империи Чжао. Однако, воспользовавшись в качестве предлога тем, что Лю Яо казнил его посла, Ши Лэ в 319 г. провозгласил независимость своей области и основал свою династию — Позднее Чжао.

В Раннем Чжао была создана двойная структура управления: отдельно для кочевников и китайцев. При этом аристократ Лю Яо был тесно связан с традициями кочевой знати. Несмотря на императорский титул, он обязан был прислушиваться к своим знатым советникам — принцам крови, каждый из которых получил под свое командование часть войска. Считаясь с обычаями хунну, Лю Яо разрушил в Чаньани храм китайских императорских предков, а вместо него насыпал курган, посвященный Небу и Земле, подражая в этом древнему шаньюю Модэ. В Позднем Чжао неграмотный правитель цзэ Ши Лэ высоко ценил китайскую культуру и традиции, с уважением относился к девяти категориям чиновной иерархии, охотно брал на службу китайцев.

В отличие от Лю Яо, правитель цзэ Ши Лэ ничем не был обязан племенной знати своего государства. Он опирался лишь на преданность своих воинов, будь то цзэ, хунну или китайцы. По-видимому, он более уважительно, чем хуннская элита, относился к китайским традициям: отразив смелую попытку южнокитайского полководца Восточной Цзинь Цзу Юэ вернуть провинцию Хэнань и узнав о печали этого китайца в связи с тем, что могилы его предков остались на территории, подвластной варварам, Ши Лэ отдал приказ восстановить все семейные храмы своего доблестного противника.

Разразившаяся в 323—329 гг. война между Лю Яо и Ши Лэ отличалась кровопролитностью, редкой даже для тех смутных времен. Никто не мог одержать верх над старым и опытным вождем хунну Лю Яо. И только когда в 328 г. войско цзэ возглавил сам Ши Лэ, несмотря на возраст надевший тяжелые доспехи, ему удалось разбить своего давнего соперника, когда тот по привычке пьянствовал в походном шатре. Вскочив на коня, Лю Яо не смог на нем удержаться: упал, попал в плен и был убит.

В следующем году Ши Лэ вступил в Чанъань, а его названный брат Ши Ху разбил войска сыновей Лю Яо. Все знатные хунну были казнены. В 330 г. Ши Лэ стал императором государства Поздняя Чжао, объединившего всю северную часть Китая. Своей новой столицей Ши Лэ сделал город Е, где и умер в 333 г.

Ахиллесовой пятой «варварских» государств была проблема престолонаследия. Ни завешания монархов, ни племенные традиции не могли предотвратить череды убийств и переворотов. После смерти Ши Лэ перевороты следовали один за другим, пока названный брат покойного императора Ши Ху не захватил власть, уничтожив всех претендентов.

С большой пышностью были отстроены императорский дворец и весь столичный город Е. Сам Ши Ху был эстетом, любившим китайское искусство, и политиком, эффективно использовавшим китайцев на службе. Но в целом варвары презирали китайцев, и великая культура прививалась у них с трудом. Мощным каналом, по которому в «варварскую» среду вливалась высокая культура, стал буддизм, полу-

чивший в Поздней Чжао широкое распространение. Монахи-буддисты — индусы и согдийцы — не уступали китайцам в блеске интеллекта и не считали варваров ненавистными завоевателями. Индийский монах Фо Тудэн был приближен ко двору Ши Ху, добился от него привилегий для строящихся монастырей и разрешения на свободную пропаганду буддизма среди подданных северной империи. Фо Тудэн упрочил свое положение тем, что своевременным советом спас жизнь императора от заговора, устроенного наследником престола.

В связи с тем, что в предыдущих войнах погибло очень много и хунну, и цзэ, а призванные в войска китайцы воевали значительно хуже варваров, да и армия все больше использовалась для пресечения растущего недовольства подданных, военные успехи Ши Ху были незначительны. Множество тягловых крестьян сгонялось на грандиозные строительные работы в столице Е, отрываясь от сельскохозяйственного труда в родных деревнях. Особую ненависть населения Ши Ху вызвал тем, что превратил громадные территории в охотничьи угодья для себя и своих военачальников, карая «браконьерство» китайцев смертной казнью.

Для обеспечения собственной безопасности он нашел оригинальный способ. Воспользовавшись правом императора набирать в гарем и для придворной службы самых красивых девушек (при этом пышность двора определялась числом наложниц и «фрейлин»), Ши Ху создал из специально отобранных красавиц гвардию лучниц. Такое необычное войско шокировало китайцев, увидевших в привлечении женщин к мужскому делу оскорбление естественного порядка вещей. Поэтому засуху, поразившую Северный Китай, коренное население рассматривало как проявление справедливого гнева Неба. Когда в 345 г. Ши Ху решил построить еще один грандиозный дворец в Лояне, мобилизовав сотни тысяч крестьян, а затем распорядился увеличить гвардию лучниц в три раза (с 10 до 30 тыс.), восстания разгорелись с новой силой. Некоторые китайские военачальники захватывали власть на местах, объявляя о независимости или о присоединении к южной китайской империи. Только при помощи «западных варваров» — цянов и ди — мятежи удалось подавить. Когда же

в 349 г. Ши Ху умер, наследники престола стали с ожесточением истреблять друг друга. Кончилось это тем, что в 350 г. власть захватил приемный сын императора Ши Минь, который по рождению был китайцем, усыновленным и воспитанным Ши Ху, давшим ему свою фамилию.

Захватив власть, Ши Минь неожиданно для элиты «варваров» вернул себе свое китайское имя Жань Минь, призвав китайское население расправиться со всеми хунну в стране. Убивали всех, кто внешне походил на варваров (у хунну и цзэ монголоидные признаки были выражены слабо), поэтому сгоряча перебили, как повествует хроника, и множество «китайцев с возвышенными носами». Династия Поздняя Чжао прекратила свое существование, и Жань Минь направил в Южный Китай просьбу правительству Восточной Цзинь прислать войска для совместного наказания «взбунтовавшихся варваров». Ему удалось быстро собрать огромную армию (источники говорят о 300 тыс. воинов), пользующуюся поддержкой населения.

Оставшиеся в живых хунну и цзэ не могли организовать сопротивления. Но на помощь им пришли другие варвары. Племена цян, ди и муюны в кровопролитных сражениях разгромили армию Жань Миня, заняв столицу Е. Восточная часть погибшего государства цзэ и хунну досталась муюнам, часть земель и город Лоян удалось на некоторое время отвоевать южным китайцам, а западную долю «хуннского наследства» получил народ ди, чей правитель выбрал Чанъань своей столицей, основав династию Ранняя Цинь.

Царство Ранняя Цинь достигло больших успехов во время правления Фу Цзяня II (357—385). Практически весь Северный Китай и значительная часть народов Великой степи были объединены под его властью. Этот правитель, убивший своего старшего брата, чтобы править единолично, и жестоко подавивший восстание собственной знати, демонстрировал великодушие по отношению к иноплеменным подданным. Когда прорицатель предсказал, что народ ди погибнет от рук сяньбийцев, придворные посоветовали правителю уничтожить опасное племя. Но Фу Цзянь II ответил: «Китайцы и варвары — все мои дети. Будем обращаться с ними

хорошо, и не возникнет никакого зла». Фу Цзянь II строил дороги и восстанавливал разрушенные города. Будучи буддистом, он, тем не менее, поощрял конфуцианскую ученость и китайский принцип отбора на службу в соответствии со способностями. Впрочем, несмотря на веротерпимость, он объявил даосов невежественными колдунами и в 375 г. запретил их религиозную практику, прежде широко распространенную среди «западных варваров».

Собрав огромное войско, Фу Цзянь II приступил к захвату Южной империи Восточная Цзинь, но в битве на реке Фэйшуй (383 г.) потерпел страшное поражение. Хотя ему самому удалось бежать, бросив атрибуты власти, но могущество Ранней Цинь закатилось навсегда. Северный Китай почти на полвека лет стал ареной соперничества нескольких варварских племен.

Восточная Цзинь

Южнокитайская династия Восточная Цзинь надолго обезопасила себя от вторжений с Севера, но воспользоваться плодами военных побед и объединить страну она не смогла в силу ряда причин внутреннего характера. Ядро этой империи составляли земли, на которых в эпоху Троецарствия располагалось царство У. Северяне считали только себя жителями Срединной земли, а тех, кто населял земли к югу от Янцзы, звали «людьми У» и не считали их в полной мере китайцами.

Действительно, земли южнее Янцзы были еще слабо освоены пришедшими с севера ханьцами. Здесь царили нравы, далекие от идеалов конфуцианства, а государственные законы слабо действовали. Влажный климат, дремучие леса и горы, населенные «южными варварами» (долинными и горными вьетами, тибето-бирманцами, частично тайцами, народами *мяо-яо* и *мань*), — все это приучало окитаизированную местную знать и общины китайских переселенцев (ханьцев) действовать на свой страх и риск, не дожидаясь разрешения из далекого центра. Неурядицы на севере, начиная с конца

III в., способствовали тому, что река переселенцев не иссякала. Но после вторжения северных племен и гибели империи Цзинь эта река превратилась в бурный поток.

По реестру 464 г., численность податного населения на Юге превышала 4.5 млн человек, удвоившись по сравнению с переписью 280 г. (при этом определенную часть жителей не смогли охватить переписью). Демографическое давление отодвигало границу расселения китайцев все дальше на юг. Ханьцы ассимилировали местное население, перенимая у него антропологические черты и особенности материальной культуры. Соединение традиций местной агрикультуры, прежде всего эффективного рисоводства, малоизвестного на Севере, с привозными технологиями земледелия породило особый сельскохозяйственный ландшафт Южного Китая. В V—VI вв. в низовьях Янцзы собирали уже по два урожая риса в год, что обеспечит в дальнейшем стремительный демографический рост Китая, а культура рисоводства продвигается далеко на север.

На Юге сословная дифференциация играла куда большую роль, чем на Севере, где важнее были этнокультурные различия. Местная знать Южного Китая оказалась отесненной от власти. Вместе с императорским двором на Юг переселялись знатные северяне, бюрократия, а зачастую и простолюдины, бегущие от набегов кочевников. С течением времени беженцев становилось все больше. Элита переселенцев-северян формировалась не только в соответствии со своим прежним социальным статусом, но и в зависимости от времени прибытия на Юг. Считая лишь себя хранительницей высоких традиций китайской культуры, северная элита не собиралась делиться своим статусом с «людьми У», ограждая себя и от новых эмигрантов, и от служивых простолюдинов. Хотя в Восточной Цзинь воспроизводилась система «девяти категорий», только небольшая часть местной элиты допускалась к присвоению «второй категории», открывавшей путь к престижной службе. Дело заключалось не только в культурном шовинизме цзяньканского правительства. Северянам больше доверяли: лишившись многих своих земель, они почти полностью зависели от государственного жалованья, тогда

как у местной аристократии имелись немалые земельные ресурсы и собственные дружины. Социальное доминирование северной элиты вызывало у южан стремление подражать ей, прежде всего в культурном отношении.

Переселенцы с Севера включались в специальный «Белый реестр» и оставались приписанными к тем городам и деревням на Севере, откуда они бежали. Они не платили налоги, в то время как коренные южане, записанные в «Желтый реестр», платили подати и несли повинности в полном объеме. Правда, с 341 г. незнатных северян стали регистрировать уже по новому месту жительства и включать в число налогоплательщиков. Но на уровне элиты различия сохранялись.

Верхнюю ступеньку социальной лестницы в Восточной Цзинь занимали знатные «старые кланы», ниже их стояли хундордные «холодные» кланы и «простые» мужи. Родовитость клана удостоверялась его географическим происхождением и генеалогией. Реестры знатных кланов («сто семей») фактически состояли только из «переселенческих фамилий» бывших северян. Коренные кланы Юго-Востока записывались в генеалогических реестрах отдельным разделом с оговоркой, что они не принадлежат к числу «ста семей». Важным признаком знатности в аристократическом обществе Восточной Цзинь считался стиль жизни аристократов. В государственном аппарате барьер между «старыми кланами» и «холодными» выражался в разделении должностей на «чистые» и «грязные».

Обладание «второй категорией» давало аристократам право занимать «чистые» должности — высшие посты в столичной администрации, на которые они могли заступать еще в юном возрасте. А «холодные» ши могли поступать на службу только с 30 лет и лишь после сдачи экзаменов. Впрочем, «северные» аристократы не взяли в свои руки всю административную власть на Юге. Они даже не стремились к этому, а позиционировали себя в качестве «необычных людей», «белых журавлей», для которых бюрократическая деятельность представлялась низшим занятием. Поэтому в государственном аппарате постепенно нарастала роль чиновников из «холодных» домов. В результате на Юге сложилось противо-

поставление деятельного гражданского или военного чиновника и изнеженного, сентиментального, не приспособленного к жизни и к службе аристократа, считавшего «холодных» людей деревенщинами.

Восточная Цзинь контролировала не более трети населения старого Китая, но потребности у двора и бюрократии оставались прежними, а расходы на войну чрезвычайно высокими. Налоговое бремя выросло втрое по сравнению с периодом Троецарствия. Крестьяне бежали под власть «сильных домов» или буддийских монастырей, уходили на новые земли. Государственная собственность на Юге была развита слабо, оставалось лишь усиливать репрессии за невыполнение тягла.

Экономический гнет и социальная напряженность создавали питательную среду для мятежей провинциальной знати и народных восстаний. Особую угрозу представляло соединение того и другого. Активизировалась старая даосская секта «Учение о пяти доу риса»: пять ковшей (доу) риса нужно было внести для вступления в секту, а созвездие Ковша (Большой Медведицы) считалось у даосов вместилищем душ «Высокого неба». Секте удалось создать широко раскинувшуюся и иерархически структурированную сеть. Помимо крестьян и деклассированных элементов к движению примкнули некоторые религиозные деятели. Так, вожди восстания Сунь Тай, Сунь Энь и Лу Сюнь были из секты Небесных наставников. Начавшись в горах Запада, восстание захватило бассейн Янцзы. Лодочная флотилия спустилась вдоль побережья и захватила приморский город Гуанчжоу, мятежники угрожали столице. После поражений восставшие отходили в горы Запада и леса Юга, но затем наступали вновь. Бороться с ними могли только закаленные в боях ветераны. К ним принадлежал военачальник Лю Юй, неоднократно громивший на севере «варваров» и сумевший на время освободить старые столицы — Лоян и Чанъань; его каждый раз перебрасывали затем на юг.

Большую часть восставших удалось разбить к 412 г., хотя в горах сопротивление продолжалось еще долго. В следующем году был упразднен «Белый реестр», освобождающий

вписанных в него северян от налогов и повинностей, — так власти пытались ослабить социальную напряженность.

За подавление восстания пришлось заплатить потерей всех завоеваний на Севере. Лю Юй переложил всю вину за поражение на потомков северной знати, возглавляемых родом Сыма. После серии дворцовых переворотов Лю Юй в 420 г. сам принял императорский титул, основав династию Южная Сун. Новый император был характерным представителем «холодных домов». Будучи сыном писаря, выросший в военных лагерях, он доверял только силе оружия. Укрепляя власть новой династии, он завещал назначать командующих Северной и Западной армий только из числа членов правящего императорского дома. В итоге «северная» аристократия временно утратила контроль над армией и была поставлена под строгий надзор государства. В то же время укреплялись сословные барьеры между аристократией и остальными слоями общества. Это была реакция аристократии на возвышение «худородной» знати, низших слоев ши и богатых простолюдинов.

Эпоха южных и северных царств

Период 420—589 гг. получил название «эпохи южных и северных царств» (*Нань Бэй Чао*). Он характеризуется стабилизацией обстановки на Севере Китая и самостоятельным существованием двух государств, разделенных рекой Янцзы. В Северном Китае к концу IV в. выделилось «царство» тобгачей Северная Вэй. Племя тоба (одно из подразделений народности сяньби) во главе Тоба Гуем к началу второй трети V в. распространило власть на весь Северный Китай, восстановило контроль над восточным участком Великого Шелкового пути, успешно воевало с северными кочевниками — жужанями.

Перед тем как провозгласить себя императором (399 г.), Тоба Гуй переселил в свою новую столицу Пинчен в провинции Шаньси около 100 тыс. семей китайцев, в том числе и множество ремесленников. Им запрещалось самовольно покидать город, их дети наследовали профессию и статус родителей. Чтобы наладить снабжение столицы, Тоба Гуй поса-

дил часть кочевников на землю, пытаясь создать земледельческие поселения, в которых степняков учили заниматься сельским хозяйством. Но эта попытка оказалась неудачной, и на пустующие земли стали возвращать китайцев, ранее бежавших от кочевников, — за первую половину века в столичный округ было переселено до миллиона человек. Китайцы обеспечили Северную Вэй зерном и промысловой податью. С тобгачей брали лишь налог лошадьми, и они вернулись к привычным для них скотоводству и военной службе.

Для тобгачской знати выделялись первые четыре чина из китайской должностной иерархии, тогда как пять низших остались открыты для китайцев. Вопреки китайским принципам, высшие должности были наследственными, что превращало роды обладателей этих постов в богатых землевладельцев.

Доверенным лицом троих правителей, Тоба Гуя, Тоба Сы и Тоба Тао, являлся китаец Цуй Хао. По его рекомендации Тоба Тао приглашал к управлению сотни ученых китайцев из южной империи Сун, так как, не имея корней на Севере, они оказывались более зависимы, а значит, надежны. Ни Тоба Гуй, ни Тоба Сы не стеснялись своего «окраинного» происхождения. Победоносный император Тоба Тао (424—450) подчеркивал древность происхождения тобгачей, стремясь напомнить окитаившейся знати ее родовые корни. Узнав, что на севере, в местах прежнего обитания тобгачей, найден древний пещерный храм, он велел в 443 г. высечь там надпись, гласившую, что предки Тоба, «начиная с самых ранних владык, обитали в тех дальних землях и полях непрерывно великое множество лет».

Но в то же время была сформулирована и иная версия, согласно которой Тоба-Сяньби являлись потомками древнекитайского императора Хуан-ди, чей младший сын получил в удел далекие северные земли, где находилась «большая гора Сянь би», давшая имя всему роду. С упадком императорской власти вспыхнули смуты, северяне-тобгачи оказались надолго отрезаны от Китая «злыми» народами, и потому о них не сохранилось упоминаний в китайских летописях. Наказав варваров, правители Тоба воссоединились со стра-

ной своих предков. Совершая регулярные императорские жертвоприношения в храмах Хуан-ди и других великих императоров Древнего Китая, император Северного Вэй подчеркивал свое «родство» с китайскими предками, претендуя на роль реставратора идеальных норм древнего управления.

В сосуществовании двух противоречивых версий мифа о происхождении тобгачей можно усмотреть борьбу тенденций в императорской политике. Не менее напряженной оказалась при дворе Тоба Тао и борьба конфессиональная. Поначалу он вслед за своими предшественниками проявлял веротерпимость: конфуцианцам доверил управление страной, приютил у себя даосов, щедро одаривал буддийские монастыри (последнее возмущало конфуцианцев). Цуй Хао негодовал: «Зачем нам, китайцам, почитать варварских богов?»

В это время в столицу прибыл даос Коу Цяньчжи — «учитель правил Небесного дворца», реформатор, отмежевавшийся от пророков, толкавших народ на мятежи, но много сделавший для превращения даосизма из секты в религию. Цуй Хао неожиданно оказал ему протекцию, усмотрев в его учении альтернативу чужеземному буддизму. Учение Коу Цяньчжи увлекло императора Тоба Тао, и тот стал ревностным даосом. Он выстроил в столице даосский храм и взял даосский титул «Государя-покровителя наивысшего покоя».

Эта сугубо китайская по своему происхождению религия преследовалась на Юге Китая, и поэтому в лояльности даосов тобгачам можно было не сомневаться. Но даосизм служил также противовесом буддизму, широко распространенному среди северновэйской знати. Буддийские монастыри превращались в крупных землевладельцев, не платили налогов, а чем больше становилось монахов, тем меньше оставалось воинов. Готовясь к очередной войне, Тоба Тао в 438 г. велел вернуть в мир всех буддийских монахов моложе 50 лет. Укрыватели монахов подвергались преследованиям, закрывались буддийские школы. Но под запрет попали и шаманские культы язычников-тобгачей, которых обязали почитать китайских богов. Притом что даосы многое взяли из магии народов Западного Китая, они нетерпимо относились к «суетам».

Посетив буддийский монастырь в Чанъани и обнаружив там склад оружия, винокурню и женщин, Тоба Тао не только казнил местных монахов, но через два года, в 448 г., издал указ об уничтожении всех буддийских икон и статуй, сожжении индийских книг и предании смерти всех монахов и тех, кто, почитая чужеземных богов, делает идолов из серебра или меди. Хотя полагают, что указ был подготовлен при помощи Цуй Хао, его жестокость поразила даже конфуцианцев. По этому поводу сохранились полемические тексты. Один автор считал казни монахов справедливыми, так как они чтит чужеземный закон, не несли воинской повинности, нарушали долг детей перед родителями (отказываясь от мира) и родителей перед детьми (соблюдая целомудрие), грешили перед своим телом (изнуряя себя постом) и не работали (собирая милостыню). Другой автор возражал: если государь любит тех подданных, которые мудры, то он должен жалеть тех, которые глупы, и просвещать их, а не казнить, лишая возможности исправиться. Он должен распространять конфуцианскую истину, которая кладет конец буддийским заблуждениям, но без напрасного кровопролития. Еще больше была возмущена тобгачская знать, симпатизировавшая буддистам. Наследник престола решился задержать опубликование указа, дав возможность многим монахам скрыться и спасти книги и иконы.

Экспедиция, предпринятая Тоба Тао на Юг в 450 г., не принесла победы, хотя его армия выдвинулась к столице империи Сун, от которой ее отделяла только водная преграда Янцзы. Вернувшись с большими потерями, Тоба Тао выместил злобу на своем сыне, защитнике буддизма. Начались казни, однако и сам император пал жертвой заговора.

Последующие императоры восстановили буддизм, а один тобгачский правитель, возведя гигантскую статую Будды, сам ушел в монастырь. Его сын Тоба Хун перенес столицу в Лоян, великолепно отстроив его заново, и в его окрестностях заложил грандиозный пещерный монастырь Лунмэнь. Он попытался раз и навсегда решить вопрос культурной принадлежности своих подданных. В 495 г. под страхом смерти он запретил тобгачской знати употребление сяньбийского

языка, одежды и причесок. А ведь этноним *тоба* переводился как «косоплеты» — из-за обычая заплетать волосы в тугую косу. Знатным тобгачам предписывалось взять себе китайские фамилии и жениться на китайках. Наконец, Тоба Хун приравнял китайскую элиту к тобгачской. Высшей знатью этнических китайцев стали «четыре фамилии», которым соответствовали «восемь фамилий» знатнейших родов Тоба.

Ниже китайско-тобгачской элиты располагались еще четыре класса китайских фамилий, которым соответствовали равные по знатности тобгачские роды. Такой горизонтальной стратификацией высших слоев общества Тоба Хун пытался спаять китайцев и тобгачей хотя бы на уровне социальной верхушки. Еще большее значение имела проведенная им реформа надельной системы, возрождавшая систему Сыма Яня. Новое заключалось в том, что дополнительные наделы давались теперь не только на членов семьи, но также на раба или буйвола. Кроме того, семья получала в качестве приусадебного участка от 20 до 30 му земли, которая, в отличие от пахотного поля, не подлежала перераспределению. Реставрировалась и старая система круговой поруки: пять дворов составляли низшую организацию — «соседство», пять «соседств» — «деревню», пять «деревень» — «селение». Все эти меры призваны были укрепить экономическую базу слабеющей империи, заинтересованной в войнах и налогоплательщиках. Однако остановить рост частного землевладения не удалось ни на Севере Китая, ни на Юге. От гнета казенных податей крестьяне бежали под покровительство богатых землевладельцев, что ослабляло центральную власть.

И на Юге, и на Севере происходили частые дворцовые перевороты. Ярким примером может служить судьба северновэйского царевича Юань Гуна, восемь лет выдававшего себя за глухонемого, чтобы выжить в череде кровавых заговоров. Только в 531 г., когда его посадили на престол, он вдруг заговорил. Это его и сгубило — он был свергнут в следующем году.

Вскоре империя Северная Вэй распалась на Восточную Вэй (534—550) со столицей в городе Е и Западную Вэй (534—556) со столицей в Чанъани. Позже на их месте образо-

вались, соответственно, государства Северное Ци (550—577) и Северное Чжоу (557—581).

В начале и в середине VI в. наблюдался некий «сяньбийский ренессанс»: тобгачская знать боролась за возвращение национальных обычаев и языка, а в политическом отношении склонялась к союзу с новыми хозяевами Великой степи — тюрками, образовавшими в 551 г. Первый Тюркский каганат. В Западной Вэй военачальнику Юйвэнь Таю удалось создать прочную базу из закаленной в боях и хорошо организованной армии и не допустить усиления аристократии. В 554 г. была создана новая военная организация — *фубин*, в соответствии с которой армия состояла из 24 подразделений и корпусов. Семьи воинов, служивших в войсках «фубин», освобождались от налогов и податей. Их продвижение по службе зависело не от родовитости предков, а от воинской доблести и заслуг.

Китайцы, уже численно преобладавшие в армии и при дворе, с тревогой смотрели, как правители Юань, Западной и Восточной Вэй, а затем Северного Чжоу и Северного Ци пытались организовать союз с Тюркским каганатом, таивший новые опасности для Китая. В особенности недовольны были представители так называемой «группировки Гуаньлун». Это название было образовано путем соединения названий двух соседних областей — Гуаньчжун и Лунси (в современных провинциях Шэньси и Ганьсу). Входящие в нее чиновники и помещики, спаянные узами родства и соседства, обладали прочными позициями при дворе и в армии. В отличие от многих китайских землевладельцев, они стремились не к повышению своих отдельных «сильных домов», ослабляющих государство, но к восстановлению сильной императорской власти и возрождению традиций единого Китая эпохи империи Хань. Они призывали к сплочению Поднебесной в борьбе с Тюркским каганатом и к отказу от союза с кочевниками. Призывая прекратить выплачивать дань шелком тюркам, захватившим весь Великий шелковый путь, «гуаньлунцы» подталкивали правителей к войне с каганатом.

Представитель этой группировки, военачальник Ян Цзянь, одержал ряд побед, правда, не столько над тюрками, сколь-

ко над ближайшими соседями, разгромив в 577 г. государство Северное Ци. Ян Цзянь все более укреплял свое положение при дворе последних правителей Северного Чжоу. В 578 г. императором стал его зять, а через два года, когда в стране бушевал мятеж, поднятый китайскими помещиками, Ян Цзянь убедил его отречься в пользу своего восьмилетнего сына. Но малолетний император правил меньше года. В 581 г. Ян Цзянь сверг собственного внука и, казнив всех представителей правящего рода, провозгласил себя императором новой династии Суй.

Южный Китай в V—VI вв. переходил от деятельного спокойствия в период правления династии Южная Сун (420—479) к спокойной спячке. На смену энергичным сунским императорам пришли пять правителей эфемерной династии Ци (479—502), с калейдоскопической быстротой сменявшие друг друга на южнокитайском престоле и с трудом отбивавшие нападения северян. В начале VI в. власть в Южном Китае захватили правители династии Лян (502—557), свергнутые последней южной династией Чэнь (557—589). Впрочем, династия Чэнь контролировала большую часть, но не весь Южный Китай, так как на его территории обосновалась также династия Поздняя Лян (555—587), отколовшаяся от династии Лян за два года до ее падения и уступившая власть династии Чэнь за два года до гибели последней.

Вэнь-ди, император династии Суй, разбив поодиночке войска империй Чэнь и Лян и подавив сопротивление «сильных домов», не желавших признавать его власть, в 589 г. захватил Цзянькан — столицу южнокитайского государства Чэнь.

Период Лючао закончился. Китай был вновь объединен.

Китайская цивилизация эпохи Лючао

Века разобщения страны оцениваются китайской историографической традицией крайне негативно. Падение империи сопровождалось мятежами, разорением городов, варварскими завоеваниями, которые несли гибель и лишения миллио-

нам людей. Но те, кто исследует китайскую культуру, иногда называют этот период «Блестящие Темные века».

Если взглянуть на эпоху Лючао с точки зрения ее влияния на позднейшую культуру Китая, то выясняется, что при неизменном почитании наследия древности деятели «кисти и тушечницы» последующих веков чаще обращались к авторам, творившим именно в это беспокойное время. Культура Лючао представляется прежде всего периодом энциклопедий, сводов и комментариев, решавших важнейшую задачу сохранения, систематизации и передачи наследия древней культуры. Приведем лишь некоторые примеры.

В энциклопедии северокитайского ученого начала VI в. Цзя Сысе «Необходимое искусство для простого народа» содержались не только сведения из 180 агрономических трактатов, но и привносилось немало нового, порожденного сельскохозяйственными экспериментами северных правителей и достижениями агротехники на Юге. «Записки о развитии природных данных и продлении жизни» Тао Хунцзина (452/456—536 гг.) обобщают весь опыт китайской медицины. Его семитомная фармакопея описывает 720 видов лекарств.

Еще в конце ханьской эпохи был создан классический словарь китайского языка, содержащий свыше 9 тыс. иероглифов. Но в IV в. он был существенно дополнен словарем «Лес письмен» (Цзылин), насчитывающим почти 13 тыс. иероглифов, а словарь «Нефритовые главы» (Юйпянь), составленный в 543 г., включал в себя уже почти 17 тыс. знаков. Царевич из династии Лян Сяо Тун (501—531) прославился как составитель антологии «Избранные произведения изящной словесности», собрания всего лучшего, что было создано китайской изящной словесностью в предыдущие века.

Чрезвычайно популярным в Китае было и остается творение Го Пу (287—324 гг.). Именно в его редакции дошла до потомков знаменитая «Книга гор и морей» (*Шан хай цзин*). Го Пу был блестящим поэтом, астрономом, математиком, ботаником, зоологом и географом. Однако «Книга/Канон гор и морей» сообщала в основном сведения о воображаемом мире, отчасти выполняя роль бестиария или пособия по демонологии.

Но, пожалуй, самым популярным сочинением являлось «Новое изложение рассказов, в свете ходящих», составленное Лю Ицином (403—444 г.). Сборник остроумных изречений и забавных историй из жизни кумиров ученой элиты того времени: философов, художников, каллиграфов, поэтов — играл роль своеобразного путеводителя по художественной жизни, в увлекательной форме приобщая читателя к культурному универсуму эпохи.

Историк Фань Е (398—445) написал пространную хронику династии Поздняя Хань, вошедшую в состав главного китайского исторического канона.

К наследию культуры времен Лючао обращались в последующие эпохи не только за справочным материалом — это время давало благодатный материал для прославления воинских подвигов. Традиционная китайская культура под влиянием конфуцианских идеалов невысоко ставила воинов, отсюда и поговорка: «Хорошее железо не идет на гвозди, хороший человек не идет в солдаты». Самостоятельного сословия благородных воинов, обладающих особым этосом, здесь так и не сложилось. Но время от времени литераторы, воспевавшие борьбу против завоевателей, или подвиги тех, кто поднимался против несправедливости, нуждались в литературных образцах. И тогда они черпали вдохновение все в той же смутной эпохе. Неслучайно великая китайская средневековая эпопея называется «Троецарствие». Цао Цао, усмиритель восстания «Желтых повязок», сам прославился как литератор и поэт. Ему принадлежит не только популярный трактат о военном искусстве, но и цикл стихов, повествующих о тяготах солдатской жизни. Позже о нем говорили, что он «писал стихи в седле с копьём наперевес». С его легкой руки развитый в Китае жанр *юэфу* — подражаний народным песням — начал претерпевать изменения. Если на Юге «юэфу» сохраняли характер либо любовных призывов, либо элегий, то на Севере они все чаще воспевали ратные подвиги и любовь к родной земле. Исследователи отмечают влияние на северные «юэфу» фольклора кочевников, чье прославление воинской доблести не укладывалось в нормы конфуцианства. В начале VI в. уже упомянутый «Литературный изборник» Сяо Туна

включает анонимную поэму «Хуа Мулань» о девушке, которая, несмотря на строжайший конфуцианский запрет для женщин братья за оружие, отправилась защищать отчий край. Специалисты относят действие поэмы ко времени Тоба Вэй, отражая историю войн Северного Китая с жужанями. Этот сюжет получит дальнейшее развитие в XII в., когда на Китай вновь обрушатся северные племена.

В то же время важной чертой этой эпохи можно назвать и эстетический аристократизм. Деятели культуры были ориентированы на постоянное общение друг с другом, создавая поле взаимных оценок. Неслучайно в это время рождается новый жанр литературной критики (наиболее характерный пример — сочинение конца V в. «Резной дракон литературной мысли»). Поэты, философы и художники творили в основном в окружении друзей, и потомки ценили не только их идеи, но и стиль общения. Славу эпохи Вэй составили «семь поэтов», деливших друг с другом своими стихами, пользуясь покровительством поэта-правителя Цао Цао и его сына — императора Цао Пи (220—226), также поэта и автора трактата о пользе словесности для управления государством.

В следующем поколении прославилась другая плеяда — «семь мудрецов из бамбуковой рощи». Входившие в нее поэты-философы предпочитали церемонной придворной жизни свободные дружеские беседы в лесу. Образы ничем не стеснявших себя, веселившихся от души мудрецов стали живым воплощением новых идеалов аристократии. Один из них, Цзи Кан (223—262), — остроумно и едко обличал лицемерие традиционной морали, используемой властью имущими, и эпатазировал строгих конфуцианцев своим поведением.

У его не менее эксцентричного друга Жуань Цзи (210—263) критика конфуцианской морали носила философский характер. Под влиянием даосизма он подчеркивал бессилие человеческого разума перед совершенством великого Дао, предел которого «смешение всего в одно». Постигнувший это всеединство становится «совершенным человеком» и обретает бессмертие, но для тех, кто лишь «утверждает себя», вечность недостижима, а конфуцианский ханжеский идеал «благородного мужа» ввергает Поднебесную в ужас мятежей

и гибели. Но философ осуждает и тщеславное отшельничество, тогда как подлинное отшельничество имеет духовную природу, странствия духа в поисках пустоты (*сюй*) не могут быть поняты суетным миром.

Создается впечатление, что «мудрецы из бамбуковой рощи» предвидели крах старой конфуцианской империи. Во всяком случае — их философский опыт и стиль общения вскоре оказались востребованы в новых условиях. Пафос новой, не государственной, но аристократической культуры заключался в преодолении «мира пыли и грязи» земной жизни ради вершин чистого творчества. Излюбленным занятием элиты на Юге становятся «чистые беседы» — свободные дискуссии, в которых красноречие сочетается с метафизическими построениями.

В спорах об именах и сущностях вещей, о природе первоосновы мира особо ценились художественные достоинства речи. Риторика «чистых бесед» ориентировалась также на идеал «безмолвного постижения» при помощи жеста или интуиции, что соответствовало буддистской проповеди «благородного молчания».

Тон в «новом изложении» задают непринужденная шутка, острое словцо, красивый афоризм, все — чуждое резонерства и нравоучительности. Выразителем этого стиля в живописи может считаться живший в конце IV в. художник Гу Кайчжи. Иллюстрируя классический трактат времен империи Хань «Наставления старшей придворной дамы», он не только отказался от традиции давать размеры фигур в соответствии с их статусом, как того требовали старые каноны, но и перенес смысловой центр с дидактического на эстетический уровень, противореча нравоучительному тону текста. Сентенция: «Мужчина и женщина знают, как украсить свое лицо, но не знают, как украсить свой характер», — содержала критицизм и давала строгие советы, однако художник концентрировался лишь на первой части фразы, изобразив элегантную придворную даму, смотрящуюся в зеркало, и другую даму рядом, длинные волосы которой служанка укладывает в прическу. Вся сцена пронизана таким спокойствием и очарованием, которое не вяжется с морализаторством писателя.

Но не всегда Гу Кайчжи противоречил тексту. Его шедевром считается свиток «Божество (Фея) реки Ло», на тему известной поэмы Цао Чжи (опального брата вэйского поэта-императора Цао Пи), посвященный неожиданной встрече поэта с прекрасной нимфой и печали расставания с призрачной женщиной-мечтой. Передавая настроение поэмы, художник переводит образы автора, воспевающие красавицу (лебеди, драконы, хризантемы, сосны) в образы изобразительные. Вплетенные в пейзаж, они воспринимаются как метафоры физического присутствия нимфы.

Стала подчеркиваться роль пейзажа, особым предметом поэтического вдохновения стала не женщина как таковая, но именно ее красота и изысканность. Прославился Гу Кайчжи и как автор трактата о сущности художественного творчества, и как каллиграф, и как остроумный человек, для которого игра тонкими оттенками смыслов слов являлась любимым развлечением. Но главное, что фиксирует в своем сборнике Лю Ицин, — это чудачества художника, служившие объектом насмешек друзей: «Кайчжи превзошел всех в трех отношениях: как остроумный человек, как художник и как чудака». Эпатажные проявления культуры, трансформированные в разновидность тонкого эстетства — характерная черта «людей ветра и потока» (*фэнлю*).¹⁸ Этот стиль поведения, продиктованный отчасти вызовом конфуцианству, отчасти философскими принципами буддистов и даосов, станет атрибутом «творческой богемы», но не только ее.

Стремление новых аристократов духа «пребывать вне вещей» не ограничивалось их внутренним миром, но имело и зримые признаки — демонстративное пренебрежение повседневными заботами и обязанностями, вплоть до нарочитой небрежности в одежде, отрешенность от житейской суеты. На Юге Китая такой стиль поведения был воспринят как недовольной аристократией, так и теми, кто ей подражал. Поскольку правители Юга покровительствовали словесности, здесь процветала литература придворного стиля, главным для которой становилось отлитое в изящную форму изображение мира аристократии — «стонов без причин», «беспредметных бесед» и «ощущений прояснившие-

гося духа» после принятия возбуждающих напитков и сна-добий.

В этом утонченном мире «чистых бесед» и манерного поведения диссонансом звучало творчество Тао Юаньмина (365—427). Мелкий чиновник, лишь в 29 лет получивший первую должность, тяготился службой, предпочитая общаться с друзьями, любоваться природой, прогуливаться с женой и детьми. Не желая унижаться перед присланным ревизором — «прогибаться ради пяти пудов риса» (таково было натуральное жалованье уездного чиновника), вышел в отставку в 41 год и остаток жизни жил своим трудом, пребывая в бедности, но продолжая воспевать сельскую жизнь. Ничего примечательного в его жизни не произошло. Но его влияние на всю дальнейшую литературу оказалось огромным. Его цикл стихов «За вином» считается одной из вершин китайской поэзии:

Я поставил свой дом
В самой гуще людских жилищ,
Но минует его
Стук повозок и топот коней.
Вы хотите узнать,
Отчего это может быть?
Вдаль умчишься душой,
И земля отойдет сама.
Хризантему сорвал
Под восточной оградой в саду,
И мой взор в вышине
Встретил склоны Южной горы.
Очертанья горы
Так прекрасны в закатный час,
Когда птицы над ней
Чередую летят домой!
В этом всем для меня
Заклучен настоящий смысл.
Я хочу рассказать,
Но уже я забыл слова...

(Пер. Л. Эйшлина)

Несмотря на то что придворные поэты считали Тао Юаньмина деревенщиной, к нему пришла посмертная слава.

Его идиллические стихи соответствовали стремлению к тому «невысокомерному отшельничеству», о котором говорили еще «мудрецы из бамбуковой рощи». Даже если поэт не был даосом или буддистом, его успех был подготовлен мощным влиянием на культуру этих двух учений.

Кризис архаической религии и старого конфуцианства выразался в духовных исканиях, охвативших все общество — от рабов и крестьян до всемогущих императоров и знатоков умозрительной философии. Именно в эту эпоху даосизм из набора философских идей и колдовских практик превращается в религию. Даосизм учил созерцательному отношению к жизни. «Дэ» — индивидуальный путь постижения «Дао» (всеобщего закона бытия) лежал через *у-вэй* («недеяние», понимание того, когда надо действовать, а когда — бездействовать). Однако однажды «недеяние» даосской секты «Путь Великого Равенства» обернулось гигантским восстанием, погубившим империю Хань. Оно было потоплено в крови, но идея общности людей по признаку веры, избранных «людей-семян», которым уготовано блаженство в обновленном мире, выжила и подпитывала деятельность новых сект. Затем «Учение о пяти доу» создало иерархически структурированную сеть тайных обществ во главе с «Небесным наставником», считавшимся земным наместником «Высочайшего старого правителя» (обожествленного Лао-цзы).

Даосская практика основывалась на поисках бессмертия («эликсира жизни»), а также общих молениях, гаданиях и прорицаниях, особом питании и особых практиках половой жизни. Даосизм многое унаследовал от общинных интересов крестьянства, считая главным идеалом «сообщительность» и «всеобщность», а тягчайшим грехом — «накопление праведности для самого себя». Это толкало даосов к активным действиям в ожидании прихода «даосского мессии» и к созданию теократического государства. В самом начале III в. они попытались создать его в Сычуани, через столетие — в землях «западных варваров», затем даосизм на короткое время стал государственной религией в Северной Вэй благодаря

деятельности Коу Цяньчжи. В юности к нему явился «Высочайший старый правитель» и повелел искоренить пороки даосских сект: отказаться от лжепророков, от налога в пять *доу* риса, от обряда «слияния жизненных сил», который злые языки называли оргией.

Другой реформатор даосизма, Тао Хунцзин, создал на Юге «Школу высшей чистоты» на горе Маошань. В его учении утопическое царство «даосского мессии» превратилось в «Небо людей-семян», доступное тем, кто обрел бессмертие. Акцент переносился на индивидуальную религиозную практику.

Тао Хунцзин неслучайно был составителем фармакопеи — даосы не только умели лечить болезни, но также учили, что управление силами организма и применение «пилюль бессмертия», над которыми трудились даосские алхимики, может принести вечную жизнь.

Перенимая многое от фольклорной традиции (в даосах видели магов, умеющих летать, становиться невидимыми и предсказывать будущее), даосизм играл роль посредника между «народной» религией и религией официальной. Ему удалось стать религией, с которой власти стали считаться.

Трансформация даосизма во многом объяснялась заимствованиями из буддизма. Явно в подражание буддистскому канону в V в. складывается даосский канон «Сокровищница Дао», включавший более 250 текстов. Подобно буддистам, даосы стали основывать в горах свои монастыри и почитать своих святых, скопированных с буддийских бодхисатв (достигших просветления, но отказавшихся от ухода в нирвану ради блага всех существ).

Но и буддизм был многим обязан даосам. Буддийские миссионеры, прибывшие из Индии и Парфии, и их китайские ученики использовали даосские понятия и термины для перевода священных текстов, что обеспечило быструю интеграцию буддизма в китайскую культуру. Впрочем, при всем сходстве «недеяния» — у даосов и буддистов были совершенно разные цели. Первые ориентировались на обретение бессмертия и слияния с главным законом жизни, вторые

мечтали, разорвав цепь перевоплощений, уйти от жизни и достигнуть нирваны.

Буддизм начал проникать в Китай с середины I в., но резкий подъем его влияния начался лишь с IV в. — времени варварских государств на Севере и господства мистических настроений аристократии на Юге. Среди всеобщей ненависти буддисты занимали позицию беспристрастных наставников мира.

Буддистский идеал равенства людей выступал альтернативой обществу, разделенному на враждебные этнические и сословные группы. Сращивание буддизма с китайской ученостью произошло на основе переведенных в III в. канон буддизма махаяны. На Юге монах Даоань (Ши Даоань 312/314—385 гг.) разработал образцовый монастырский устав; его ученик Хуэй Юань (334—417 гг.) известен как основатель культа владыки рая «Чистой Земли» будды Амитабхи, ставшего популярнейшим божеством на Дальнем Востоке.

На Севере монах Кумараджива, прибывший в 402 г. в Чанъань из Кучи (буддистского государства Центральной Азии), проделал гигантскую работу по переводу основного корпуса буддийских сутр. Его ученик Даошэн сформулировал учение о присутствии Будды во всех живых существах. В V в. буддизм утвердился прочно, завоевав симпатии и простонародья, и аристократов, и императоров, которые порой сами уходили в монастырь или объявляли себя воплощениями Будды. На Севере буддизм обеспечил себе положение религии, находящейся под покровительством государства, со второй половины V в., на Юге — с начала VI в. Все больше монастырей, пользуясь расположением властей, не только превращались в центры образования, но и приобретали обширные земельные владения. Монахи оказались рачительными хозяевами: монастыри отвоевывали у лесов все новые участки земли, осваивали горные террасы.

Распространение буддизма встречало сопротивление со стороны приверженцев конфуцианской идеологии. Вспомним полемику времен Тоба Тао, пытавшегося запретить эту религию. Подобные запреты время от времени повторялись, но без успеха. Буддизм и даосизм были своеобразной реакцией

китайской культуры на традиционное конфуцианство, хотя многое в этих религиях было заимствовано именно из него. Но и конфуцианство, претерпев значительные изменения, сумело приспособиться к новым условиям и через некоторое время нашло в себе силы вернуть утраченные позиции.

* * *

Культура эпохи «Шести царств» сумела, обобщив и сохранив древнее наследие, осуществить сложный религиозно-философский синтез, отвечавший вызовам времени. Различные традиции вели напряженный диалог, усиливая внимание к внутреннему миру человека и придавая китайской культуре высокую степень сложности. Как можно объяснить парадоксальное развитие культуры на фоне распада государственности?

По-видимому, этот распад и был одной из причин. Среди царей как «варварского» Севера, так и «цивилизованного» Юга в этот период попадалось немало тиранов и самодуров. Но если император единого Китая мог, как это якобы сделал Цинь Шихуан, закопать всех ученых живьем в землю, сжечь все исторические хроники или обескровить страну возведением Великой стены, то ни один из правителей периода Лючао не имел такой возможности, поскольку он не владел всей Поднебесной. Даосы или буддисты, преследуемые в одном государстве, находили приют у другого императора. Соперничавшие правители стремились превзойти друг друга красотой столиц, блеском двора, покровительством философам, поэтам и монахам. В истории часто бывало так, что политический полицентризм благоприятствовал культуре.

Но и внутренние социальные причины приводили к тому, что культура в эту эпоху была востребована. «Спрос на культуру» был продиктован напряженными поисками как этнической, так и социальной идентичности. Ни Великая стена, ни отлаженная государственная машина, ни отчаянное сопротивление не защитили китайцев от варваров. Но ханьцы могли противопоставить завоевателям великую культурную

традицию, развивая которую они сопротивлялись захватчикам. Последние же то стремились присвоить достижения китайской культуры, то пытались найти ей альтернативу в буддизме и даосизме, то призывали вернуться к собственным корням. На Юге бежавшие северяне подчеркивали свою культурную исключительность, вызывая эффект подражания у местной элиты. В антагонизме «старых» и «холодных» родов культура выступала способом самозащиты утонченных аристократов от ретивых служак, но для чиновников, тянувших лямку службы, овладение достижениями культуры давало возможность выдержать экзамен на чин. Ученые и интеллектуалы («ши»), обретая черты наследственного сословия, начали отделять себя от государственной власти, выступая в роли носителей «национальной идеи», выражаемой через культуру.

Долгое время китайская культура была самодостаточна, развиваясь без существенных внешних воздействий. Но в III—VI вв. силу таких воздействий можно сопоставить с влиянием на Китай европейской цивилизации в XIX—XX вв. и, возможно, с кратким периодом пребывания в составе большой империи наследников Чингизхана. Китайская культура была в этот период как никогда синкретична, став ареной взаимодействия самых разных тенденций. Буддизм, пришедший из Индии через Центральную Азию, а также проникавший в Китай южным путем, через Юго-Восточную Азию, взаимодействовал с даосизмом, обогащенным верованиями «варваров».

А В ЭТО ВРЕМЯ...

ЭПОХА «ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕВСТВ»

III—VI вв.

Две великие империи, расположенные на противоположных концах Ойкумены, «страна Серов», как называли Китай в Риме, и Дацинь, как называли Римскую империю в Китае, синхронно испытали сильнейшее потрясение в конце II в. Некоторые исследователи полагают, что это было следствием первого смыкания мира. Цивилизации оказались связаны друг с другом либо через нескольких посредников, либо напрямую через две торговые артерии — по Великому шелковому пути и по «Периплу Эритрейского моря» через Красное море и Индийский океан. Но с товарами и людьми передавались и возбудители болезней. Полагают, что чума, предшествующая восстанию Желтых повязок и так называемая Антонинова чума, завезенная легионерами из Парфии, были явлениями, связанными между собой. Пандемии, ранее не известные Древнему миру, ослабляли империи.

Но и независимо от «микробиологического фактора», Римская империя вступает в так называемый «кризис III в.». Народные восстания, военные мятежи, вторжения варваров, голод, экономический упадок не смогли уничтожить ее, как уничтожили империю Хань, но изменили до неузнаваемости. Наступила эпоха *домината*, империя разделилась на Западную и Восточную, изменилась религиозная политика, постепенно превращавшая христианство в господствующую веру.

Общей чертой для всех цивилизаций Ойкумены становится новая роль мировых религий. Период местных культов и частных философских школ сменялся эпохой глобальных религиозных и квазирелигиозных систем, становившихся основой социально-политической организации обществ... Это — время Вселенских соборов, собираемых римскими императорами и формирующих четкие границы христианской доктрины. Это время, когда епископы начинают играть исключительно важную роль. Тогда же зороастризм становится целостным религиозным учением, опирающимся на

четкую иерархическую организацию храмов и священнослужителей, и цементирующей основой Сасанидской империи. У нас мало сведений об индийской империи Гуптов, но мы знаем, что именно в этот период происходит превращение древней брахманской веры в подобие индуизма, важнейшей чертой которого является поклонение божествам Шиве, Вишну, Лакшми и т. д. Поэтому успех буддизма и расцвет монастырей и школ в Китае, формирование параллельной системы даосских монастырей и начало превращения конфуцианства в религиозно-философскую доктрину не представляются исключением.

При этом обновленные религиозные системы не ограничиваются одним регионом, выходя далеко за его пределы. Индуизм и буддизм распространяются в Юго-Восточной Азии, буддизм — в Тибете, Корее и Японии, христианство — в далекой Ирландии и в Эфиопии. Наряду с посланцами мировых религий, активно действуют миссионеры «мировых ересей», гонимые на родине: манихеи, ариане, несториане...

Империи испытывали все нарастающее давление со стороны варваров и от наступления переходили к обороне. Общим для империй было стремление огородить свой мир неприступной стеной. Там, где не было естественных преград в виде непроходимых гор и морей, возводились линии укреплений: оборонительные валы в римской Африке, Адрианов и Антонинов валы, перегораживающие Британию, бесконечный римский Лимес, тянувшийся вдоль Рейна и Дуная. Сюда же относятся крепость и система фортов, издавна перекрывающая Дербентский проход и завершенная циклопическими строениями Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.). Эти линии обороны империй можно рассматривать как аналоги Великой Китайской стены. Возведение укреплений и их оборона требовали гигантских затрат и колоссальных человеческих ресурсов, но это диктовалось картиной мира правителей империй. Какой бы внушительной ни была их территория, она по-прежнему мыслилась по аналогии с единым благоустроенным градом, порядком противостоящим хаосу внешнего враждебного мира. Однако валы и стены не спасали от нашествий.

Варварские народы, вступавшие в контакт с богатыми и могучими цивилизациями, испытывали мощное воздействие, менявшее весь привычный уклад жизни. Современная наука считает, что процесс политогенеза был обусловлен не столько внутренними, сколько внешними факторами. «Сложные вожества» (ранее простодушно именуемые историками «союзами племен») складывались не столько для эксплуатации собственных ресурсов, сколько для разнообразного взаимодействия с соседними богатыми цивилизациями: торговли и контроля над торговыми путями, набегов, взимания дани, перехода на службу в империи на выгодных для себя условиях. Бурные процессы, происходившие в глубинах варварской периферии («*Барбарикума*»), вызванные экологическими, хозяйственными или военными причинами, выталкивали к границам империй все новые варварские народы. Особенно важным было то, что происходило в Великой степи. Возникновение и распад могучих союзов кочевников иногда опосредованно, а иногда напрямую связывали между собой варварские участки Ойкумены. Как именно хунну или сунну, грозившие империи Хань, были связаны с тем разнородным союзом гуннов, появившихся на восточных границах Римской империи в IV в., сказать трудно. Но по вопросу о следующей волне номадов, проникших в Европу, историки в большинстве своем сходятся в том, что грозные жужани, так много воевавшие с Северной Вэй, приняли участие в формировании союза племен, хлынувших в VI в. в Центральную Европу и создавших здесь Аварский каганат. К концу этого века от Манчжурии до Азовского моря раскинулся Тюркский каганат.

В результате приходили в движение все новые племена варваров, одни завоевали Северный Китай, другие — пытались проникнуть на территорию Ирана и Восточной Римской империи. Варвары обосновались также в Британии, Галлии, Италии, Испании, Северной Африке. В Китае возникли «шестнадцать государств пяти варварских народов», примерно столько же «варварских королевств» и других политических образований возникли на землях Западной Римской империи.

В термине «варварские королевства» нет ничего оценочного, это определенный тип государств (или, скажем острожнее, политий), возникавших в результате проникновения варварских племен на территорию империй. Новые правители считали себя преемниками имперских политических и культурных традиций. Варвары, составляя меньшинство населения, относительно быстро перенимали обычаи местных жителей, хотя долго еще относились к покоренным народам свысока, порой вспоминая о своих варварских корнях. В целом, они приносили упрощение социальной жизни и культуры. Как правило, такие государства существовали недолго. Знать начинала междоусобные войны, бывшие воинские добродетели забывались. Ахиллесовой пятой таких королевств был механизм передачи власти. Традиция прямого наследования не сложилась, территория делилась между несколькими наследниками. Власть быстро слабела, исчерпав свои земельные и финансовые ресурсы, и страна становилась легкой добычей для воинственных соседей.

Но были и исключения. Франкская держава наследников Хлодвига, хотя порой и распадалась на части, сумела преодолеть трудности и при следующей династии Пипинидов-Каролингов объединила значительную часть земель, входивших в Западную Римскую империю. Сильнее других государств, основанных варварами, стала Северная Вей, просуществовавшая более двух веков. Если Карлу Великому не удалось подчинить себе Восточно-Римскую империю, жители которой считали себя подлинными ромеями, то китайские преемники сяньбийских государей сумели подчинить себе китайский Юг, где правили наследники старой китайской империи. Но в первом случае хозяевами империи Каролингов были германцы-франки, хотя и романизированные, а в Поднебесной империя была объединена именно китайцами, многому научившимися от варваров.

Несмотря на то что на Западе и на Востоке Ойкумены в эту эпоху интенсивно шли процессы синтеза варварской культуры с культурой древних империй, различия были очевидны. Культура хань — основного народа северной части Поднебесной — насчитывала много веков, и приверженность

традициям пронизывала весь уклад жизни. Поэтому с такой очевидностью происходило отторжение влияния варваров-ху, несмотря на стремление последних во многом подражать китайцам. На Западе же процесс консолидации самых разных народов, объединенных под властью римских императоров, лишь начинался. Даже христианство, ставшее верой большинства жителей империи, было религией сравнительно молодой. Римские аристократы могли презирать нравы варваров-германцев, но ничего подобного попыткам «китайского реванша» (предпринятым Цзинь Чжуном в 318 и Жан Минем в 350 гг.) здесь не было. Разве что в правление Теодориха Великого в 524 г. было объявлено о раскрытии заговора аристократов, служивших остготам, в пользу восточноримского императора. Среди казненных был Боэций, успевший написать в темнице трактат «Об утешении философией». Роль этого «последнего римлянина и первого схоласта» символична как для Запада, так и для Востока Евразии. Культура так называемых «темных веков» редко порождала шедевры, но создавала своды, справочники, энциклопедии, вобравшие всю мудрость уходящей в прошлое империи и придавшие ей систематизированную, принципиально новую форму. Именно такую, которая была адекватна потребностям наступающего времени и которая стала основой для следующей эпохи.

ГЛАВА 2

ДИНАСТИИ СУЙ И ТАН VII—IX вв.

Объединение сперва государств Китайского Севера, а затем и Юга под властью династии Суй (581—618) положило конец длительной эпохи Лючао, времени утраты государственного единства.

Строители империй

Династия Суй правила недолго, но в истории Китая она занимает особое место, ведь она объединила Поднебесную после многовекового распада. Кроме того, захвативший власть представитель «гуанлунской группировки» Ян Цзянь был деятельным императором, который станет известным по своему посмертному имени Вэнь-ди (581—604, храмовое имя — Гао-цзу). Он стал примером для императоров следующей, более успешной династии. Вэнь-ди задал основные направления политики — грандиозное строительство, укрепление армии, стремление восстановить контроль над Шелковым путем, но также и экспансия во все сопредельные регионы, упорядочение системы должностных экзаменов для всех девяти рангов чиновников, создание свода законов, восстановление надельной системы.

После прихода к власти Вэнь-ди физически уничтожил всех родственников императоров свергнутой династии, включая собственного внука. Однако все привилегии сянъ-

бийской знати были подтверждены. Новая династия не стремилась к «ханьскому реваншу» и истреблению инородцев. Тем более, что традициям, идущим от «варварского» государства Тоба Вэй, новая династия во многом и была обязана своими успехами.

На Севере на землях бывшей Тоба Вэй в большей степени, чем на иных территориях, продолжала существовать и даже укрепилась надельная система, призванная противостоять произволу «сильных домов». Таким образом, сохранялось свободное крестьянство — налоговая база империи. Государство, регулируя землевладение и землепользование вплоть до хозяйства отдельной семьи, обеспечивало каждому человеку, включая женщин, детей и рабов, право на определенный надел, за пользование которым взимался налог зерном. Женщины также сдавали в казну шелк или пряжу, мужчин могли мобилизовать для трудовой или извозной повинности.

От более поздних государств Западной Вэй и Северной Чжоу новой династии в наследство досталась система *фубин*. Правда, в то время главное значение этого деления армии на 24 регулярных «корпуса» состояло в принципиальном разрыве с древней родовой организации войска сяньбийцев-тобгачей. Для империй Суй и сменившей ее Тан система «фубин» заключалась в создании военных округов, в которых рекруты-солдаты в мирное время занимались земледелием, с тем, чтобы во время походов самих себя обеспечить продовольствием. Таким образом, расходы казны на содержание армии были невелики. Первоначально основную часть таких рекрутов-солдат составляли воины кочевого происхождения, но с течением времени среди них становилось все больше китайцев.

Династия Суй начала в спешном порядке возрождать традиционную бюрократическую систему, существование девяти рангов чиновников и надельной системы провозглашалось правителями незыблемыми правилами жизни Поднебесной, установленными еще в эпоху Хань. Формирование отлаженного гражданского управления в объединенной стране дало власти реальную возможность воздействия на общество. Реализации подверглись 1.5 млн крестьян, не внесенных в прежние

налоговые списки. Централизованная бюрократия, ломавшая сопротивление «сильных домов», следовала принципам надельной системы и поощряла освоение целины и заброшенных земель. За счет этих мер государству удалось повысить сбор налога зерном. По приказу Вэнь-ди были построены гигантские зернохранилища. Говорили, что собранных в них запасов может хватить на 50 лет. Доставка зерна в окрестности столицы осуществлялась в основном водным путем.

Одним из самых впечатляющих деяний новой династии считается Великий Канал, соединивший Янцзы и Хуанхэ. Начало его строительства относят к более древним эпохам, но только со времени Суй он, связав воедино различные участки водного пути, действовал уже непрерывно, в дальнейшем лишь увеличивая свою протяженность.

Но Великий Канал был не единственной стройкой Вэнь-ди. Отстраивалась столица Чанъань, начиналась реконструкция отдельных участков Великой Стены.

Объединению Китая способствовало осознание нависшей угрозы со стороны мощной кочевой империи — Тюркского каганата, раскинувшегося от монгольских степей до Азовского моря. Тюркские тяжеловооруженные конные воины обладали искусством лобовой атаки, устоять против которой мало кому удавалось. Но каганат вступил в период смут и в 603 г. распался. В этом Вэнь-ди сопутствовала удача. Династия Суй предпочитала дипломатические методы военным во взаимодействии с тюркскими каганами. Это развязало руки для войн за земли, на которые когда-то распространялась власть империи Хань. Походы велись на территорию современного Северного Вьетнама, на острова в Океане и в сторону Ордоса.

Вэнь-ди в последующих хрониках ставился в пример как рачительный хозяин, достигший процветания народа, скромный и бережливый, избегавший роскоши — он носил хлопковые ткани вместо парчи и шелка, был скромен в еде, беспокоился о семьях павших воинов. Это был один из редчайших императоров в истории Китая, который имел лишь одну жену и до ее смерти не заводил себе официальных наложниц. С годами он становился все более подозрительным и отдалил

от себя старшего сына, лишив его прав на престол. Он подверг опале и других детей, но умер во время конфликта со средним сыном Ян Гуанем, при обстоятельствах, бросающих на последнего тень подозрения в отцеубийстве.

Однако надо учесть, что Ян Гуань, ставший императором Ян-ди (604—617), в исторической традиции предстает как «образцовый» тиран, являющий полную противоположность своему отцу, а историографический канон предполагает, что тиран приходит к власти лишь незаконным путем.

Ян-ди подавил восстание одного из своих братьев. Расправившись с мятежами, он неожиданно перенес столицу в Лоян («Восточную столицу», тогда как за Чанъанью был оставлен статус столицы «Западной»). Лоян был заново отстроен и вскоре поражал роскошью своих дворцов. В новую столицу принудительно переселили 10 тысяч богатейших провинциальных семейств, тем самым ослабив их позиции на местах и поставив под контроль императора. Император начал строительство сразу сорока дворцов по всей территории Поднебесной, которые должны были вмещать его двор во время частых разъездов по стране — император желал как можно чаще проверять состояние дел на местах, карая нерадивых чиновников и заговорщиков.

Император Ян-ди, как и его отец, стремился подражать правителям древней Хань не только во внутренней, но и во внешней политике. На первых порах его действия были успешны. Был установлен ранее утерянный контроль над землями вьетов, военные экспедиции на некоторое время привели к подчинению Центрального Вьетнама (Чампы), Тайваня и островов Рюкю. С Сасанидским Ираном был возобновлен обмен послами. С новообразованным Восточным тюркским каганатом удалось наладить союзнические отношения, тюрки помогли разгромить монгольские племена киданей на севере. Поддержав одного из претендентов на титул кагана восточных тюрков, император дважды встречался с ним. В обмен на признание верховной власти Поднебесной, каган был принят с неслыханной щедростью — только одного шелка ему было подарено свыше 15 тысяч кусков. Пышные пиры призваны были продемонстрировать неистощимые

богатства империи и вселить уважение кочевникам. Многие при дворе сочли такую щедрость расточительной, но были наказаны за свою дерзость.

Подражая правителям эпохи Хань, император приступил к полному восстановлению Великой китайской стены. Армия строителей Великой Стены, имевшей скорее символическое, нежели военное значение, доходила до миллиона человек. Не меньшее число рабочих трудилось на строительстве дворца и укреплений в Лояне. Для рытья Великого канала и возведения шлюзов было согнано не менее 80 тысяч надельных крестьян. Смертность на этих стройках была огромной.

Лихорадка и малярия уничтожили значительную часть армии, брошенной на завоевание Вьетнама. Войны с государством Когуре на Корейском полуострове обернулись еще большими потерями. Если во времена империи Хань поселения китайских колонистов подходили вплотную к границам Кореи, то после веков смуты земли Ляодуна обезлюдели и одна лишь переброска громадной армии для войны в Корею оборачивалась большими потерями. К тому же воины Когуре оказали ожесточенное сопротивление, не останавливаясь перед разрушением плотин, чтобы затопить китайские войска. При этом император запрещал своим полководцам действовать самостоятельно, не дожидаясь его приказов. Неудачные походы в Корею оборачивались грандиозными потерями, но каждое поражение лишь укрепляло желание Ян-ди взять реванш, несмотря на предостережения придворных.

Экономические, военные и людские ресурсы объединенного Китая были громадны, проведенные реформы позволяли создавать солидные запасы, но они не были неисчерпаемыми, а правительство Ян-ди не понимало этого или не желало с этим считаться.

Все более разорительные налоги, сгон крестьян на строительство, наборы в армию вызывали бунты в разных провинциях. Сбор нового войска для похода на Когуре в 613 г. привел к восстанию, в котором дезертиры, местная знать и голодные крестьяне представляли столь грозную силу, что войскам становилось все труднее с ними справиться и солдаты нередко переходили на сторону мятежников. Восстания

подавлялись с немыслимой жестокостью. На юге военачальник, пообещав сохранить жизнь сложившим оружие повстанцам, закопал живьем в землю 300 тыс. человек. Император разрешил местным чиновникам конфисковывать имущество мятежников, что порождало дополнительный произвол. Ян-ди все чаще казнил своих родственников, чиновников и военачальников, заподозренных в нелояльности. При этом он не желал отказываться от планов новых походов в Корею.

Но восстания вспыхивали повсеместно, а вчерашние союзники-тюрки беспрепятственно грабили страну. Император со своей армией крайне неудачно пытался воевать с ними в районе Великой Стены, а в это время один из мятежных полководцев захватил Лоян. В итоге император бежал на юг, военачальник Ли Юань, не сумевший удержать столицу, понимая, что Ян-ди не простит ему неудачи, по совету своего сына и жены решил выступить против императора, от которого отвернулось Небо. Он заключил союз с тюрками (тем более, что его мать происходила из знатного тюркского рода Дугу), разбил повстанцев и, захватив одного из внуков Ян-ди, объявил его императором под именем Гун-ди. 12-летний император даровал Ли Юаню титул князя Тан и передал в его руки все управление империей. В это время пришла весть, что Ян-ди задушен своими придворными. Вскоре в 618 г. Ли Юань сверг Гун-ди и провозгласил себя императором новой династии Тан (храмовое имя Гао-цзу, 618—626).

Опираясь на военные способности своего сына Ли Шиминя, новый император сумел победить в кровопролитной гражданской войне, устраняя одного за другим вождей мятежников, пытавшихся либо провозгласить императором какого-нибудь из младших родственников Ян-ди, либо создать свои собственные государства. С большим трудом удалось избавиться от угрозы со стороны тюрков, помогавших всем противоборствующим сторонам. Лишь к середине 20-х гг. VI в. Гао-цзу справился с основными противниками, вновь воссоединив страну.

Он сам был представителем той пограничной знати, которая впитала в себя и китайские, и кочевые традиции. Хорошо знакомый с тактикой войны в степи, Гао-цзу при помо-

щи своих тяжеловооруженных воинов-профессионалов мог успешно противостоять кочевникам и нейтрализовать угрозу со стороны каганата. Проявляя несвойственное прежней династии великодушие, он привлек на свою сторону многих противников, раздавал голодающим крестьянам зерно из государственных хранилищ, отправил по домам 10 тыс. девушек из гарема прежнего императора.

В 626 г. обострилась борьба между сыновьями императора, в которой победил более популярный в армии Ли Шинмин. Ему удалось убить своего старшего брата. Затем, явившись вооруженным во дворец, что являлось грубейшим нарушением церемониала, он заставил отца передать ему власть. Ли Шинмин стал императором (храмовое имя Тай-цзун, 626—649). Впрочем, старому императору Гао-цзу продолжали оказываться должные почести, и тот, если верить официальной хронике, сохранял с сыном хорошие отношения.

Тай-цзун был не только умелым воином и дипломатом, но обладал еще и незаурядными административными способностями. Система управления, основы которой были заложены при Тай-цзуне, оказалась чрезвычайно устойчивой и воспроизводилась последующими династиями лишь с небольшими изменениями.

Территория, разделенная на 10 провинций, в каждую из которых входили области и уезды, управлялась назначаемыми из центра чиновниками. При этом чиновник ни в каком случае не должен был служить там, откуда он родом. Начальник уезда (в лучшие годы в империи насчитывалось до полутора тысяч уездов) назначался сроком на три года и обладал штатом наемного вспомогательного персонала (стражников и писцов) и добровольных помощников из числа местной элиты. Чиновников всех уровней контролировала специальная Палата цензоров, члены которой расследовали злоупотребления и обладали очень важным правом подавать доклады непосредственно императору. В столице шестью высшими учреждениями управляли два *цзайсяна* — «левый» и «правый». Этот термин обычно переводят как «канцлер», хотя буквально это — «советник-исполнитель» при сакральной фигуре императора. Левый цзайсян управлял ведомства-

ми чинов и обрядов (контролировавшими соблюдение норм поведения и взаимоотношения с «варварскими» странами) и налогов; правый — ведомствами военным, наказаний (юстиции) и общественных работ.

Ведомство чинов, руководствуясь древними принципами Конфуция и легистов, контролировало подготовку и назначение чиновников. Именно в эпоху Тан окончательно утвердился единый конкурсный принцип, опиравшийся на систему экзаменов. Для их сдачи требовалось отменно знать конфуцианские каноны и сочинения древних авторов, демонстрировать эрудицию, литературный вкус и способность к стихосложению. Роль экзаменационных билетов играли таблички с начертанными на них темами. Кандидат сам выбирал тему, сбивая табличку стрелой. Те, кто лучше других справился с ответом (таких, как правило, бывало не более 5 %), получали право держать экзамены на следующую степень. Обладатели высшей степени *цзиньши* («продвинувшегося мужа») могли назначаться на должность от уездного начальника и выше. Успешно сдавшие экзамены на уровне уездов и провинций допускались к экзаменам в столице.

Экзамены могли сдавать все, кто не принадлежал к «подлому народу», иначе говоря — все налогоплательщики. Конечно, выходцы из аристократических семей и дети чиновников имели лучшую подготовку и больше досуга для занятий. Но и способный сын бедного крестьянина располагал некоторыми шансами на успех — ему мог помочь клан родичей, вся деревня или какой-нибудь богатый покровитель, рассчитывавший на последующую выгоду от протекции будущему чиновнику. В итоге формировался особый тип ученого-чиновника, добродетельного и трудолюбивого, готового воплощать в жизнь конфуцианские заповеди, лежащие в основе существования государства.

Дети чиновников сдавали экзамены на общих основаниях и должны были начинать карьерный рост с самого низа. Лишь для высших рангов действовало «право тени» — после смерти такого чиновника его дети и внуки получали некоторые преимущества при определении на должность (с понижением на два уровня по отношению к предку).

Порядок занятия должностей, штаты учреждений (как центральных, так и местных), характер и объем повинностей всех подданных подверглись тщательной регламентации в созданном в середине VII в. своде законов. По всей вероятности, подобные кодексы существовали и в эпоху Хань, служившую образцом для танских правителей, но они не сохранились, поэтому примером для будущих законодателей неизменно выступала сама империя Тан.

Значение созданной в эту эпоху государственной системы управления трудно переоценить. «Железный каркас бюрократии» обеспечивал восстановление государственности при любых потрясениях. Четкое штатное расписание, продуманное разделение функций, контроль над исполнением решений, единый набор культурных ценностей делали китайскую чиновничью машину самой эффективной в средневековом мире. Наличие значительного слоя людей, обязанных своим статусом образованию (лауреаты конкурсов, учащиеся, преподаватели и чиновники разных рангов) благоприятствовало бурному развитию культуры. Антология лишь самых известных поэтов эпохи Тан насчитывает свыше двух тысяч имен.

Впрочем, помимо сбоев и нарушений, неизбежно порожаемых самой жизнью (протекционизм, кумовство, элементы коррупции), подобная система обладала еще и иными недостатками. Кандидатов становилось все больше, сдать экзамены было все сложнее, а перспективы занять хорошую должность делались все туманнее. В результате росло число провалившихся соискателей — образованных, амбициозных и озлобленных. Из их рядов выходили застрельщики мятежей и восстаний, которыми так богата история Китая. Немаловажным было и то, что конфуцианская бюрократия ориентировалась на служение скорее идеалу империи, чем лично императору, который этому идеалу не всегда соответствовал. А императору требовались полностью преданные слуги, чью роль успешно играли лишь евнухи. Им, инородцам или выходцам из бедных семей, презираемым аристократами и чиновниками, уповавшим лишь на милость императора, доверялись поручения не только по части управления гаремом и дворцовым хозяйством, но и задачи из области управления

финансами и другие дела государственной важности. Засилье евнухов при дворе (особенно к концу династического цикла) — повторяющийся факт китайской истории.

При всех издержках бюрократия эпохи Тан оказалась весьма эффективной. Удалось усовершенствовать надельную систему, распространив ее почти повсеместно, и добиться необычайной детализации учета подданных. Крестьяне заносились в реестры, на основании которых от имени государства на период трудоспособности им выделялись наделы. Предусматривался периодический передел надельных полей, под которые не попадали земли, выделенные «для вечного пользования», занятые под выращивание шелковицы, жужубов (китайских фиников) и вязов (чьи семечки шли на откорм поросят). Со своего надела крестьяне вносили налог зерном, а также шелком или пеньковой тканью, реже — серебром. Трудовая повинность ограничивалась двадцатью днями в год. Крестьяне были организованы в «пятидворки» и «двадцатипятидворки», связанные круговой порукой, сотня крестьянских дворов составляла базовое административное объединение — *ли*, во главе которого стоял старейшина, ответственный за составление реестров, сбор налогов, соблюдение порядка и состояние нравов.

Надельная система распространялась не только на крестьян. Свои индивидуальные наделы полагались также буддийским и даосским монахам, знати. В тех районах, где имелась такая возможность, половинный надел получали и горожане. Наряду с наделами («общественными полями») в стране существовали казенные земли — пастбища, леса, поймы рек, но главное — земли, отданные под наделы военных поселенцев и чиновников. Последним в зависимости от ранга полагались соответствующие «должностные поля», обрабатываемые податными крестьянами, отдающими владельцу часть урожая. Поскольку чиновник не мог «самовольно» увеличивать долю взимаемой в его пользу части урожая, то фактически это было не «землевладение», а «налоговладение». Из «казенных земель» родственникам императора также передавалось определенное количество податных дворов, которые обеспечивали им содержание государственных име-

ний. А вскоре появились и императорские имения вокруг размещенных в разных частях страны императорских дворцов. Владения, выключенные из надельной системы, существовали и у знати, чиновников, монастырей, и у представителей «богатых и влиятельных домов», правда, у последних они имели большей частью незаконный характер.

Численность населения быстро росла: если в 30—40-х гг. VII в. было зарегистрировано около 3 млн дворов, то в середине VIII в. их насчитывалось уже 8.2 млн. Но задуманный идеал надельной системы все больше расходился с реальностью. Волости давно уже были поделены на «просторные», т. е. нормальные, и «тесные», где остро стояла проблема малоземелья и крестьянам полагался вдвое меньший надел. Притом что основной налог оставался относительно легким, крестьянам приходилось отдавать все больше зерна на создание запасов на случай массового голода, на обеспечение чиновников, на содержание солдат, на помощь монахам, на нужды строительства, осуществлялись также принудительные закупки по низким ценам для нужд двора и армии. Все большее число надельных земель законным (а чаще — незаконным) путем переходило в категорию «вечнонаследуемых». Несмотря на запреты, де-факто осуществлялась купля-продажа земли, что приводило к концентрации ее в руках богатых землевладельцев и к появлению большого слоя разорившихся крестьян-арендаторов и батраков, многие уходили на новые земли либо в города, становились нищими или разбойниками.

Эти процессы станут более заметными в VIII в., а поначалу надельная система обеспечивала казну регулярным поступлением налогов, а трудовая повинность давала необходимую рабочую силу: строились дороги, каналы, дамбы, дворцы, храмы, целые большие города. Как и ранее, города в первую очередь служили резиденциями властей. Ремесло и торговля подлежали детальному контролю и регулированию. Казенные ремесленники отбывали трудовую повинность в мастерских по очереди, с интервалом в несколько месяцев. В мастерских работали также государственные рабы и преступники. В провинциях в распоряжении местных властей находились и специальные податные дворы, занимавшиеся

добычей соли и полезных ископаемых, изготовлением железа и меди, строительством кораблей.

Частное ремесло было представлено семейными мастерскими, одновременно служившими и лавками, они располагались на рыночных площадях и составляли контролируемые властями объединения («ряды» — «ханы»). Еще большей регламентации подвергалась торговля. Для продажи и перевозки грузов требовалось разрешение властей, которые имели право устанавливать цены на товары и определять таможенные пошлины при перевозе из одной провинции в другую. Налогообложение торговых домов усугублялось частыми принудительными займами и реквизициями. Только хозяйства монастырей, не подлежащие государственному контролю, могли беспрепятственно наращивать активность, превращаясь в центры ремесла, торговли и ростовщичества.

Однако в этот период интенсифицировалась торговля с зарубежными странами, что было связано с активизацией внешней политики империи. Будучи в какой-то мере обязанной своим происхождением синтезу китайских и «варварских» традиций, династия Тан, особенно на первых порах, проявляла открытость и стремление выйти за рамки привычных границ Поднебесной. К 668 г. империи удалось добиться подчинения всего Корейского полуострова. Еще ранее, в 630 г., под ударами китайских войск пал Восточный Тюркский каганат. Часть тюркских племен была расселена императором Тай-цзуном в пограничных районах на положении союзников (подобно тому как Римская империя расселяла на своих землях варваров-федератов). Активное использование конницы позволило императору захватывать оазисы, расположенные вдоль Великого шелкового пути, куда раньше не добиралась китайская пехота.

В 657 г. императорские войска вторглись в Семиречье в Средней Азии и в союзе с уйгурами разгромили Западный тюркский каганат. Вдоль Великого шелкового пути размещались китайские гарнизоны, строились караван-сарай. Китайское влияние стало весьма ощутимым в Средней Азии. Так, например, Ли Бо — величайший поэт эпохи Тан, по одной из версий, родился на территории современной Киргизии, в се-

мье купца. Помимо Великого шелкового пути, интенсивно функционировал и морской путь через Гуанчжоу, где имелся отделенный от остального города иноземный купеческий квартал, населенный в основном арабами. Что же касается выезда за море китайских купцов, то его всячески ограничивали. В Китае находили прибежище представители разных религий, прибывавшие с запада — мусульмане, зороастрийцы и манихеи, но также и несториане, представители христианского течения, признанного еретическим на Эфесском вселенском соборе еще в V в. Тай-цзун в 635 г. принял некоего несторианского монаха, которого китайские источники именовали Олобэнь, прибывшего из земли *Дацинь*, как еще со времен Хань именовали Римскую империю. Он изложил императору суть христианского учения. Тай-цзун, согласно христианской стеле, найденной в окрестностях Чанъани, сказал следующее: «У Дао не одно имя. В мире не один совершенно-мудрый. Учения в различных землях отличаются друг от друга, их благодеяния распространяются на всех людей. Олобэнь, человек великой добродетели из Дацинь, издавна привез свои образы и книги, чтобы показать их в нашей столице. Изучив их, мы нашли это учение глубоким и мирным. Узнав о его принципах, мы нашли их благими и значительными. Его учение немногословно и обоснованно. Оно несет добро всем людям. Пусть его свободно исповедуют в нашей империи».

Апогей и кризис империи Тан

При сыне Тай-цзуна императоре Гао-цзуне (649—683) политика Танской империи претерпела изменения. Если основателей династии, возмужавших в войнах северо-западного пограничья, наряду с учеными китайцами окружали тюркские воины, то Гао-цзун получил уже чисто китайское воспитание. По мнению некоторых исследователей, именно в этот период назрел конфликт между военной доблестью и очарованием китайской учености, представленной чиновниками, лучше владеющими кистью, чем саблей.

Большую роль в конце VII в. сыграла императрица У Цзэтянь. Взятая из буддийского монастыря, она во все большей мере подчиняла императора Гао-цзуна своей воле, а после его смерти правила от имени своих сыновей, которых одного за другим удаляла в ссылку. 16 октября 690 г. императрица сама приняла титул Шэншэн-хуанди (Мудрого и святого императора). Ее опору составляли буддисты, создавшие комментарий к сутре «Больших облаков» (Махамегха-сутра), доказывающий, что У Цзэтянь является воплощением бодхисатвы Майтреи и как идеальный правитель — *чакравартин* — должна наследовать империю у династии Тан. В 690 г. У Цзэтянь основала династию Чжоу (609—705).

Симпатии императрицы и буддистов отличались взаимностью. В пещерных храмах Лунмэнь, работы в которых начались еще в эпоху Тоба Вэй, выделяется большая статуя Будды Вайрочаны, считавшаяся одним из лучших образцов искусства периода Тан. Полагают, что черты Будды повторяют лик У Цзэтянь, которая выделила немало средств на завершение работ, на украшение и косметику для изваяния. В период ее правления была построена знаменитая пагода Диких гусей в Чанъани и множество других буддийских храмов. В этот период буддизм достигает наивысшей фазы своего развития в Китае. Монастыри, в которых ведутся бурные философские споры, являются средоточием интеллектуальной жизни. Но монастыри также владели солидными земельными комплексами, покровительствовали ремеслу и торговле, поддерживая между собой интенсивные экономические связи. Монастырские хозяйства, свободные от жесткого государственного контроля, играли роль катализатора динамики экономического развития Китая.

Правление императрицы династии Чжоу вызвало мощную оппозицию сторонников реставрации Тан. В 705 г. вооруженные «мятежники» заставили больную императрицу уступить трон ее сыну Чжун-цзуну (705—710), который восстановил династию Тан. Но женское правление Вэй-хуанхоу при Чжун-цзуне и более мягкая власть Тайпин-гунчжу — сестры Жунь-цзуна (710—712) не изменили ситуацию. Лишь мирно пришедший к власти император Сюань-цзун (712—

756) был полон решимости ликвидировать последствия предшествующих правлений. На буддистов обрушились гонения. Работоспособным монахам предписывалось вернуться в податное сословие, ограничивалось монастырское землевладение. Правительству удалось провести новую перепись населения, выявившую много утаиваемых от налогообложения дворов, в результате вдвое увеличились поступления.

Долгое правление Сюань-цзуна считается апогеем эпохи Тан. Бурно развивалась экономика, в обращение были введены новые медные деньги, на долгие века составившие основу китайской денежной системы. Монеты, имевшие отверстие посередине, собирали в длинные связки, но во время дальних путешествий деньги заменяли квадратиками бумаги с печатью и именем императора. Полагают, что эта практика была заимствована из обихода хозяйственной сети буддийских монастырей.

К этому периоду относится и дальнейшее развитие системы подготовки чиновников. В Чанъани была основана столичная государственная академия *Ханьлинъ* («Лес кистей»), где создавались труды по самым разным отраслям знаний и где тщательно собирали старинные тексты. Столичная школа «Грушевый сад» готовила актеров для императорского театра. Еще одно ученое ведомство составляло по образцу сочинений Сыма Цяня историю прежних и нынешней династий, правивших с I по VII в. Сюань-цзун увлекался учением даосов, в особенности их алхимическими опытами, призванными изготовить «пилюли бессмертия». Но главный интерес императора вызвала поэзия. При его дворе жили великие поэты Ли Бо, Ду Фу и Ван Вэй. Сюань-цзун любил писать стихи, напутствуя ими назначаемых в провинцию чиновников. Однако император и сам стал героем множества поэм из-за своей поздней любви к «роковой женщине Поднебесной», наложнице Ян-гуйфэй.

Ян-гуйфэй разделяла страсть императора к искусству и почиталась поэтами и художниками. Но клан ее алчных родственников устремился к важнейшим должностям, минуя уже установившуюся систему отбора чиновников. Ее брат Ян Гочжун, став цзайсяном, получил практически всю полноту

формальной власти в стране, власть неформальную присвоил себе дворцовый евнух Гао Лиши, которому в свое время удалось привлечь внимание императора к Ян-гуйфэй. Все это вызывало всеобщее недовольство.

У политического кризиса имелось немало объективных причин. Империи приходилось напрягать все силы для ведения внешних войн. На Юге, на территории современной провинции Юньнань, усилилось государство Наньчжао, населенное воинственными предками современных тайцев, лаосцев, шанов и других родственных им народов, населяющих нынешнюю Юго-Восточную Азию. Был утрачен контроль над Кореей. С Запада один за другим следовали набеги тибетцев, чья держава распространилась от Брахмапутры до Сычуани. Несмотря на то что Второй тюркский каганат был разгромлен уйгурами, попытки Китая воспользоваться этим и укрепить свою власть над Самаркандом не увенчались успехом. В 751 г. китайские войска на реке Талас потерпели сокрушительное поражение от арабов. В результате междуречье Амударьи и Сырдарьи навеки связало свою судьбу с исламским миром, а контроль над значительной частью Великого шелкового пути оказался утерян.

Рост населения Китая вел к земельному голоду. В «тесных волостях» приходилось сокращать размеры наделов, с которых крестьянам все труднее было нести повинности и выплачивать налоги. Переселение в «просторные волости» затруднялось из-за набегов неприятеля. Меры по ограничению монастырского землевладения оказались недостаточными — слишком много земель продолжало выпадать из наделной системы, все больше становилось императорских земель и дворцовых хозяйств — надо было содержать множество отпрысков императорской крови. Так, лишь у Сюань-цзуна имелось пятьдесят девять детей; у одного из его сыновей было пятьдесят восемь детей, у другого пятьдесят пять, у третьего тридцать шесть. Но ведь императорскому примеру организации семьи по мере сил следовали многочисленные аристократы и высшие чиновники, содержавшие свои гаремы. Таким образом, характерное для многих традиционных обществ аграрное перенаселение усугублялось «пе-

репроизводством элит» и сокращением налогооблагаемой базы. Гнет сборов и повинностей становился все тяжелее, а казна при этом получала все меньше средств.

При этом военные расходы резко возросли. Армия, основанная на системе «фубин», разлагалась. Солдаты, направляемые на службу из военных округов, использовались на тяжелых работах, они воевали неохотно, часто дезертировали. Столичная гвардия утратила надежность, но приобрела склонность к участию в заговорах. В пограничных районах требовались более боеспособные части. В 742 г. было учреждено десять *цзеду* — пограничных военных округов, прикрывавших самые опасные направления и возглавляемых военачальниками — *цзедуши*. Войска, комплектовавшиеся в основном за счет «варваров», получали солидное вознаграждение, а их командиры — *цзедуши* — становились независимыми от гражданских властей и могли действовать на свой страх и риск. Это повышало эффективность их деятельности, но превращало в полных хозяев своих областей. Войска старого типа сохранялись, но значительно уступали новым частям. Поэт Ду Фу описал настроения китайских воинов, которые отправлялись против тибетцев. Из его стихов видно, как солдаты тяготятся службой, отсутствием вознаграждения, необходимостью воевать вдали от родной земли. Но совсем иначе поэт передает боевой настрой войска в пограничной армии цзедуши Ань Лушаня (тюрка или согдийца по своему происхождению), выступившего за Великую стену против киданей:

На ровном песке повсюду раскинулись наши палатки,
Выстроились отряды и перекличка слышна.
Ночной покой охраняют воинские порядки,
И с середины неба за ними следит луна.
Несколько флейт вздохнули печальными голосами,
И храбрецы вздохнули, глядя в ночную синь.
Если спросить у воинов: кто командует вами?
Наверно, они ответят: командует Хо Цюйбинь.

Так поэт уподобляет Ань Лушаня легендарному воину Хо Цюйбиню, некогда разгромившему хунну, но далее он сравнивает цзедуши еще и с соколом, готовым броситься на птичью стаю и залить степь кровью.

Итак, старая армия стоила дешевле, но была небоеспособна, новая хотела и умела воевать, но могла стать опасной и, главное, требовала много денег. Поборы росли и становились невыносимыми, в то же время отсутствие средств мешало поддерживать ирригационные сооружения. В ряде провинций начался голод. Ду Фу писал стихи, где осуждался двор императора, устраивавший роскошные пиры в то время, когда дети умирали от голода. Притом что и конфуцианские чиновники, и аристократы, и цзедуши презирали и ненавидели друг друга, они сходились в неприязни к клану Ян и к всесильной фаворитке, из-за которой император нарушил рамки поведения, установленные древними обычаями. Обрушившиеся на страну бедствия могли трактоваться как утрата «мандата неба», что указывало на потерю императором своей легитимности.

В 755 г. Ань Лушань поднял мятеж, требуя ниспровержения клана Ян. 150 тыс. пограничных войск единодушно поддержали восстание. Ян Гочжун двинул против него все силы, но его армия угодила в горную ловушку и была истреблена. Объединившись со своими вчерашними противниками киданями, Ань Лушань захватил провинцию Шэньси, устроив там страшную резню, а затем занял древний Лоян. Но на сей раз китайское население оказало упорное сопротивление. Ду Фу, еще недавно критиковавший правительство и восхвалявший воинов Ань Лушаня, узрел теперь в них традиционных врагов-варваров и описывал героизм защитников Чанъани, с надеждой поджидавших известий о подходе правительственных войск.

Однако тяжеловооруженные воины-профессионалы оказались намного сильнее ополченцев. Чанъань пала, ее жители рассеялись по окрестностям, а император, чудом избежавший плена, поручил командование своему сыну и бежал в Сычуань, отделенную от остальной китайской территории неприступными горами. По дороге гвардейцы вышли из повиновения императору, требуя избавиться от фаворитки и ее брата. Самоубийства, совершенного Ян Гочжуном, оказалось недостаточно, и вскоре император, заливаясь слезами, вынужден был согласиться на убийство Ян-гуйфэй, а затем передал власть своему сыну Ли Хэну. Новый правитель выдвинул против

мятежников оставшиеся верными войска, но, главное, нанял кочевников-уйгуров, которым удалось выбить войска Ань Лушаня из столиц. Однако эта «правительственная армия» относилась к местному населению ничуть не лучше мятежников. Военные действия продолжались до 763 г.

Героическое сопротивление китайского народа, военное искусство уйгуров и разброд в стане мятежников помогли династии Тан удержаться у власти. Но править приходилось опустевшей страной. По переписи 754 г. в империи числилось 52 880 488 душ, а в 764 г. — лишь 16 900 000. Одни были перебиты, погибли от голода и болезней, другие разбежались, третьи потеряли свободу и выбыли из реестров, некоторые территории оказались утрачены. Слабеющее государство более не могло сохранять надельную систему, ибо не было способно контролировать периодические переделы земли и регулярно составлять реестры. Одни поля переставали обрабатываться и приходили в запустение, другие скупались и продавались. Вновь приобретаемая земля уже не считалась надельной и не подвергалась налогообложению. В результате крупные частные землевладельцы усиливали свою мощь, а государство слабело все больше и больше.

Попытка стабилизации

Император Дэ-цзун (779—805) решился на проведение важной реформы, о которой уже давно говорили. В 780 г. императорский цзайсян Ян Янь предложил ввести новый порядок налогообложения: вместо выплат и повинностей с фиксированного надела теперь дважды в год взимался налог. Налоги зависели от количества земли, но их размеры были одинаковы для всех категорий землевладельцев. Государство, отказываясь от непосредственного контроля землепользования, снимало препятствия росту частного землевладения и развитию аренды.

Одни историки видят в этом отказе от надельной системы качественный разрыв с традиционным для Древнего Китая регулированием поземельных отношений, основанным

на верховном праве императора на всю землю, и рассматривают этот шаг в качестве признания государством прав частного землевладения. Возражения других сводятся к тому, что и раньше существовала негласная практика отчуждения земель; в то же время и после реформы Ян Яня государство пыталось замедлить процесс превращения крестьян в безземельных арендаторов и не одобряло появления слишком могущественных частных землевладельцев. По-видимому, суть в том, что надельная система всегда являлась лишь определенным идеалом для государственных мужей, время от времени призывавших к ней вернуться.

Но свою задачу реформа 780 г. выполнила, заглушив остроту кризиса. Государство увеличило налоговую базу, начало восстанавливать разрушенные дамбы, проводить ирригационные работы. Беглецы возвращались на заброшенные земли. Однако теперь мало что препятствовало процессу концентрации земель. Крестьяне, лишавшиеся наделов, были вынуждены арендовать землю у средних и крупных землевладельцев или уходить на заработки в города. Изобилие рабочей силы делало излишними большинство казенных мастерских, использование свободного труда вело к расцвету ремесла, а освобождение от государственных монополий давало высокую прибыль предпринимателям. Начали возникать предприятия, организованные по принципу рассеянной мануфактуры. Так, например, торговый дом Ху в городе Динчжоу имел 500 шелкоткацких станков. Бурный рост торговли привел к появлению новых платежных средств — своеобразных векселей («летучих денег»). Чтобы не возить громоздкие связки денег, их сдавали в одной торговой конторе, а затем, по предъявлении «летучих денег», можно было получить соответствующую сумму в конторе другого города.

Уже к началу IX в. в Китае насчитывалось двадцать городов с полумиллионным населением. Но они оставались прежде всего административными центрами, где проживали чиновники, а также неисчислимое множество «слуг», выполнявших работу по дому и осуществлявших представительские функции, повсеместно сопровождая своего хозяина и демонстрируя степень его значимости и влияния.

В отсутствие надельной системы потребности казны в основном удовлетворялись за счет косвенных налогов — прежде всего соляного, но также и ряда других сборов, в том числе и налога на чай. Именно в эпоху Тан чай получил всеобщее распространение, превратившись и в предмет утонченного наслаждения людей высокой культуры, и в товар повседневного спроса. В ту пору чай не заваривали кипятком, а варили, как суп. Этот способ приготовления чая сохранился у горцев Тибета и кочевников Великой Степи, именно в эпоху Тан познакомившихся с этим напитком, ставшим для них важнейшим элементом питания. Торговля чаем с «варварами» приносила огромные барыши и была монополизирована государством.

К началу IX в., по сравнению с предыдущим столетием, центральное правительство реально контролировало лишь треть провинций. Остальные земли либо были утеряны, либо находились под властью 48 цзедуши, чувствовавших себя полными хозяевами и своих войск, и своих провинций. Император Сянь-цзун (806—820) сумел сменить две трети цзедуши, действуя силой и хитростью. Сановники-конфуцианцы предлагали вернуться к старым рецептам: восстановить военные поселения (что было отчасти реализовано в провинции Шанси) и реставрировать надельную систему. Но император не пошел столь далеко, предпочитая более простой способ — на место ненадежных цзедуши он ставил преданных евнухов, которые не могли передавать свои должности по наследству. Приостановив на время нарастание сепаратистских тенденций, Сянь-цзун предопределил главную политическую коллизию следующих десятилетий: придворную борьбу бюрократии (*шэньши*) и евнухов.

Враждующие группировки возводили и смещали императоров. Один из них, Вэнь-цзун в 835 г. решил покончить с засильем евнухов, организовав настоящий заговор. Ему доложили, что на листьях гранатового дерева выступила сладкая, или так называемая медвяная, роса. Это считалось хорошим предзнаменованием, и император велел евнухам отправиться в сад, созерцать это чудо. В саду в палатках были спрятаны вооруженные воины, ждавшие сигнала, чтобы начать бойню.

Но порыв ветра откинул полог одной из палаток, и евнухи, услышав лязг оружия, успели разбежаться. После чего они заставили императора повернуть дело так, что это была попытка покушения на его жизнь. Верные евнухам войска схватили сотни вельмож, добиваясь под пытками признаний. Все министры и их семьи были казнены. Эти события, вошедшие в историю как «заговор медвяной росы», сломили волю императора, вынужденного в конце концов казнить и своего наследника.

Империя давно перешла от экспансии к обороне. Политика сводилась главным образом к отражению набегов варваров, а чаще к выплате им замаскированной дани в виде «подарков» или неэквивалентного обмена. Китайская дипломатия не без успеха натравливала одних варваров на других. Уйгурский каганат стремились использовать против могучей Тибетской державы, кыргызов — против уйгуров.

Некогда танские императоры, стремясь к созданию общеазиатской империи, поддерживали религии, пришедшие с запада: буддизм, христианство в его несторианской форме, ислам и иногда даже манихейство. Эти религии довольно прочно укоренились в Поднебесной, что вызывало протест конфуцианцев. Так, например, в 819 г. в Чанъань была привезена из Индии реликвия — кость пальца Будды. Император сам участвовал в торжественной церемонии встречи реликвии, но философ-конфуцианец Хань Юй подал докладную записку, где писал: «Ведь он, Будда, мертв, и уже давно. Это же только сгнившая кость. Как же можно помещать ее во дворец! Как может Сын Неба поклоняться праху! Сам же Будда происходит из инородцев, он говорил на языке, отличном от языка, принятого в Срединном царстве, носил другую одежду... не знал долга, которыми руководствуются правители и подданные, не испытывал чувств, существующих между отцами и сыновьями». Хань Юй призывал императора обратить буддийских монахов в мирян, сжечь их книги, превратить их храмы в жилища, а взамен вернуться к древней китайской традиции, «разъясняя путь царей».

Увещевания Хань Юя разгневали императора, который едва его не казнил. Однако на подобных идеях удалось вос-

питать новое поколение чиновников, применивших их на практике. В правление императора У-цзуна (840—846) возобновляются гонения на буддистов. В 845 г. вышел указ, по которому у буддийских монастырей отбиралось все их имущество: земли и сокровища, храмовая утварь, которая могла пойти в переплавку. Погибли бесценные произведения искусства. Около четверти миллиона монахов покинули свои обители. Экономический и интеллектуальный рост влияния буддизма был на некоторое время остановлен. Вместе с буддистскими монастырями гонениям подверглись храмы манихеев, зороастрийцев и несториан — христианству в Китае был нанесен смертельный урон. Но монастырских богатств хватило казне ненадолго.

Государственный аппарат продолжал слабеть. Хотя система экзаменов постоянно усложнялась, на деле быть допущенным к высшим степеням и получить должность без протекции становилось практически невозможно. Чтобы раздобыть деньги на сиюминутные потребности, казна шла на порчу монеты. Увеличивались налоги на соль и чай — для обеспечения монополии на эти товары власти пытались бороться с контрабандистами.

Но ни казни, ни суровость императора Сюань-цзуна II (846—859) не могли обеспечить порядок в стране, которой вновь угрожали варвары (тангуты и кидани) и в которой вновь начинался голод. Голоду способствовали нашествия саранчи, недороды и наводнения, обостренные тем, что дамбы и каналы не ремонтировались и выходили из строя. Так, например, в 858 г. страшное наводнение поразило районы вокруг Великого канала.

Как и ранее, стечение роковых обстоятельств укрепляло подозрения в том, что династия теряет «мандат Неба». Восстания вспыхивали повсеместно, особенно усилившись после смерти императора Сюань-цзуна II в 859 г. Крестьяне южной провинции Чжэцзян попытались создать собственное государство, приступив к распределению содержимого казенных и монастырских амбаров. На юге мятежники базировались на боевых флотилиях лодок-джонок, неуловимых для правительственных войск. Пан Сюнь, армейский командир,

восставший в Гуйчжоу, двинулся затем на север к Лояну и держал в страхе десять окрестных областей. Правительству удалось справиться с этими движениями лишь с помощью кочевников. Но длительного успокоения не произошло.

Мятеж Хуан Чао и конец династии Тан

На севере, в Хэнани, восстание крестьян и беглых солдат возглавил контрабандист Ван Сяньчжи. В 875 г. к этим повстанцам присоединился Хуан Чао, выходец из рода богатых торговцев солью, связанный с Ван Сяньчжи участием в контрабанде. Хуан Чао прекрасно владел боевыми искусствами и был неплохо образован. Он несколько раз пытался сдать экзамены на степень лауреата (*цзиньши*), дававшую право на занятие чиновничьей должности, но терпел неудачи, пока не решил реализовать свои амбициозные планы иначе. Из этой среды вышли некоторые другие вожди восстания, как, например, Чжу Вэнь, происходивший из семьи преподавателя, но не сумевший пробиться к престижным должностям.

Весь свой обвинительный пафос в воззваниях к народу Хуан Чао обращал против династии Тан с ее «жадными и ненасытными» чиновниками, тяжелыми налогами, несправедливостью правления. Его декларации находили живой отклик у массы народа. В краткий срок войско повстанцев достигло 100 тыс. человек, и у правительства уже не хватало сил для отражения столь серьезной опасности. Однако вскоре между вождями восстания произошла ссора и их войско разделилось. В 878 г. Ван Сяньчжи совершил поход на Лоян, где его отряд был разбит наемными кочевниками, а сам предводитель подвергнут жестокой казни. Хуан Чао, двинувшийся на юг, оказался более успешен: в 879 г. он осадил и после безуспешных переговоров о сдаче взял штурмом богатый Гуанчжоу, вырезав до 100 тыс. иноземных купцов — арабов, персов и евреев, пытавшихся оборонять город.

Однако войску повстанцев, состоявшему преимущественно из северян, трудно было закрепиться на юге. Во время возвращения на Север в их ряды вливались все новые сторон-

ники. Во главе полумиллионной армии Хуан Чао подошел к городу Лояну. Наместник Восточной столицы почтительно вышел встречать вождя мятежников, принявшего титул «Великого полководца Поднебесной». Обосновавшись в восточной столице, Хуан Чао направил свою армию на завоевание столицы Западной — Чанъани. Разложившаяся императорская гвардия была разгромлена, а император Си-цзун (873—888) бежал вместе со своим двором за горы, в Сычуань.

В начале 881 г. Хуан Чао на золотой колеснице торжественно въехал в Чанъань. Его сопровождали соратники на медных колесницах, а за ними следовали всадники в парчовых одеждах. Хуан Чао отдал приказ уничтожить весь императорский род и прогнать со службы чиновников трех высших рангов. Приняв девиз «*Цзиньтун*» («Золотое правление»), он провозгласил основание новой династии. Его соратники получили высокие посты, чиновникам средних и низших рангов были сохранены их должности. Но организовать реальный контроль над страной новоявленный император не смог. Опомнившись от шока, танское правительство в Сычуани объявило сбор сторонников старой династии в провинциальном центре Чэнду, куда начали стекаться отряды, собранные «сильными домами», и поступать налоги с территорий, не захваченных Хуан Чао. Это позволило нанять конницу кочевников. Самым яростным врагом повстанцев стало племя тюрков *шато*, которое возглавлял одноглазый вождь Ли Кэюн.

Вскоре 17-тысячная конница Ли Кэюна разгромила выдвинутую против него стотысячную армию новоявленного императора и перекрыла подвоз продовольствия. Неспособность Хуан Чао обеспечить нормальное снабжение столицы вызвала недовольство горожан и части его войск. В результате в мае 883 г. армия повстанцев покинула Чанъань. Сразу же после этого отряды Ли Кэюна ворвались в столицу, учинив в ней такой разгром, что горожане стали называть тюрков *шато* «черными воинами», а их вождя — «одноглазым драконом». В Хэнани, куда ушли повстанцы, им было нанесено несколько поражений, после чего их силы начали быстро таять. На сторону Танов перешел Чжу Вэнь. Теряя сторонников,

Хуан Чао отступил в Шаньдун, где покончил с собой в 884 г. Однако его племянник Хуан Хао продолжал борьбу вплоть до 901 г.

Четвертьвековая крестьянская война нанесла сокрушительный удар династии Тан. Центральная власть перестала контролировать территорию страны. Множество крестьян и горожан погибли. Остальные перестали платить налоги и исполнять трудовые повинности в пользу центральной власти. Система налогообложения престала функционировать.

В 883 г. император Си-цзун вернулся в Чанъань. Однако, находясь в древней столице и сидя в императорском дворце, он сначала был марионеткой в руках Ли Кэюна, а потом его отстранил от власти бывший главарь повстанцев Чжу Вэнь. В ходе военных действий между этими двумя лидерами подверглась полному разрушению западная столица Чанъань, а император вместе со всей семьей был увезен Чжу Вэнем в Лоян. Последние танские императоры Чжао-цзун (888—904) и Ай-ди (904—907) были бледной тенью правителей начала династии. Вершителем их судеб оставался Чжу Вэнь, пока в 906 г. окончательно не истребил весь императорский род и не провозгласил императором себя самого. Но в это время Китай вновь распался на несколько самостоятельных государств. Начинаясь «эпоха пяти династий и десяти царств» (907—960).

* * *

Несмотря на социальные взрывы, с очевидной регулярностью сотрясавшие страну в конце династических циклов, эпоха Тан в китайской традиции считается периодом наивысшего могущества, когда Китай надолго опережал весь мир в своем развитии. Это было время, когда в обиход китайцев вошли чай и фарфор, когда обрела стройность знаменитая бюрократическая система, основанная на экзаменах, когда возникли знаменитые академии и школы, призванные готовить чиновную элиту, время небывалого взлета китайской культуры, создавшей эталонные образцы словесности и изо-

бразительных искусств. Культура эпохи Тан сочетала в себе сознательное подражание образцам древней империи Хань и вместе с тем была открыта влияниям извне. Культуры степных кочевников, среднеазиатских и арабских торговцев, учения мусульман, манихеев и христиан, не говоря уже о давно адаптированном буддизме, быстро впитывались китайским обществом. Даже такой враг иноземных учений, как философ Хань Юй, уравнивал свои нападки на буддизм тем, что объявлял учителем Будды китайского мудреца Лао Цзы, подчеркивая единую природу человеческих знаний.

О творческой силе культуры того времени свидетельствует стихийный поиск противовеса господствующей тенденции. Когда учение буддийских философов приобрело строгость четкой системы, утвердившей иерархию 19 степеней интеллектуального совершенства, когда буддизм становился господствующей религией (при императрице У Цзэтянь) или помещался под жесткий бюрократический контроль, тогда в ответ на торжество формального интеллектуализма расцвела буддийская секта Чань, культивирующая спонтанное мистическое озарение, порожденное непосредственным личным созерцанием своей истинной просветленной природы и достижением совершенства Будды. Когда конфуцианский принцип следования разуму и подчинения строгим канонам достиг апогея, самым любимым поэтом китайцев, включая императора, стал бесшабашный Ли Бо, воспевавший «священное опьянение» и, согласно легенде, утонувший пьяным, пытаясь поймать прекрасную луну, отразившуюся в речной глади. Чтобы стать чиновником, мало было толковать изречения Конфуция, нужно было еще обладать богатым воображением и писать, подражая этому поэту:

Облака отразились в водах
И колышут город пустынный,
Роса, как зерна жемчужин,
Под осенней луной сверкает.
Под светлой луной грущу я
И долго не возвращаюсь...

А В ЭТО ВРЕМЯ...

ЭПОХА ИМПЕРИЙ

VII—IX вв.

Империя Тан сумела сохранить древнюю государственную традицию. Такими же были две другие империи — Византия и Сасанидский Иран. Порожденные разными цивилизациями, они обладали и общими чертами — власть императора носила сакральный характер, культурно-религиозное единство обеспечивало целостность империи. Соединение государства и церкви было основой власти Сасанидов и лишь укрепилось в период халифата Аббасидов, сменившего персидскую державу. В Византии идеалом отношений императора и церкви была *симфония*. В Китае же фигура императора считалась божественной — владея «мандатом Неба», «сын Неба» служил залогом поддержания миропорядка. Но в империи Тан конфуцианство, будучи официальной государственной доктриной, вынуждено было сосуществовать с буддизмом и даосизмом, которые временами пользовались особым покровительством власти, но при этом брались под жесткий контроль. При необходимости императоры могли прибегать к конфискации монастырских земель и иных богатств, сокращать численность монахов. В Китае такие гонения на буддизм происходили в 712—756 гг. и в 840—846 гг. Любопытно, что эти даты почти совпадают с двумя этапами иконоборчества в Византии при императорах Льве III (717—741) и Феофиле (829—842), выступивших против пышности культа и отбиравших монастырские богатства. На слишком богатых и влиятельных зороастрийских священнослужителях-*мобедов* также мог обрушиться гнев Сасанидов.

В трех империях создаются обширные правовые своды — *Кодекс Юстиниана*, сасанидский *Сборник тысячи судебных решений* и Кодекс законов Тай-цзуна, определившие последующую законодательную традицию.

Сталкиваясь с сильными противниками — аварами, булгарами, хазарами, эфталитами, тюрками, уйгурами, тибетцами, — все три империи испытывали на себе еще и грозную силу арабских воинов. Иногда удавалось использовать одних

врагов против других, но порой империи терпели страшные поражения, и тогда выживать им помогали сильные бюрократические традиции. Пример Китая в этом отношении неподражаем, но роль и византийской, и персидской бюрократии также трудно переоценить. Сасанидские *дабиры* («писцы») создали такую административную традицию, что даже после арабского завоевания, коренным образом изменившего облик Ирана, персидская бюрократическая традиция возродилась и расцвела при халифате Аббасидов, став залогом будущего восстановления цивилизационной идентичности Персии.

Чиновники были носителями особой культуры, они осознавали себя хранителями государственного начала и опирались на корпоративную солидарность, что помогало им сохранять имперскую традицию в самых трудных условиях.

Однако, служа скорее империи, чем конкретному правителю, они нередко полагали, что лучше императора знают, в чем благо государства. Императоры же зачастую нуждались в преданных и при этом не слишком шепетильных исполнителях. Такими людьми были евнухи, игравшие важную роль не только при дворах обладавших гаремами китайских императоров, шахиншахов и халифов, но и при византийских василевсах.

Перед тремя империями стояли схожие задачи и в военной области — противостоять противникам, совершавшим молниеносные набеги. Для этого создавались особые военные округа, начальникам которых давались самые широкие полномочия. Также основывались военные поселения, где жители получали льготные наделы, освобождались от налогов, но должны были служить в войске. В империи Тан возникают военные округа *цзеду* и система поселений *фубин*. Почти одновременно в Византии возникают особые военные округа — *фемы* и поселения воинов-*стратиотов*. Еще раньше по этому пути пошел Сасанидский Иран, образовав пограничные округа — *марзпанства*, чьи правители соединяли в своих руках военную и судебно-административную власть. Позже халифат Аббасидов будет создавать подобные округа на границе с Византией.

Военные округа Китая и Византии помогли успешно противостоять в первом случае — кочевникам Великой Степи, а во втором — арабским завоевателям. Но, выполнив свою задачу, *фемархи* и *цзедуши* превращались в угрозу для столичной бюрократии и императоров. Мятежи Ань Лушаня в Китае (755—763) и Фомы Славянина в Византии (821—825) были подавлены ценой огромных жертв и лишь при помощи варваров.

В следующий период империи и их наследники будут искать иные формы организации военной службы. Пока же в Иране, Китае и Византии основу армии составляли выходцы из свободного крестьянства. Оно же было и основным источником налогов, необходимых для содержания армии, чиновников и самих императоров. Но существованию этого слоя угрожала концентрация земли и политической власти в руках местных крупных землевладельцев, которые делали свободных крестьян зависимыми от себя. Чтобы помешать обезземеливанию и закабалению крестьян, требовалось составлять и обновлять кадастры, следить за сохранением крестьянских наделов, постоянно составляя списки тягловых крестьян и земельные реестры. Однако в конце династического цикла власть была уже не в силах препятствовать росту частновладельческих тенденций, империи неуклонно слабели, поскольку именно свободные крестьяне были залогом их силы.

Пример Великих империй был привлекателен для соседних народов, желавших создать у себя нечто подобное. В Корее государство Объединенное Силла (668—935 гг.), избавившись от вмешательства Китая, заимствовало принципы конфуцианской модели государства и автократические принципы управления. В Японии в результате так называемого «переворота Тайка» (645 г.) впечатленная агрессивным танским могуществом родовая элита страны Восходящего Солнца попыталась скопировать модель управления империи Тан и установить «регулярное государство» — *рицзюре*.

Но чаще подражали символике власти. Влияние византийского дворцового церемониала можно было обнаружить и в далекой Эфиопии, и в англосаксонских королевствах, и,

конечно же, в державе Карла Великого. Хотя последний подражал в большей степени прошлому, возрождая традиции Римской империи. Укреплением своей власти франкская династия Пипинидов-Каролингов была обязана необходимости борьбы с арабами. Угроза со стороны «неверных», завоевавших Испанию и вторгшихся в Галлию, позволила Карлу Мартеллу (717—741) отобрать часть церковных и монастырских земель для содержания конного войска. Выступая защитниками веры, франкские короли, а затем и императоры строго следили за соблюдением монастырских уставов, подобно своим византийским и китайским современникам-императорам. Как и в других империях, Каролинги создавали особые военные округа — марки на границах империи, откуда ожидались набеги врагов (Испанская, Бретонская, Саксонская, Паннонская, прикрывавшая империю от Аварского каганата). Империя Карла Великого мыслилась не только восстановленным Римом, но и «градом Божиим», устремленным к Спасению. Императорские канцелярии усердно трудились, рассылая указы — капитулярии, «государевы посланцы» надзирали за правителями областей — графами. Однако империя, объединившая разные народы и разные языки, просуществовала недолго. Императорская власть подлежала разделу между наследниками, согласно германским обычаям. Империя быстро распадалась, ее оплакивали некоторые епископы и аббаты, но некому было ее скрепить — не успела сложиться бюрократическая традиция. Держава Каролингов так и осталась «недоимперией» — не было единого законодательства, внятной фискальной системы, кадастров. Но она оставила важнейший след в истории, питая миф об утраченном единстве Запада.

В этот ряд империй — и старых, и подражающих им новых — в середине VII в. буквально ворвался Арабский халифат. Арабское воинство, вдохновленное откровениями Пророка, выплеснулось с Аравийского полуострова на Ближний Восток, сокрушило Иран, лишило Византию большей части провинций. Вбирая в себя все новые народы, армия ислама завоевала Северную Африку, из Магриба проникла на Пиренейский полуостров, уничтожив Королевство вестготов. Затем «сарацины» обосновались на Юге Галлии, свершали сме-

лые рейды в сторону Луары, где в 732 г. их остановило войско Карла Мартелла. На Востоке арабы завоевали Среднюю Азию, и в 751 г. в битве на реке Талас, длившейся 5 дней, с огромным трудом и с помощью тюрок-карлуков одолели армию империи Тан.

Тяжелейшие потери в Таласской битве вкупе с нападениями степняков остановили наступление воинов ислама, как еще раньше хазары остановили продвижение арабов к северу от Кавказского хребта.

Что же представлял собой халифат? Была ли это очередная «кочевая империя», охватившая Ойкумену с юго-запада, подобно тому как Тюркский каганат охватывал ее с северо-востока? С одной стороны, стремительное расширение границ халифата обеспечили кочевники-бедуины, передвигавшиеся на конях и верблюдах. Они были убеждены в том, что ведут священную войну, смерть в которой гарантирует райское блаженство. Общества, организованные по иерархическому принципу, не могли устоять перед этим натиском. С другой стороны, главную роль среди первых мусульман играли купцы и ремесленники, и ислам сразу же возник как религия горожан. Халифы не ограничивались набегами на империи или взиманием дани. Они завоевывали земли «неверных», чтобы включить их в состав халифата и установить там священный порядок.

Был ли халифат сродни «варварским королевствам», обрзающимся на землях империй? Арабы селились в своих военных лагерях среди покоренных народов, впитывая достижения высокой культуры, принимая на службу представителей местной элиты. Боевой дух арабских воинов постепенно ослабевал, начинались междоусобицы, в особенности из-за неясных правил передачи власти. Но, в отличие от правителей варварских королевств, халифы не стремились подражать империям. Многие заимствуя в плане быта и культуры, арабы в обмен предлагали населению древних империй нечто гораздо большее — веру, новую культуру, новую жизнь — более понятную, более привлекательную.

Был ли халифат империей? «Царство Агарянское», как называли его православные источники, претендовало на уни-

версальную власть во всем мире, смешивая народы в «плавильном котле» *уммы* — общины мусульман, не знающей преград в своем расширении. Бюрократия не сразу, но все-таки начинала складываться уже в халифате Омейядов (661—750), главным образом за счет ученых *зиммиев* — иноверцев, признавших власть ислама. Так, христианский мыслитель Иоанн Дамаскин был, как и его отец, казначеем у халифа. Багдадский халифат Аббасидов (750—1258), ядром которого стали земли древней Персии, как уже отмечалось, опирался на традиции иранской бюрократии. Но если прочие империи лишь стремились к гармоничному сосуществованию светской и духовной властей, то халифат был теократией, власть светская и религиозная были едины, причем вера в гораздо большей степени, чем у Карла Великого, придавала смысл существованию «праведной империи», обеспечивала высокую социальную мобильность, облегчала этнокультурный и этноконфессиональный синтез. Вчерашние зороастрийцы и христиане оказывались вдумчивыми читателями Корана, привнося свою древнюю ученость в комментарии.

Уязвимым местом халифата стало отсутствие постоянного войска. Когда воины-бедуины растворились среди местного населения или вернулись в свои пустыни, то армия халифов стала комплектоваться из наемников — горцев, тюркских кочевых или полукочевых народов или же из рабов-*гулямов*. Ни крестьянской армии, ни особого военного сословия здесь не возникло.

Но сколь ни велико было своеобразие халифата, ему была уготована общая судьба с другими империями той эпохи — стать неподражаемыми образцами для своих цивилизационных ареалов. Неслучайно историки культуры говорят о «Танском ренессансе»,¹⁹ «Македонском ренессансе», «Каролингском ренессансе», а время Гарун-ар-Рашида (786—809) станет вспоминаться как «золотой век» арабской культуры. Вернуться к этим классическим образцам будут призывать все новые поколения правителей, реформаторов, бунтовщиков. И чем менее достижимым становился идеал, тем более привлекательным был в истории образ этих великих империй раннего Средневековья.

ГЛАВА 3

ДИНАСТИИ СУН И ЦЗИНЬ X—НАЧАЛО XIII в.

От эпохи «пяти династий» к установлению династии Сун

После свержения династии Тан Китай вновь распался на несколько враждующих между собой государств. На их престолах сменяли друг друга императоры из числа вчерашних бандитов, вождей кочевых племен и военачальников, посаженных на трон армией. Этот период получил в истории название «Эпохи пяти династий и десяти царств» (906—960), хотя государственных образований в этот период насчитывалось еще больше. Междоусобные войны, набеги степняков и разрушение дамб вели к запустению Поднебесной. Столица Чанъань подверглась разорению до такой степени, что, по уверению современника, ее «развалины заросли боярышником и ежевикой, и по ним бегали лисы и зайцы». Население либо было перебито, либо уходило в более спокойные районы — на запад в Сычуань или на юг за реку Янцзы. В обществе неизмеримо возросла роль военных: коменданты военных округов — *цзедуши* — чувствовали себя полными хозяевами, армейская верхушка составляла большинство в окружении императора, местные чиновники различного уровня, деревенские общины, даже монастыри — все пытались содержать своих воинов, способных хоть как-то защитить в смутное время.

Китайская историография, ориентирующаяся на ценность государственного единства, рисует этот период самыми мрачными красками. Но, как и в эпоху Лючао, крах мощной империи нельзя оценивать однозначно. Ослабление налогового гнета и временное сокращение бюрократического аппарата позволяли быстро восстанавливать хозяйственную жизнь, как только наступало затишье. Новые крупные землевладельцы, сменившие танскую высшую бюрократию и зная, уже не надеясь на милости столичных властей, проявляли заинтересованность и в улучшении ирригационной системы, и в возделывании целины. Это вело к подъему сельского хозяйства. Особенно бурно развивалось хозяйство в южных районах, удаленных от опустошительных набегов степняков. В новых государствах некоторым из вельмож удавалось сохранять культурные традиции, лавируя между враждующими правителями. Так, Фэн Дао (882—954) с характерным прозвищем «Никогда не унывающий старик» пережил восьмерых императоров пяти разных династий, сохраняя при этом должность цзайсяна. Покровительствуя ученым, он занимался о редактировании свода конфуцианского канона и основал в Лояне типографию, печатавшую эти тексты с деревянных досок. Гравюры на дереве были известны и ранее, но тиражирование книг применялось впервые. Фэн Дао считается изобретателем ксилографии.

Но поколениям китайцев междинастические периоды запомнились не этими успехами, а вторжениями варваров, которые пользовались ослаблением страны. Так, кидани, уже давно активно участвовавшие в междоусобных войнах, захватили значительные территории на севере Китая, создав империю Ляо. Этот монголоязычный народ, находившийся некогда в подчиненном положении у Тюркских каганов и их наследников — уйгуров, воспользовавшись исчезновением империи Тан, захватил лидерство в регионе к северу от Китая. Образованная киданями империя Ляо («железная») завоевала царство Бохай, расположенное на территории Маньчжурии, северной Кореи и пограничных районах российского Дальнего Востока. Непокорных бохайцев массово переселяли вглубь монгольских степей. От бохайской традиции кидани

заимствовали принцип сохранения в государстве пяти столиц, в которых правитель пребывал по очереди. В результате войн киданям удалось захватить шестнадцать округов на Севере Китая. К рубежу X—XI вв. население империи Ляо насчитывало около четырех миллионов человек, свыше половины из которых составляло оседлое китайское население. На службу киданям переходило немало перебежчиков из Китая. Империя управлялась двумя разными правительствами — северным, в чьем ведении находились племена киданей и других не-китайских народов, и южным, организованным на китайский манер и управляющим в основном китайским населением. И хотя империя Ляо во многом подражала традициям Поднебесной, кидани разработали собственную письменность на основе староуйгурского письма, впрочем, в обращении были и китайские иероглифы. Наряду с шаманизмом в империи Ляо все большее распространение получали буддизм, а также несторианство. При императорском дворе почитали Конфуция и стремились опереться на конфуцианскую модель управления страной. С покоренных народов дань взималась в основном натурой — продуктами земледелия, ремесленными изделиями, но едва ли не основной источник доходов империи Ляо составляли различные поступления с территории Китая — в виде военной добычи, дани, «подарков», неэквивалентной торговли. Притом что империя Ляо не могла выставить армию, превышающую 100 тысяч воинов, а в реальности и эта цифра была труднодостижимой, конница Ляо неизменно побеждала армии, собираемые многомилионным Китаем.

Центром сопротивления киданям стало государство Чжоу со столицей в Кайфэне, возглавляемое императором Чай Жуном (950—960). Предприняв ряд радикальных мер, в том числе конфискацию монастырских земель, он смог создать крепкую армию и присоединить земли в провинциях Шаньси, Сычуань и в междуречье Янцзы и Хуанхэ. Увеличив территорию своего государства, Чай Жун выступил против киданей, но во время этих войн он умер. Армия провозгласила императором военачальника Чжао Куаньня, основавшего династию Сун (960—1279).

Новый император, получивший храмовое имя Тай-цзу, прекратил войны с киданями, регулярно выплачивая им «отступную дань», и сосредоточился на присоединении соседних китайских государств. В период с 960 по 976 г. он выполнил эту задачу, объединив Китай, за исключением земель, занятых государством Ляо. Местные династии и служившие им чиновники не уничтожались, как в другие моменты китайской истории, а переходили на службу новой династии.

Столицей империи остался Кайфэн, расположенный на скрещении важнейших торговых путей, и очень хорошо приспособленный для защиты. Император начал свою деятельность с того, что поставил цзедуши под жесткий контроль со стороны центра. В дворцовой гвардии была проведена чистка командного состава. И отставные цзедуши, и гвардейские командиры, и правители присоединенных областей не могли жаловаться на свою судьбу — им гарантировались почетные и выгодные условия на новом месте. Придя к власти без кровопролития и объединив страну практически мирным путем, династия Сун не пошла на создание независимых пограничных территорий или сильной военной касты.

Империя Сун была бюрократическим государством. Постоянно совершенствовался экзаменационный принцип занятия должностей. Чиновники, регулярно перемещаемые с места на место, являлись носителями унифицированной культуры и «ученого» языка, что придавало устойчивость государству. Но бюрократический аппарат быстро рос, плодились все новые ведомства, а попытки сокращения штатных должностей оставались безуспешны. Разросшееся чиновничество потеснило знать. С начала XI в. перестают составлять генеалогические списки знатных родов. На руководящие должности по результатам экзаменов выдвигаются представители незнатных семей. Однако аристократия полностью не исчезла, императорская родня и члены прославленных древних фамилий получали синекуры. Но и за семьями высших чиновников закреплялось право выдвижения на должности, минуя экзаменационные конкурсы («право тени»), служилые роды обретали признаки аристократии. В армии для занятия офицерских должностей также надо было держать экза-

мены, хотя военные должности ценились не особенно высоко. Престижной считалась лишь служба в частях столичной гвардии.

В эпоху Сун завершился процесс становления социальной группы шэнши («ученые мужи, носящие широкий пояс»). И хотя формально ими могли считаться лишь обладатели ученых степеней, многочисленных «учеников» и «кандидатов» трудно было отделить от этого слоя, дополнявшего чиновничество и даже сливавшегося с ним на низшем административном уровне, где их привлекали к управлению в качестве помощников. В руках шэнши сосредоточилось решение всех проблем в китайской деревне и волости. Конфуцианская традиция предписывала знание литературного канона, поэтому в еще большей степени, чем в эпоху Тан, множились частные школы, а репутация искусного преподавателя могла значить больше, чем громкий титул.

При этом система экзаменов и отбора на государственные должности находилась в центре общественного внимания, подвергаясь критике. Реформаторы полагали, что важнее иметь практические навыки. Неоконфуцианцы порой сомневались в том, что эрудиция может заменить истинную добродетель, а проверка письменных работ дает представление о подлинных моральных качествах соискателя. Философ Чжан Цзай в середине XI в. настаивал на том, что чиновников надо отбирать из членов прославленных фамилий. Историки видят в этом стремление высшей бюрократии превратиться в замкнутую касту, однако сам мыслитель считал такие меры наиболее полным воплощением конфуцианской морали, превыше всего ставящей семейные ценности. Компромиссом между принципами отбора кандидатов стало введение иерархии государственных школ с постоянным проживанием учеников. Последовательное прохождение трех уровней обучения и сдача экзаменов открывали дорогу в столичную императорскую академию, по окончании которой предоставлялась высшая степень цзиньши — «совершенного ученого мужа», достойного должностей высшего ранга. Таким образом, постоянный надзор за нравственными качествами учащихся совмещался с проверкой их академической

подготовки и контролем над содержанием образования. Но в 1121 г. эта система рухнула — в условиях военно-политического кризиса содержать 200 тысяч учеников казне оказалось не по силам.

Роль военных в эпоху Сун была ниже, чем в предыдущий период, однако численность армии росла. В столице и ее округе располагалось «войско Запретного города», состоящее из отборных гвардейских частей, в каждом округе стояли местные гарнизоны, а специальные «сельские войска» выполняли полицейские функции. При необходимости могла производиться и мобилизация крестьян. В армии процветало казнокрадство, многие воины фактически являлись слугами своих командиров. Гигантская армия, превышавшая миллион человек, могла подавлять бунты и выполнять экстренные хозяйственные задачи, но не отличалась эффективностью в операциях против кочевников. Китайская конница была слаба (страна утратила главные коневодческие провинции), пехота же противостояла кочевникам, защищая себя переносными заграждениями-рогатками, а позже — укреплениями из повозок. Технический гений китайских изобретателей постепенно вооружал солдат бамбуковыми трубками, стреляющими пороховыми зарядами, чугунными бомбами и огнеметами. Все это помогало ослабить мощь конной атаки и выдерживать осады, но инициатива по-прежнему принадлежала степнякам, и империя Сун вынуждена была откупаться то от государства Ляо, то тангутского государства Си-Ся, установившего контроль над Великим шелковым путем. Война с киданями закончилась договором 1005 г. о выплате империи Ляо 200 тысяч кусков шелка и 100 тысяч лян серебра ежегодно. Попытка войны с тангутами, в которую оказались втянуты и кидани, в 1042—1044 гг. закончилась тем, что Китай удвоил выплаты «варварам».

Хотя территория империи Сун была меньшей, чем в период Тан, ей удавалось достаточно долгое время содержать разбухший государственный аппарат и еще более разросшуюся армию. Объяснялось это беспрецедентным взлетом китайской экономики. Отказавшись от надельной системы, правительство заботилось лишь о налогообложении обра-

батываемых земель. Прекращение политики «установления земельных порядков» дало свои результаты. Большую часть земельного фонда Китая составляли частные земли, на которых происходил постоянный процесс концентрации владений. Земли покупались, дарились, закладывались за долги. Наиболее надежными были владельческие права на освоенные целинные и залежные земли. К концу первой трети XI в. в распоряжении таких «поглотителей» оказалось до половины всей обрабатываемой земли, на которой трудились арендаторы (кэ ху, дянь ху), чей статус был различным.

Разумеется, собирание земель осуществлялось не только экономическими методами, но также путем силовых захватов и всевозможных махинаций. Ясно также, что арендные отношения не относились к чисто экономическим, раз неимущий крестьянин становился в положение «младшего» по отношению к хозяину.

Среди крупных землевладельцев встречались представители «сильных домов», гражданские и военные чиновники, купцы и ростовщики, богатые горожане и зажиточные крестьяне. Все они стремились добиться исключения своих земель из списка податных, используя то власть и силу, то связи и подкуп. В результате налоговая база сокращалась, а попытки приостановить концентрацию земельной собственности имели лишь временный успех. Крестьяне, лишавшиеся надела и не сумевшие стать арендаторами, пытались найти работу в городах и промысловых селах, но также пополняли шайки бродяг и разбойников. Государство, желая хотя бы отчасти решить проблему безземельных крестьян, мобилизовало их в войска, что и вело к росту армии. Так, при императоре Жень-цзуне (1023—1063 гг.) ее численность достигла 1260 тыс. солдат.

Усиливающееся неравенство повышало социальную напряженность. В 1043 г. в провинции Шаньдун вспыхнуло восстание под руководством солдата Ван Луня, к которому помимо крестьян и дезертиров примкнули горожане и даже провинциальные чиновники. Подавленное в этой провинции восстание в 1046 г. перекинулось в соседнюю провинцию Хэбэй, где во главе повстанцев встал еще один солдат — Ван

Цзе. Он провозгласил создание государства «Умиротворенное Ян», чьи принципы основывались на мессианских идеях «наступления всеобщего счастья и благоденствия», пропагандируемых тайным обществом буддийской секты «Милэ-цзяо». Правительству пришлось заключать невыгодный мир с государством тангутов, чтобы найти силы для борьбы с мятежниками. Но разложение армии, неэффективность чиновничества, трудности со сбором налогов — все это убеждало в необходимости преобразований.

Величайшая цивилизация средневекового мира («Новый курс» и его противники)

Политическую историю Китая XI в. нельзя рассматривать в отрыве от культурного контекста эпохи Сун. Молодая династия нуждалась в идеологическом обосновании законности своей власти. Она не могла гордиться военными победами, да и для опоры на грубую силу ее армия была непригодна, власти нужно было еще чем-то подкреплять свою легитимность. Император Чжэнь-цзун (997—1022) поощрял синкретические культы на основе даосизма и даже сам объявил о некоем явившемся ему с небес Откровении. Это могло бы придать императору ореол святости в глазах простонародья, но отнюдь не в глазах конфуцианских чиновников. Более успешно поиски оправдания и объяснения существующего порядка велись в период длительного правления его сына Жэнь-цзуна (1022—1063). Именно тогда начался процесс оформления неоконфуцианской доктрины, завершившийся в трудах Чжу Си, жившего уже в конце XII столетия. Он стал последним из «шести сунских мудрецов», чтимых конфуцианской традицией. Пятеро прочих творили во времена Жэнь-цзуна. По сути, они создавали новое учение, впитавшее в себя традиции буддизма и даосизма и сочетавшее в себе этическую, метафизическую и религиозную системы.

Естественно, что в любой средневековой цивилизации поиски нового велись лишь с оглядкой на далекое прошлое, свое или чужое. В предыдущие эпохи в Китай новые идеи

проникали извне (например, буддизм или манихейство). Теперь, когда империя оказалась отрезана от торговой артерии — Великого шелкового пути, источником вдохновения могло стать лишь новое прочтение национальной традиции. В свое давнее прошлое напряженно всматривались китайские интеллектуалы, которые могли пользоваться благами ксилографического книгопечатания, вооружавшего мыслителей все новыми сводами древних текстов. В них философы отыскивали «истинное» знание, якобы непонятое и искаженное поколениями комментаторов и переписчиков. Например, философ Чжоу Дуньи отыскал в гадательной «Книге перемен» («Чжоу и», «И цзин») намек на понятие «Великий предел». Как и прочие, он считал, что столь древнюю книгу мог написать только Совершенный мудрец — Конфуций. Хотя в сочинениях самого Конфуция ни такого термина, ни понятия не встречалось, Чжоу Дуньи помещает «Великий предел» в центр всей конфуцианской мысли своей эпохи. Современные ему философы могли с ним спорить, но действовали схожим образом.

Интеллектуалы разрабатывали планы улучшения жизни в Поднебесной давно, но именно потрясения 40-х гг. XI в. заставили императора приблизить мудрецов к власти, остановив свой выбор на Фань Чжунъяне по прозвищу «Литературная Истина». Он и его сподвижники предлагали решить проблему с помощью выдвижения честных и добродетельных чиновников. Помочь была призвана система поручительства, при которой человек, рекомендуя кого-либо, нес личную ответственность за ошибки своего протеже. На экзаменах предлагалось выявлять не только знание литературных канонов, но также истории и права, а главное — удостовериться в наличии добродетелей и практических способностей. Традиционно считая земледелие основным и единственно достойным источником поступления доходов в казну, Фань Чжунъянь разработал программу ирригационных работ, которые должны были осуществляться с привлечением армии. Предполагалось отобрать земли, захваченные «поглотителями», чтобы восстановить старинную практику раздачи «должностных полей». Из давнего прошлого брался

и рецепт сокращения военных расходов: восстановить наделы солдат-земледельцев, которые вооружались бы за счет общины.

Попытка преобразований натолкнулась на сопротивление придворных, что привело к отставке Фань Чжунъяня. Но вскоре император Шэнь-цзун (1067—1085) приблизил к себе провинциального чиновника Вань Аньши, который в течение семи лет (1069—1076) осуществлял масштабные преобразования, получившие названия «нового курса» (*синь фа*). Ссылаясь на старые тексты, он предлагал нововведения, выглядевшие как восстановление древних порядков, в частности, легистской практики. В этой связи весьма характерен уже первый подготовленный им закон («Уравнение потерь»). Обычно все зерно, поступающее в виде налогов, свозилось в столицу. Транспортировка обходилась дорого, зерно продавалось в столичном округе по низким ценам из-за своего избытка, а в случае недорода его трудно было доставить в голодающую провинцию. Ван Аньши сослался на прецедент времен династии Хань, когда зерно поступало в провинциальные казенные амбары, чтобы по мере необходимости продаваться на месте. Восстанавливая традицию, правительство добивалось выравнивания цен на хлеб, избегало перенасыщения столичного рынка и обогащало казну прибылью, которая раньше доставалась купцам.

Выступая в роли торговца, казна брала на себя и функции кредитора: мелким землевладельцам под умеренный процент выдавались государственные ссуды как семенами, так и деньгами (закон «Молодые всходы»). Помогая крестьянам, Вань Аньши защищал их земли от захвата «поглотителями» и лишал ростовщиков доходов. Ссуды выдавались также ремесленникам и мелким торговцам, что способствовало расцвету городов. Закон «Освобождение от повинностей» заменял принудительное участие в общественных работах денежными выплатами. Этот закон был ненавистен богачам, которые прежде легко увиливали от государственных повинностей, а теперь вынуждены были платить за это деньги. Устанавливались пять ступеней благосостояния с прогрессивной школой обложения. На собранные деньги нанимались

работники. Массы крестьян и солдат привлекались к беспрецедентным по масштабу работам по устройству каналов, плотин и дамб (так, на Юге только за шесть лет «нового курса» было построено 11 тыс. ирригационных сооружений).

Важнейшим из преобразований «синь фа» была реформа земельного налогообложения (закон «Измерение площадей»). Сложную фискальную практику Вань Аньши постарался заменить более простой и справедливой системой, разделив всю пахотную землю на квадратные поля со стороной в тысячу шагов, которые делились на пять категорий в зависимости от плодородия земли. Каждое хозяйство, деревня и деревушка подлежали регистрации. Чиновникам теперь было сложнее давать ложные данные, уменьшая налогооблагаемую базу, крестьянство же подвергалось более тщательному контролю, что ущемляло положение богатых землевладельцев.

Понимая, что страна беззащитна перед кочевниками, Вань Аньши закупил 30 тыс. лошадей и передал их на содержание крестьянским семьям Северного Китая с условием выставлять всадников в императорскую кавалерию. Он пытался восстановить принцип рекрутского набора, а также поощрял создание и обучение отрядов местной самообороны.

Главная трудность для Вань Аньши и всех «реформаторов» (которых некоторые историки не без основания предпочитают называть контрреформаторами) состояла в том, что традиционный аппарат не мог и не желал выполнять новые сложные задачи, а привлечение новых чиновников возмущало старую иерархию. Да и подходящих людей, наделенных коммерческими способностями, математическими и инженерными знаниями, найти было трудно. Вань Аньши пытался пересмотреть и систему экзаменов, введя испытания по математике и естествознанию, умножал число государственных академий, борясь с засильем частных школ, которые, по его мнению, больше интересовались культурой, чем величием государства.

Деятельность Вань Аньши, затрагивавшая интересы слишком многих лиц, вызвала растущую критику при дворе. Обличителями «нового курса» выступали интеллектуалы из

числа бывших сподвижников Фан Чжунъяня, лучшие из философов-неоконфуцианцев. Их полемика вошла в «золотой фонд» китайской политической мысли. Они утверждали, что прежде всего надо заботиться о морали и ритуалах. По словам Чжоу Дуньи, «надеяться на совершенное правительство без восстановления древней и изменения современной музыки — значит бить далеко мимо цели».

Когда историка Сыма Гуана спросили, как работает закон «Молодые всходы» в его родной провинции Шэньси, он ответил, что не знает, как там действуют новые законы, однако, раз старые были для населения обременительны, новые будут еще тяжелее. Зачем усугублять страдания народа переменами, раз мир устроен так, что богатые дают бедным займы, чтобы разбогатеть, бедные берут в долг у богатых, чтобы жить, так они и живут, поддерживая друг друга? Стоит ли развивать в чиновниках алчность, заставляя их быть ростовщиками? Ведь не зря же Конфуций утверждал, что благородный муж говорит о морали, а низкие людишки — о прибыли.

Но «поклонников легизма», соратников Ван Аньши нельзя было назвать «низкими людишками». Так, например, Шэнь Ко был гениальным математиком, географом и астрономом, автором важнейшей календарной реформы. Шэнь Ко разрабатывал новые технологии очистки каналов с использованием вычищенного ила для удобрений, разъезжал по стране, инспектируя инженерные и военные сооружения, разведывая полезные ископаемые (он первый организовал добычу нефти — «каменного масла») и пропагандируя политику Ван Аньши. В 1073 г. состоялась его встреча с правителем города Ханьчжой, знаменитым поэтом Су Ши. Последний написал трактат против «нового курса», утверждая: «...сохранение или гибель государства зависит от того, насколько глубоко или поверхностны его добродетели, а не от того, сильно оно или слабо... Если добродетель поверхностна, а обычаи все время нарушаются, то даже богатое и сильное государство не спасется от скорой гибели». Шэнь Ко сделал выписки из трактата и послал их с депешей императору, в результате Су Ши лишился поста.

Воздадим должное эпохе: опальные чиновники отправлялись не на плаху, а в почетную ссылку, где продолжали заниматься поэзией и философией, имея возможность обмениваться с оппонентами любезными письмами.

Историки пишут о «реформаторах» и «консерваторах». Однако взгляды неоконфуцианцев, не одобрявших вмешательства государства в экономическую жизнь, выглядели для Китая новее, чем доктрина Ван Аньши, апеллирующего к наследию древнего легизма. Скорее можно говорить о «деятельных» и «созерцательных» чиновниках. Полагают, что эта полемика определялась культурными различиями. Оппонентами «нового курса» выступали в основном жители севера, среди которых был более распространен даосизм, а в сочетании с консерватизмом он делал их поборниками «конфуцианского недеяния». Ван Аньши, Шэнь Ко и ряд их сторонников принадлежали к южанам и впитали элементы буддийского мировоззрения, распространенного на Юге. Их преобразовательная деятельность сочеталась с этикой благодеяния, призывавшей к активности (вспомним удивительную предприимчивость буддийских монастырей в эпоху Тан). Наконец, поддавшись придворным интригам, в 1076 г., император отправил Ван Аньши в отставку. Шэнь-цзун сохранял приверженность «новому курсу», но с течением времени созданная Ван Аньши система была пересмотрена, хотя его сторонники продолжали сохранять определенное влияние.

Противники «нового курса» утверждали, что он принесет народу неисчислимые беды, однако целых полвека Китай не знал крупных восстаний. Демографические показатели данного периода необычайно интересны. Уже в первой трети XI в. численность населения подошла к пятидесятимиллионному рубежу. Вспомним, что империя Тан дважды достигала этого уровня, после чего следовал жестокий кризис, среди причин которого аграрное перенаселение играло важную роль. Усиление социальной напряженности наблюдалось и сейчас, и реформы стали ответом на этот вызов. Но никакого катастрофического спада на сей раз не последовало, перепись 1083 г. показала, что в Китае проживает примерно 90 млн че-

ловек, а перепись 1124 г. — 100 млн. Возможно, демографический «потолок» был достигнут, о чем свидетельствовал наступивший вскоре коллапс, порожденный войной и мятежами, но удвоение численности населения менее чем за 100 лет нуждается в объяснениях.

Как считают исследователи, в Китае — преимущественно в его южных областях — развернулась «аграрная революция», выразившаяся в освоении целинных земель и, главное, в распространении новых сортов вьетского риса и передовой технологии рисосеяния. Эта революция была подготовлена вековым взаимодействием переселявшихся на юг ханьцев с местными народами, прежде всего вьетами, от которых были заимствованы навыки возделывания риса. Но к XI в. они были сильно усовершенствованы. Урожайность новых сортов риса составляла 30 центнеров с гектара — втрое выше, чем урожайность проса на севере. В некоторых южных областях собирали два урожая в год: после сбора риса сеяли пшеницу, причем правительственный указ запрещал землевладельцам брать арендную плату со второго урожая. Практиковались специальная обработка семян, выращивание рассады в парниках с хорошо подготовленной почвой. Улучшениям способствовала и помощь государства: поля на участках, отвоєванных у болот, окружались дамбами высотой до шести метров — по ним прокладывали дороги, вдоль которых сажали деревья. В насыпях проделывались отверстия, чтобы в случае необходимости открывать заслонки и подавать на поля воду.

Рост площади пахотных земель и резкое увеличение урожайности привели к расширению экологической ниши населения Китая. По-видимому, усилия сторонников «синь фа», бросивших все силы, включая армию, на ирригацию, наряду с отказом от амбициозных военных проектов, явились благоприятным фактором, способствовавшим реализации «китайского экономического чуда» XI—XII вв. Сражения и немалые потери имели место, но крупных экспедиций вглубь степей не предпринималось. Дань варварам была тяжела и многими считалась унижительной, но она давала возможность не перенапрягать народ чрезвычайными налогами.

Эпоха Сун стала апогеем экономического развития средневекового Китая. Уже на рубеже X—XI вв. в Китае было выпущено в десять раз больше монеты, чем в VIII—IX вв., и в середине XI в. больше половины всех налогов в казну вносились деньгами. Поскольку монеты для обращения не хватало, вводились ассигнации. Появившиеся сперва в Сычуани переводные чеки, обеспечивавшиеся звонкой монетой, были признаны в 1023 г. властями в качестве законного платежного средства. С середины XI в. правительство начинает выпуск ассигнаций в качестве равноправного с монетой средства обращения. Однако на рубеже XI—XII вв. власти стали злоупотреблять эмиссией ассигнаций, и они быстро обесценились. С ослаблением правительства снижалась и цена бумажных денег.

В X—XIII вв. стремительно развивались китайские города. В некоторых из них проживало свыше миллиона жителей. Особо высокой урбанизацией отличались области Юго-Востока, где численность горожан доходила до четверти населения провинции. Кроме городов появилось большое количество торгово-ремесленных и промысловых поселений, возникавших на скрещении торговых путей или в местах концентрации промыслов. Жизнь внутри городских стен претерпела существенные изменения. В период Тан город строго разделялся на кварталы, каждый из которых запирался на ночь, а не успевший в свой квартал горожанин рисковал получить палочные удары от ночной стражи. Теперь же улицы превратились в круглосуточно открытые артерии, жизнь в городе не замирала ни на час, не запрещались ни ночная работа ремесленников, ни развлечения, причем работали даже ночные рынки со специальным освещением, контролируемым пожарной инспекцией. Городские власти больше всего опасались пожаров, возводили пожарные каланчи и пристально следили за увеселительными заведениями. Так, в столице для нужд «войска Запретного города» было открыто 24 публичных дома, помещенных под надзор пожарных, чтобы пьяные гвардейцы не подпалили столицу.

Издавна ремесло и торговля подвергались в китайском городе жесткому контролю, а идеалом считалось казенное

производство. Однако идеалы все дальше отстояли от действительности. Многочисленные объединения ремесленников и торговцев («ханы») основывались теперь не на территориальном, а на производственном принципе. Некоторыми чертами они напоминали западные цехи — ремесленники устанавливали число подмастерьев в хозяйстве, стремились поддерживать равные для всех условия труда, заботились о сохранности секретов производства. «Хан» отмечал свои праздники и проводил богослужения, выделял деньги на лечение и похороны своих членов. Но при этом «ханы» не имели политического влияния на жизнь города и находились под полным контролем властей. Главной же их функцией в глазах государства считалась фискальная, поэтому в «ханы» заставляли объединяться всех: и мусорщиков, и гадателей-геомантов, и даже нищих (чьи тонкости «искусства» передавались по наследству, как секреты ремесленников).

Поначалу ремесленникам надлежало по очереди отрабатывать повинности в государственных мастерских, однако в результате реформ Ван Аньши отработки были заменены денежным взносом. Это дало заметный толчок развитию частного ремесла. Время от времени правительство предпринимало меры по усилению регламентации ремесла и торговли, по укреплению монополии на продажу железа и цветных металлов, соли и чая, квасцов и дрожжей, уксуса и лака, что ограничивало легальную сферу деятельности китайских купцов. Это приводило к расцвету контрабанды или даже к мятежам, но чаще ситуация смягчалась за счет «подношений» чиновникам. В результате сложился тип предпринимателя, сведущего как в своем деле, так и в умении встраиваться в бюрократическую систему.

Производство совершило грандиозный рывок. Металлургия усовершенствовалась за счет внедрения новых механизмов и технологий. По сравнению с эпохой Тан добыча меди увеличилась в 30 раз, железной руды — в 12. Возведенные в эпоху Сун железные пагоды и мосты на железных цепях кое-где дожили до наших дней. Массовое использование древесного угля в доменных печах и вагранках привело к исчез-

новению лесов, поэтому уже с середины XI в. металлурги использовали кокс каменного угля.

Заметно возросло производство тканей, в этой области возникали объединения мануфактурного типа. В конце XI в. в шелкоткацких мастерских Кайфэна работало 400 станков, в Чэнду — 154. Гуандун, Гуанси и Фуцзянь славились хлопчатобумажными тканями. Все больше производилось изделий из белого фарфора. Выпускались сервизы, каждая чашка в которых при ударе серебряной ложкой отзывалась на особый лад, особо ценилась глазурь «цвета неба после дождя в разрыве облаков». Качество достигалось за счет усложнения технологических процессов, порой растянутых на несколько лет.

Техника ксилографии с трудом удовлетворяла спрос на книги, ведь весь текст вырезался на гладкой доске твердого дерева, и малейшая ошибка целиком губила матрицу. Однако изобретенный в ту пору наборный шрифт широкого распространения не получил: слишком много иероглифов приходилось хранить в наборных кассах и слишком велика была роль каллиграфии, предполагавшей эстетическую ценность за каждым вновь начертанным иероглифом.

Именно город, в большей степени, чем императорский дворец и буддийский монастырь, стал центром расцвета интеллектуальной жизни. Здесь состязались в учености преподаватели массы школ. Большинство создаваемых в городах литературных произведений писалось не на ученом языке бюрократической традиции (вэньянь), а на разговорном наречии. На нем записывали «рассказываемые новеллы», посвященные сказочным персонажам, но изобилующие сценами из повседневной жизни, или своеобразные детективы — рассказы о праведном судье, способном распутать любое дело. От XII—XIII вв. дошло не менее семи сотен театральных пьес. Интересно, что женские персонажи наделялись более высокими нравственными качествами, чем мужские.

Особой популярностью пользовался в ту пору жанр «записок о путешествиях». Китайцы путешествовали гораздо чаще, чем прежде. Между провинциями была налажена регулярная почтовая связь, по рекам и каналам ходили суда

с гребными колесами, в морские плавания из эстуария Янцзы отправлялись огромные многопалубные и многомачтовые джонки, способные маневрировать при любом ветре и разделенные водонепроницаемыми переборками на отсеки.

Трудно оценивать уровень развития цивилизаций, сопоставляя достижения гуманитарного знания, для этой цели лучше подходят научно-технические успехи и в особенности самая абстрактная из наук — математика. В этом отношении эпоха Сун намного превосходила другие китайские династии. Если в период Тан математикой занимались высокопоставленные чиновники, то за исключением Шэнь Ко, приближенного к кормилу власти, великие сунские математики в основном трудились учителями частных школ. Примеры задач носили практический характер: исчисление монетной массы, расчеты конструкций дамб, распределения воды для ирригации, определение из отдаленного пункта диаметра и окружности городской стены. Математики исследовали методы решений систем уравнений высших степеней, приемы построения прогрессий, использовали символ нуля, заложив последующие основы китайской алгебраической традиции. Горожане охотно отдавали детей в их частные школы. Но попытки ввести математику в программу государственных экзаменов, предпринимаемые между 1084 и 1113 гг., закончились провалом, натолкнувшись на упорное сопротивление чиновников и придворных.

«Ветроотекущий император» и гибель империи

У власти часто менялись как сторонники «синь фа», так и его противники. Продолжатель «нового курса» Цай Цзин, уже ранее возглавлявший правительство, был снова назначен цзайсяном молодым императором Хуэй-цзуном (1100—1126). Этот император вступил на трон в возрасте девятнадцати лет, он не походил на своих предшественников прежде всего своим воспитанием, предпочитал веселую жизнь столичной «богемы», увлекался искусствами, поскольку знал, что трон

должен был унаследовать его старший брат. Но после неожиданной кончины последнего он в скором времени стал императором. Хуэй-цзун не просто вернул к власти сторонников преобразований, но и сам решил сделать все возможное, чтобы в стране установилась гармония.

Прежде всего Хуэй-цзун написал и опубликовал свой трактат «Размышления о чае». В нем впервые упомянут белый чай, описываются различные сорта чая (такие как «Серебряные иглы с белым ворсом» или «Костный мозг зеленого феникса с высокого пика»), излагаются особенности чайной церемонии и объясняется сама суть напитка: «Что до чая как предмета, то он изяществом своим превосходит изящество долин Оу и Минь, собирает в себе все совершенство гор и потоков, успокаивает душу и избавляет от тоски, дает ясность и приводит к гармонии...»

Поддерживать мировую гармонию — миссия императора, и он неустанно трудился на этом поприще, совершенствуя церемонии и обращаясь к искусству. Императоров-поэтов в истории Китая встречалось немало, но на сей раз на троне оказался одаренный художник. Он вырос во дворце, украшенном пейзажами, утверждавшими красоту мироздания, а следовательно, и порядок в стране. Образцом для подражания считался великий пейзажист XI в. Го Си, писавший, что созерцание диких источников и скал — обычное наслаждение для совершенного человека. Но Хуэй-цзун предпочитал более камерные композиции жанра «цветы и птицы». Лишенные помпезности, они подчеркивали эстетическую ценность частных проявлений природы и при этом доказывали тезис о единстве живописи и поэзии. Император учреждает Академию живописи (1104 г.), где темами конкурсных работ художников служили строки из поэтических произведений. Однажды такой темой стала строфа из стиха танского времени:

Бамбуковая роща окружает таверну
Рядом с прогулочным мостом.

Пока все рисовали рощи, таверны и мосты, один художник нарисовал флаг, развевающийся над бамбуковой рощей,

на котором был начертан иероглиф «вино». Император признал этот способ описать ситуацию «окружает со всех сторон» самым оригинальным и присудил ему победу. Но, поощряя отказ от слепого подражания канону, Хуэй-цзун не допускал сомнений в эталонном характере собственных картин, копируемых учениками. Художник в нем был все же сильнее философа.

Синтез живописи, поэзии и философии призвана была подкреплять каллиграфия, в которой император также был признанным мастером. Может быть, именно поэтому он поставил во главе правительства Цай Цина, имевшего неоднозначную репутацию, но слывшего лучшим каллиграфом своего времени. Возможно, император и не вникал в подробности управления страной. Но он занимался другим — сочинял музыкальные произведения, совершенствовал экзаменационные программы, писал трактаты по садово-парковому искусству и архитектуре, производству фарфора. Сотни чиновников разъезжали по стране в поисках предметов старинного искусства и древних рукописей для пополнения императорского музея. Император начал составление сводного каталога коллекции живописи, включавшего описание свыше шести тысяч работ. Красота явилась залогом сохранения миропорядка, ради этого Хуэй-цзун трудился не покладая рук.

На его картине 1112 г. изображен конек крыши и разлетающиеся по небу журавли. Поднимающийся к солнцу журавль служит добрым предзнаменованием, а в даосском пантеоне символизирует связь земли и неба, поскольку на журавлях летают в небесах бессмертные. В поисках философского смысла своей деятельности император все больше сближался с учением даосов. Приближенный ко двору даосский мудрец Линь Линсу провозгласил Хуэй-цзуна воплощением старшего сына Верховного Нефритового императора, призванным установить даосское правление во всем мире. Здоровье души и тела императора, его долголетие и сексуальная энергия, поддерживаемая знаменитыми «золотыми пилюлями» даосов, гарантировали связь земли и неба, были стержнем той самой мировой гармонии, к которой стремился император.

Многие императоры Поднебесной благоволили даосам, особенно когда они сулили бессмертие. Но Хуэй-цзун ко всему подходил творчески — он занимается реформированием даосской литургии, сочиняет ряд религиозных гимнов (распеваемых по сей день), распоряжается отпечатать полное издание даосского канона. Придворные даосы убеждают его в необходимости ускоренного слияния буддизма с их религией. С 1117 г. буддийские монастыри реорганизовывались на даосский манер и переходили под контроль императорской администрации.

К этому времени ситуация в стране обострилась.

Империя Ляо, некогда отторгнувшая у Китая северные округа и получавшая китайскую дань, клонилась к упадку. В 1115 г. Агуда, вождь подвластных Ляо племен чжурчженей, поднял мятеж, провозгласив новую империю Цзинь.

В 1118 г. правительство Сун заключило с ней союз, договорившись о разделе владений Ляо. Но «цивилизованные» кидани, проигрывавшие свирепым чжурчженям, оставались сильнее китайской армии, терпевшей от них одно поражение за другим. Чтобы снаряжать походы на Север, пришлось вводить все новые налоги, а в 1121 г. — прекратить финансирование государственных школ, распустив по домам десятки тысяч учеников и преподавателей, пополнивших ряды недозволенных. Неоконфуцианская идеология предъявляла к добродетелям власти завышенные требования, которым сунская бюрократия соответствовать не могла, а если же пыталась их удовлетворить, то допускала ошибку за ошибкой. Восстановление миропорядка предписывало наказать наглых варваров и отвоевать исконно китайские территории, а раз это не получается, то не утрачен ли властью «мандат Неба»?

Все большую критику вызывал Цай Цзин, последующая историография описывала его как взяточника, в желании удержаться у власти потакавшего всем вздорным идеям императора. Но он строил больницы для бедняков, пытался вести такую налоговую политику, чтобы богачам приходилось делиться своими доходами, ему удалось провести новую перепись населения, показавшую, что оно за тридцать лет увеличилось на 10 млн человек. Инициированные даосами

гонения на буддийские монастыри обогатили казну за счет секуляризации. Однако основные цели синь фа реализовать не удалось: кавалерия не была создана, армия оставалась дорогой и беспомощной, налоговая система «квадратных полей» пришла в разлад, средства приходилось добирать за счет повышения косвенных налогов (на соль, уксус, чай, лак), что вызывало всеобщее недовольство. А расходы возрастали: помимо оплаты меценатских затей Хуэй-цзуна требовались деньги на войну.

В 1120—1122 гг. в приморской провинции Чжэцзян вспыхнуло восстание, подготовленное тайной организацией «Мин-цзяо» («Учение о свете»), чья идеология включала манихейские, буддийские и даосские верования. Повстанцы захватили Ханчжоу, и правительству пришлось двинуть на них войска, призванные сражаться на северных границах. Вождь восставших Фан Ла — крупный производитель лака, пострадавший от государственной монополии на его товар, обличая беззакония властей, особый упор делал на позорную дань, выплачиваемую варварам. В 1121—1122 гг. в провинциях Хэбэй и Шаньдун под лозунгами равенства и борьбы с беззаконием вспыхнуло восстание чиновника средней руки Сун Цзяна, подавленное с еще большим трудом (согласно некоторым источникам, Сун Цзян и его сторонники были амнистированы). Считается, что именно на основе народных легенд об этих событиях в XIV в. был написан самый популярный китайский роман «Речные заводы», где кроме ста восьми повстанцев присутствуют и антигерои — Цай Цзин и его подручные, наделенные портретным сходством (например, в романе обыгрывается каллиграфический талант цзайсяна). Сатирическое произведение «Цветы сливы в золотой вазе», написанное еще два века спустя, также буквально воспроизводит обвинения, выдвинутые против клики Цай Цзина при дворе. В романе инспектор Военного ведомства обращается к императору: «...Варвары совершали набеги с древних времен. <...> Однако никто не слышал, чтобы угроза нашествия зародилась извне, когда нет тому повода внутри страны. <...>. Если бы все внутри было наполнено жизненным эфиром, а процветание защищено от внешнего удара, откуда бы

явилась беда? Ныне накликать нашествие орд инородцев не кто иной, как наставник Вашего Величества Цай Цзин, что служит в зале Высокого правления».

Прошли века, а к спору, начатому еще Сыма Гуаном с Ань Лушанем, все время будут возвращаться китайские мыслители: что лучше защищает страну — технические усовершенствования или добродетели? Выбор в пользу добродетелей, сделанный на рубеже XI—XII вв., был судьбоносным, к нему не раз возвращалась китайская общественная мысль. Историописание в Китае находилось под контролем традиционалистов неоконфуцианского толка, с их легкой руки эпоха Сун навеки стала символом несправедного правления.

Государство Ляо пало в 1124 г. под ударами чжурчженей, договорившихся с китайцами о содействии. Лишь небольшая часть киданей спаслась бегством в Семиречье, где они образовали свою державу.

Несмотря на то что вклад китайской стороны в победу был невелик, чжурчжени были готовы передать несколько областей союзнику. Однако сторонники строгой конфуцианской морали вынудили Хуэй-цзуна приказать войскам занять все территории, некогда принадлежавшие Китаю: земли Поднебесной должны принадлежать императору, договоры с варварами не имеют силы. Императив морального долга оказался сильнее трезвых расчетов. Но чжурчжени разбили китайскую армию и осадили Кайфэн.

Для конфуцианцев и их учеников было ясно, что причина катастрофы — внутренний недуг государства. Отовсюду подавались докладные записки, объяснявшие все коварством и корыстолюбием правительства Цай Цзина. Но вместо того, чтобы отрубить голову либо ему, либо его врагам, император, выплатив варварам огромную контрибуцию и заключив тяжелейший мир, 18 января 1126 г. отрекся от престола в пользу сына.

Император слишком много трудился во имя гармонии, веря в то, что она зависит именно от него, и поэтому, увидев крах своего идеала, не стал искать других виноватых. В китайской традиции Хуэй-цзун получил прозвище «Ветротечущий император», официальная историография не простила

ему увлечения даосизмом, растраты средств на искусство, доверия к реформатору Цай Цзину и его клике. Но, по сути, он совершил лишь одну роковую ошибку, поддавшись мнению большинства и нарушив договор с чжурчженями.

Новый император внял требованиям критиков, в первую очередь — ректора академии Ханлинь — и прогнал Цай Цзина. Затем, наскоро собрав новую армию, послал ее вдогонку чжурчженям, увозящим богатую добычу. Но и эта армия вновь была разбита, что уже стало непоправимой катастрофой. В январе 1127 г. Кайфэн оказался в руках варваров. Погибла императорская коллекция произведений искусства. И новый, и прежний император были угнаны в Маньчжурию вместе с тысячами придворных.

Север против Юга. Империя Южная Сун и империя Цзинь

Весь Северный Китай оказался во власти чжурчженей, которые даже сумели переправиться через Янцзы, но были не готовы к тому, чтобы развивать дальше свой неожиданный успех. Младший брат императора Гао-цзун сумел бежать на Юг, где провозгласил империю Южная Сун.

Власть над громадными территориями оказалась для чжурчженей неожиданностью, они неоднократно побеждали китайские армии, но завоевать и контролировать враждебную к ним густонаселенную страну они были не вполне готовы. По всей видимости, они рассчитывали, что раз в их руках находится почти вся императорская семья со старым и молодым императорами, то они смогут утвердить на Юге государство, которое будет полностью зависеть от империи Цзинь. С этой целью они на первых порах предпочитали создавать на завоеванных землях «вассальные» или «буферные» государства.

В 1127 г. они заставили находящегося у них в заложниках суннского вельможу Чжан Банчана занять трон марионетного государства Чу. Тот совсем недолго пробыл в «императорах». Как только чжурчженьские войска ушли, пере-

дал свою власть императору новой династии Южная Сун. Последний, однако, казнил Чжан Банчана как узурпатора. В 1130 г. было создано другое вассальное государство — империя Ци, охватывающая провинции Шаньдун, Хэнань, Аньхуэй и Цзянсу. Из чиновников, вызвавшихся служить победителям, был выбран Лю Юй. Империя Ци оказалась более жизнеспособным государством. Пример Чжан Банчана, казненного в Южной Сун, убедил Лю Юя и его приближенных, что лучше сохранять верность чжурчженям. Армия империи Цзинь была надежным прикрытием, но и Лю Юю удалось создать свои территориальные войска, достаточно успешно действовавшие против повстанцев, мародеров и бандитов. Империи Ци удалось переманить на свою сторону некоторых военачальников Южной Сун, подвергшихся опале. Многие чиновники бежали на Юг, но было и обратное движение — сохраняя общий принцип чиновничьей иерархии, Лю Юй снимал бюрократические барьеры, обеспечивая более быстрое продвижение по службе. Привлекал он и многих южных купцов, ведущих контрабандную торговлю: они освобождались от налогов, и им предоставлялась свобода действий. Однако в 1137 г. чжурчжени изменили свою политику, осознав, что раз с Южной Сун им с наскока справиться не удалось, то им придется либо вести длительную войну, либо налаживать перемирие. Необходимость в буферных государствах отпала, и империя Ци была упразднена, ее земли вошли в состав империи Цзинь.

Под властью Южной Сун оставались земли, где ранее проживало 50-миллионное население, теперь же к ним присоединялись все новые волны беженцев. Многие рвались в бой, мечтая освободить Север. Но положение Южной Сун осложнялось новым мощным восстанием в провинциях Хунань и Хубэй, где давно действовала даосская секта Байлянь-цзяо. Восставшие грабили буддийские монастыри, убивали землевладельцев-«поглотителей» и непопулярных чиновников. Число мятежников доходило до 400 тыс. человек. Они создали новое «царство Чу», где были отменены повинности и делались попытки установить всеобщее равенство. Армия «царства Чу» попыталась воевать с чжурчженями,

но быстро была ими уничтожена. Однако завоевателям приходилось действовать на территории, где велась настоящая «война всех против всех». Они совершали длительные рейды на земли к югу от Янцзы, на запад, в Сычуань, но закрепиться там не смогли и несли большие потери. Выяснилось, что летом во влажном климате чжурчженьские кони слабели, а тетива луков отсыревала. Армия Цзинь теряла свои преимущества.

Императору Гао-цзуну приходилось отступать все дальше на Юг, пока в 1231 г он не утвердил столицу в Линьани (совр. Ханчжоу). Здесь, на территории, изобилующей реками, каналами и рисовыми заболоченными полями, можно было не опасаться внезапной атаки чжурчженьской конницы. Однако этот город долгое время рассматривался как временное пристанище двора, надеявшегося отвоевать Кайфэн.

С 1129 по 1141 г. продолжались опустошительные войны между империями Цзинь и Южная Сун. С 1136 г. правительство Южной Сун начало переговоры с империей Цзинь, поняв, что для продолжения войны в стране нет сил. Однако движимые ненавистью к варварам, местные ополчения и отдельные регулярные части вели войну на свой страх и риск. Особенно выделялся военачальник Юэ Фэй, автор знаменитого стиля боевого искусства «длинный кулак». Вооружив своих воинов пиками с крюками, он научился противостоять атакам варварской конницы. Главным секретом его успеха являлась строгая дисциплина, установленная в войсках, смелость и независимость в принятии решений. Он стал одним из лидеров «партии войны», стремящейся полностью сокрушить империю Цзинь. Несколько раз успехи китайских войск позволяли надеяться на скорое освобождение Лояна, а то и Кайфэна. Но в правительстве возобладала «партия мира». Некоторые историки полагают, что и сам император Гао-цзун, помимо неверия в возможности своей армии, еще и опасался, что в случае полной победы получит свободу и его сводный брат — последний император Северной Сун, плененный чжурчженями. Ведь многие в «партии войны» склонялись к тому, что по праву трон принадлежит только ему. Правительство, желавшее заключить мир, никак не могло

остановить Юэ Фэя, все более выходящего из-под контроля. Во время кампании 1141 г. он одиннадцать раз игнорировал приказы императора об отступлении, что создавало угрозу другим армиям. В конце концов, он был вызван в столицу и по требованию суда принял яд. Однако популярность его была такова, что в 1163 г. доброе имя полководца было восстановлено, а впоследствии в его честь воздвигли храм. Образ Юэ Фэя стал синонимом доблести и патриотизма, а имя его главного противника, главы «партии мира» министра Цинь Гуя, — символом предательства. Еще в императорское время в Ханчжоу был поставлен памятник Юэ Фэю, перед которым униженно склонились фигуры Цинь Гуя и его приближенных.

В 1141 г. был установлен мир между империями Цзинь и Южная Сун. Граница проходила по реке Хуайхэ, чжурчжени получали дань, равную той, которую ранее императоры Сун выплачивали киданям.

Южная Сун во многом копировала свою северную предшественницу: продолжились тенденции к хозяйственному, демографическому и культурному росту, характерные и для предыдущей империи. Впрочем, демографический рост во многом объяснялся массовой миграцией населения из районов, охваченных войной. По-видимому, не позднее этого времени в провинциях Фудзянь завершилось складывание субэтнуса *хака*. Ученые считают, что ранее этот народ населял Великую Китайскую равнину, но давно переселился на юг, заняв труднодоступные и неплодородные земли, и привык жить во враждебном окружении. Их кланы жили в больших «домах-деревнях» или «домах-крепостях» — тулоу, многоэтажных глинобитных постройках круглой или квадратной формы, диаметром от 50 до 90 м. Тулоу, вмещавшие несколько сот жителей, были хорошо приспособлены для обороны. Некоторые относят начало миграции хака на юг ко времени империи Тан или даже Хань, но в провинции Фудзянь они появились во времена Южной Сун, о чем свидетельствуют и семейные хроники хака, и датировка древнейших из сохранившихся тулоу.

Надельная система не сохранилась, да и не могла существовать на пересеченной местности Южного Китая, но империя Южная Сун сумела обеспечивать свои потребности иным путем, главным образом за счет косвенных налогов и торговых пошлин, чему способствовало развитие торговли и рост городов. Впервые Поднебесная оказалась развернута к морю, и приморские провинции демонстрировали бурный рост. Уже в начале 1130-х гг. император имел военный флот, действовавший с большой эффективностью. Некоторые горячие головы даже советовали Гао-цзуну высадиться со своей армией в Корею, чтобы напасть на империю Цзинь с тыла.

Навигационные приборы, усовершенствованные еще Шэнь Ко, открывали новые возможности для дальних плаваний. По рекам ходили корабли, оснащенные не только сложными парусами, но и гребными колесами. Большие многомачтовые суда китайских купцов ходили на острова Рюкю, в Японию и Корею, а вскоре появились и в водах Индийского океана, добираясь порой до Мадагаскара и Красного моря. Мир, заключенный в 1141 г., предоставил возможность вести прибыльную торговлю с Севером, отчасти компенсирующую выплату дани.

Но правительство способствовало кораблестроению не только исходя из хозяйственных интересов. Как писал один из китайских поэтов, еще в 30-е гг. для Южной Сун море и реки стали Великой Стеной, а корабли — сторожевыми вышками на ней.

В 1161 г. в империи Цзинь верх взяла своя «партия войны», вновь двинувшая войска на завоевание Южной Сун. На сей раз чжурчжени обзавелись огромной флотилией, понимая, что придется воевать на речных просторах. Но в двух сражениях сильно уступающий им по численности флот Южной Сун одержал блестящие победы. Более маневренные корабли южан были оснащены катапультами, обстреливавшими противника бомбами и зажигательными снарядами, применялись ручные гранаты и «огненные трубки».

Вторжение было отражено, и мирный договор 1165 г. восстановил статус-кво и даже позволил снизить выплачиваемую чжурчженям дань. Между двумя империями мир установился на четыре десятилетия.

Император Гао-цзун, после победы 1161 г., на следующий год отрекся от престола в пользу своего приемного сына, заложив тем самым традицию — все императоры Южной Сун задолго до своей смерти добровольно передавали власть избранному ими наследнику, что помогало избегать гражданских войн и дворцовых переворотов.

Мы не знаем, чем занимался «ветротекучий император» Хуэй-цзун в те последние восемь лет своей жизни, которые провел в чжурчженьском плену. Но его сын — Гао-цзун, отстранившись от дел, прожил еще свыше четверти века, предаваясь каллиграфии, написанию стихов и поддержке литераторов и художников. Каллиграфия Гао-цзуна стала образцом для нескольких поколений мастеров, отличаясь естественной и спокойной манерой, интенсивностью движения и изяществом.

Агуда — основатель империи Цзинь («золотая»), бросив вызов империи Ляо («железная»), сказал: «Железо крепко, но ржавеет и крошится. А золото не ржавеет». Несмотря на это, в «Золотой империи» шли процессы, характерные и для всех варварских государств, возникавших в Северном Китае. Варварская организация власти (в частности, заимствованное у кочевников деление всего управления на «правое» и «левое» крыло, опора на военные объединения сородичей, лестничная система наследования власти), неприхотливость в сочетании в воинской доблести — все эти свойства подвергались эрозии, столкнувшись с традициями богатой китайской культуры.

После захвата Северного Китая под властью империи Цзинь оказалось около 30 млн населения, привилегированный слой составлял 3 млн человек, причем чжурчженей было среди них менее половины, остальная часть приходилась на бохайцев, другие северные племена, уцелевших киданей, а также ханьцев из числа северян, давних подданных империи Ляо.

Чжурчженям раздавались завоеванные земли, на которых размещались *моу-кэ*, военные объединения сородичей (по 300 семей). В империи действовал запрет на смешанные браки между чжурчженями (во всяком случае — знатными)

и ханьцами, который, однако, соблюдался нестрого и был окончательно отменен в 1191 г.

В ходе завоеваний Северного Китая хозяйство пришло в упадок — многие земледельцы погибли, другие бежали на юг, значительную часть оставшихся превращали в рабов чжурчженьской знати. Дамбы и ирригационные системы плохо содержались новыми властями, случались наводнения и засухи. Чтобы удержать крестьян на земле, им запрещалось покидать свои наделы или, если речь шла об арендаторах, — своих хозяев. Продовольствия часто не хватало, его закупали на Юге, расплачиваясь серебром, полученным оттуда в виде дани.

Императоры Цзинь, считая себя законными наследниками китайской культурной и государственной традиции, стремились привлечь на свою службу китайских чиновников. В каком-то смысле порядки в империи Цзинь напоминали Танскую эпоху: более выраженным, чем на Юге, было стремление ограничить рост крупной земельной собственности и восстановить систему наделов. Моу-кэ, как привилегированные поселения воинов, напоминали старую систему фу бин. Но и частота дворцовых переворотов больше напоминала империю Тан, чем Сун.

К концу века бывшее единство общинников ушло в прошлое, а вскоре сановник Вэй Цзыпин констатировал, что молодежь из богатых семей не годится для военной службы из-за своей трусости, а бедняки разорились и не имеют возможности нести службу. Он предлагал освободить моу-кэ от этой обязанности и перейти к наемной армии, что вскоре и произошло.

Как и в Южной Сун, при дворе Цзинь боролись между собой партии войны и мира. Но последняя вовсе не была настроена на длительное «мирное сосуществование» с Югом — речь шла лишь о временной приостановке войны, для того чтобы собраться с силами и лучше подготовиться к следующему этапу завоевания. Симпатия к китайской культуре отличала четвертого по счету правителя империи Цзинь Ваньянь Ляна (1149—1161), пришедшего к власти в результате переворота и истребившего почти всех членов пра-

вящего рода. Он преобразовал управление, разделив страну на пять «путей» по числу столиц (этот принцип был унаследован от империи Ляо), и закрепил китайский принцип функционирования государственного аппарата с его системой должностных экзаменов. Ваньянь Лян отменил прежний запрет на ношение китайской одежды, ввел императорский культ по китайскому образцу. С величайшей роскошью император принялся отстраивать Центральную столицу на месте современного Пекина, возводя там подобающий Сыну Неба императорский дворец и буддийские пагоды. Но взятая на себя роль «настоящего» китайского императора диктовала ему необходимость объединения страны. Накопив резервы, собрав пять армий и построив при помощи китайских мастеров-перебежчиков громадную речную флотилию, Ваньянь Лян в 1161 г. возглавил поход на Юг. Поход оказался неудачным, в тылу вспыхнули мятежи, произошел дворцовый переворот. Когда весть об этом дошла до армии, военачальники задушили Ваньянь Ляна. Официальная историческая традиция Цзинь лишила его императорского титула: его посмертно понизили до князя и не присвоили посмертного имени.

Новый император Ваньянь Юн (1161—1189) сумел остановить наступление южан, заключить мир с ними мир, подавить восстание киданей и других племен. Он получил хорошее образование в китайском духе, но прежде всего стремился возродить чжурчженьские традиции и создать самобытную культуру. Вступив на трон, он сразу же возобновил пышные охотничьи традиции чжурчженьской знати. В 1173 г. он ввел параллельную систему обучения и должностных экзаменов на чжурчженьском языке, для этого была создана придворная Академия и несколько школ в округах. На этот язык в массовом порядке переводилась китайская литература, создавались исторические произведения, отпечатанные экземпляры перевода краткого введения в учение Конфуция о семейном долге в обязательном порядке раздавались всем командирам императорской гвардии. Трудно сказать, чему больше способствовала такая политика — формированию культурной самобытности чжурчженей или же лучшему усвоению ими китайских ценностей? Кандидаты,

выдержавшие экзамен, чаще становились учителями чжурчженьских школ и переводчиками, чем занимали важные посты в управлении. Подорвать китайскую культурно-бюрократическую монополию не удалось.

В целом же в исторической традиции Северного Китая правление Ваньянь Юна (храмовое имя — Ши-цзун) запомнилось как время относительного покоя и процветания. Следующий император Ваньянь Цзин (храмовое имя — Чжан-цзун) (1189—1208) лишь формально поддерживал «чжурчженьский ренессанс», сам же женился на этнической китаянке, разрешив подобные браки чжурчженьям. В 1201 г. по его инициативе был издан свод законов — Тайхэ, во многом основанный на аналогичных кодексах империи Тан.

На рубеже XII—XIII вв. в империи Цзинь усилились кризисные явления. На севере начались войны с монгольскими племенами. Тяжелое состояние земледелия усугубилось природными катаклизмами — в 1194 г. река Хуанхэ вышла из берегов, затопив часть провинций Хэбэй и Шаньдун. В следующие годы на Северный Китай обрушилась засуха, за которой последовали нашествия саранчи. Как это часто бывало — несчастья воспринимались как знак Небес. Все это усиливало «партию войны» при дворе Южной Сун.

Южного императора Нин-цзуна (1194—1224) больше волновали вопросы экономики (в стране ускорилась инфляция бумажных денег) и философии (поступили доносы на придворного философа Чжу Си), чем войны и политики. В начале его правления незаметно, но неуклонно усиливалась группировка во главе с Хань Точжоу, ставившая своей целью отвоевать Северный Китай. Подготовка к реваншу велась постепенно — сперва при помощи усиления культа героя Юэ Фэя и публикации ряда исторических сочинений, повествующих о победоносных войнах с северными варварами. С 1205 г. Хань Точжоу, встав во главе военного ведомства, спровоцировал восстания на Севере, направленные против власти чжурчженей. Повстанцы скрытно получали помощь деньгами и оружием. Наконец, летом 1206 г. война была объявлена уже официальным манифестом, в котором империя Цзинь называлась утратившей «мандат Неба». Но южане

явно переоценили степень упадка империи Цзинь, которая оказала ожесточенное сопротивление и сумела перенести военные действия на территорию Южной Сун. В итоге императорские гвардейцы убили Хань Точжоу, и в 1208 г. с империей Цзинь был заключен новый мирный договор, увеличивавший размер выплачиваемой южанами дани. В знак примирения голова Хань Точжоу, покрытая лаком, была отправлена императору Цзинь в драгоценной шкатулке.

Но уже в 1216 г. Южная Сун начала новую войну, воспользовавшись борьбой, которую империя Цзинь вела с монголами. И вновь успех сопутствовал южанам лишь вначале, а в 1224 г. они вынуждены были заключить мир. И только в 1234 г. они дождались наконец падения власти чжурчженей. Напрасно те предупреждали своих южных соседей, что, справившись с Цзинь, монголы доберутся и до них. Союз с монголами казался Южной Сун более выгодным. После 10-месячной осады хану Угэдею удалось взять Кайфэн, и Айцзун, последний император Цзинь, покончил с собой. Однако Южная Сун, как некогда и ее предшественница, не смогла воспользоваться падением своего давнего врага. Вскоре на нее обрушились войска монгольской империи.

История не повторилась полностью. Южная Сун сопротивлялась сильнейшей в мире монгольской армии гораздо энергичнее, чем Старшая Сун воевала с чжурчженями. Сказывались боевой опыт, роль военного флота, уже достаточно сильно развитого огнестрельного оружия и, конечно, экономическая мощь империи. Но все же в 1279 г. династия Сун пала окончательно, уступив место монгольской империи Юань.

Наследие «неправильной империи»

Как уже отмечалось, в традиционной китайской историографии за эпохой Сун закрепилась репутация «неправильной империи». Но именно на этот период приходится пик научных и технических открытий, которыми гордятся современные китайцы. Все, что связано с навигацией и водным транспортом, значительно обогнало свое время — механические

шлюзы, колесные суда, океанские многомачтовые корабли, снабженные водонепроницаемыми переборками, сухие доки и многое другое, не говоря о сложных навигационных приборах. Мореплавание было двигателем не только картографии и географии, но и математических знаний. Математики, преподававшие в частных школах Южной Сун, производили вычисления на уровне европейской науки XVII в.

Для неоконфуцианской традиции этот период также оказался исключительно важным. Именно тогда творил Чжу Си (1130—1200), великий философ, завершивший синтез неоконфуцианства. Он обладал феноменальной популярностью уже при жизни. Занимая ряд должностей, в том числе придворных, из-за своей принципиальности (он не скрывал своей горячей приверженности идее войны за воссоединение Китая) он часто попадал в опалу. Философ был реабилитирован лишь в последний год жизни, зато посмертные почести ему воздавались регулярно, а в 1241 г. табличка с его именем была установлена в храме Конфуция. В китайской традиции его часто называют вторым по значимости философом после Конфуция. Чжу Си оформил канон конфуцианства: четыре главные книги, отредактированные и прокомментированные им, оставались основой классического образования до начала XX в. Философия Чжу Си соединила даосское учение о Беспредельном с конфуцианским пониманием Великого предела. Это открывало путь к познанию природы микро- и макрокосма, что было важно не столько для преобразования мира, сколько для укрепления гармонии в сердце и помыслах отдельного человека, его семьи, общества и всей Поднебесной.

К эпохе Сун относится и одна из самых любимых китайцами картин — «По реке в праздник Цинмин». Действие, запечатленное цветной тушью на длинном (528 см) и узком (25 см) шелковом свитке, разворачивается вдоль реки Бяньхэ, несущей свои воды из сельской местности к столичному Кайфэну, вплоть до самого императорского дворца. Подсчитано, что художник с величайшей точностью изобразил 814 человеческих фигур, 28 лодок, 94 животных и 170 деревьев, 13 повозок, 18 паланкинов и свыше 100 торговых павильонов.

Свиток начинается с сельских пейзажей, отмеченных признаками наступающей весны. Техника рассеянной перспективы создает впечатление, что лес на горизонте покрыт туманной дымкой, сквозь которую пробивается утреннее солнце, на деревьях только начали распускаться листья. По мере приближения повествования к городским предместьям и далее к центру города пространство начинает насыщаться изображениями людей и построек: воспроизводятся улицы деревень и пригородов, усадьбы богатых землевладельцев, городские стены с надвратной башней, театральные подмостки, таверны и лавки, кварталы, пересеченные улицами, улочками и переулками, каменные и деревянные мосты, перекинутые через реки и каналы. На улицах и мостах можно наблюдать массу жанровых сценок праздничного дня. Знатные горожанки под зонтиками, уважаемые люди в паланкинах, крестьяне с осликами, верблюды, шествующие по главной улице, покупатели, приценивающиеся к товару в лавках, бурлаки, тянущие по реке барки и плоты, — вся эта постепенно нарастающая теснота города внезапно обрывается. Возможно, оригинал свитка утратил свой завершающий фрагмент.

Существует множество вариантов свитка, его копий, реплик и подделок. Уже с XIII в. росла его популярность, а один из императоров династии Юань собственноручно украсил картину своими стихами. Китайские коллекционеры охотились за вариантами свитка, надеясь купить подлинник. Рассказывают, что богатый чиновник эпохи Мин, приобретя картину, пригласил опытного мастера, чтобы сделать для нее рамку. Но мастер указал хозяину на фрагмент, изображающий четырех простолудинов, увлеченно играющих в кости. Один из подкинутых кубиков еще не остановился, и игрок открыл рот, призывая, чтобы выпала шестерка. Однако по губам было видно, что он произносит это слово с акцентом южанина, а не жителя северной столицы. «Значит, этот свиток не мог быть оригиналом, выполненным в столице», — заключил мастер. Та копия XVIII в., которая считается наиболее полной, логично завершает образительное повествование. Городская толча прерывается стеной императорского дворца. За стеной — парк, в центре его широкий пруд, по

берегам которого цветет сакура и гуляют олени. К острову, украшенному павильоном, пристает роскошный корабль, встречаемый придворными. Павильон соединен мостиком с дворцом, вровень с которым на самом краю картины над водой возвышаются неизменные для китайского пейзажа горы, в данном случае в виде слоистых скал синего камня.

Панораму «По реке в праздник Цинмин» называют «китайской Моной Лизой» — и дело не только в громадной популярности этой картины, но и в ее загадках. Мало что известно о ее авторе. На считающемся самым аутентичным свитке музея Гугун в Пекине сохранилась запись, сделанная в 1186 г.: «Ханьлинский ученый Чжан Цзэдуань... был уроженцем Дунъю [Шаньдун]. В молодости он приехал в столицу для продолжения учебы. Позже он занялся живописью. Он был особенно талантлив в жанре цзехуа [изображение архитектуры], лодок, повозок, рынков и мостов, рвов и дорог. Он был столь же искусен и в иных живописных жанрах». Более поздняя традиция утверждала, что после падения Кайфэна Чжан Цзэдуань, как и многие художники, перебрался в новую столицу Ханчжоу и имел успех при дворе Южной Сун. Но часто его имя связывают с правлением императора-художника Хуэй-цзуна. Некоторые же относят его творчество к более раннему периоду, ведь на его свитке никак не отразилась техника живописи, насаждаемая «ветротекущим императором», да и связан он был со старой академией Ханьлин.

Известно, что китайские художники не рисовали с натуры, но создан ли свиток Чжан Цзэдуаня в результате его непосредственного наблюдения над жизнью столицы или он писал по воспоминаниям, уже перебравшись на Юг, ностальгически воспевая беззаботность ушедшей великой эпохи? Изображал ли он Кайфэн или же некий абстрактный город? Если копии и содержали утраченные фрагменты изначального свитка, то примечательно, что на картине нет знаменитой столичной «Железной пагоды», но есть примыкающие к дворцу скалы, которых нет в Кайфэне. Зато столичный Цзинминский пруд вполне узнаваем, судя по картинам других художников Старшей Сун.

Сегодня название картины обычно переводят как Цинмин — это день поминовения усопших предков, время наведения порядка на кладбищах. Но в свитке нет прямых отсылок к этой составляющей праздника. Вплоть до XII в. Цинмин, приходящейся на 104-й день после зимнего солнцестояния, понимался в первую очередь как «праздник чистого света», время пробуждения природы, начало интенсивного роста посевов. В этот день принято было «гулять по зелени», качаться на качелях, играть в мяч, поло и другие игры, устраивать борцовские поединки, носить веера из промасленной бумаги, которые служили затем оберегами, сажать деревья, собирать коконы шелкопряда — все эти сцены многократно разыгрываются на картине. Философы времени Сун осмыслили праздник Цинмин как время пробуждения, просветления, и очищения всего живого. «Праздник смены господства на Земле энергии Инь (женское начало, луна) на господство энергии Ян (мужское начало, солнце)». В китайском фольклоре считается, что в этот день мертвые, возвратившиеся в лоно матери-земли, оберегают семена новой жизни и могут обеспечить благополучие живущих. Недаром похороны называли в народе «возвращением в гору», а посещение могил предков — «поклонением горе».

Картины стиля шан-шуй («горы-воды») были прекрасно знакомы и автору, и его современникам: горы — символ мужского начала и постоянства, воды — женское начало, изменчивость. Камни излучают энергию ци (дыхание жизни), фигурки крестьян символизируют связь с землей. Идея гармонии вполне прозрачна. Если не в оригинальном свитке Чжан Цзэдуаня, то в его копии XVIII в. все это можно найти: чем ближе к дворцу, тем чаще в парках богатых усадеб встречаются глыбы синего камня сродни той поросшей соснами скале, которая нависла над дворцом. Но в это пространство врывается городская жизнь, многократно усложняя поиски гармонии. Картина становится менее «правильной», более противоречивой, и оттого — насыщенной, жизненной и привлекательной.

Как и вся история «неправильной» империи Сун.

А В ЭТО ВРЕМЯ...
ИМПЕРИИ, КОЧЕВНИКИ
И ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ
Х—НАЧАЛО XIII в.

Начало и конец этой эпохи в Японии отмечен двумя литературными шедеврами: «Записки у изголовья» и «Повесть о доме Тайра». В первом случае это — тонкие наблюдения в форме изящных «эссе» придворной дамы конца X в. Сэй-Сёнагон, а во втором — эпическое повествование о самурайской доблести и кровавой борьбе кланов Тайра и Минамото в конце XII в. Каждое из произведений — памятник своего времени. Сэй-Сёнагон жила в то время, когда начинал клониться к закату период Хэйан (794—1185), когда уже многое изменилось по сравнению со временами переворота Тайка. Прекратились должностные экзамены в конфуцианском духе, чиновниками назначались ставленники аристократических группировок. Государство уже не поддерживало систему крестьянских наделов, большая армия стала не нужна: Китай не представлял теперь военной угрозы. Но императорский двор оставался средоточием политической и культурной жизни, налоги стекались в столицу, императоры не давали возможности главам военных кланов и крупным военачальникам узурпировать свои права. Правда, все большую власть на местах захватывают владельцы вотчин — *сёэн*, добившиеся фискальных привилегий и распространявшие свою власть на крестьян. Они, а также правители округов полагались на свои силы, набирая отряды *буси* или самураев, профессиональных воинов. В воины шли члены младших ветвей аристократических родов (среди элиты была распространена полигамия, но наследство получали лишь дети от законных, старших жен). Конные отряды самураев помогали правителям областей и больших вотчин собирать налоги, подавлять бунты и воевать с соперниками, что приходилось делать все чаще по мере того, как центральная власть слабела. Самураи были связаны узами личной преданности своему хозяину.

Из борьбы между родами Фудзивара, Тайра и Минамото последний вышел победителем. Император вынужден был признать господство сегунов из этого рода. Начиналось вре-

мя самураев, ведущих междоусобные войны, что, впрочем, не помешало росту городов и торговли в связи с резким ослаблением центральной деспотической власти, а также подъему самобытной японской культуры. Япония могла себе позволить не быть сильной империей — слишком далеко от островов находилась Великая Степь, а империя Сун не была способна на завоевания.

А в Степи жизнь шла привычным чередом. Бежавшие от чжурчженей кидани основали в долинах Чу и Таласа свое государство. Оно просуществовало недолго (1140—1212), но подчинило себе всю Среднюю Азию, разгромив сельджуков султана Санджара. Взлет сельджуков был столь же стремителен, сколь и распад их султаната. Кочевавшие в низовьях Сыр-Дарьи западнотюркские племена оказались в Хорасане, на землях державы Газневидов, но вскоре восстали против нее. Их вождь Тогрул-бек из рода Сельджуков, взяв Нишапур, провозгласил себя султаном в 1038 г., захватил Хорезм, большую часть Ирана, Ирак, где после покорения Багдада в 1055 г. получил султанский титул от аббасидского халифа и наконец подчинил Закавказье. Разгромив византийскую армию, сельджуки заняли большую часть Малой Азии и Ближний Восток. На завоеванные земли выплескивались волны кочевников: туркмен, огузов, кыпчаков. Наголову разбив византийцев под Манцикертом и захватив Иерусалим в 1071 г., турки, объявившие «священную войну», грабили христианские церкви, убивали паломников, спровоцировав тем самым подготовку Крестового похода в Европе. Султанский визир перс Низам-аль-Мульк пытался упорядочить управление их землями, используя местные традиции, в том числе институт *икта* — пожалованное за службу право сбора налогов с определенных земель. Но центростремительные процессы вели к распаду султаната на Западный и Восточный (1119 г.), затем процесс дробления ускорился. В Малой Азии, на территории Ирана, на Ближнем Востоке образовались небольшие султанаты турок и иные их политические образования. Племена турок обосновались в Восточной Анатолии и на плоскогорьях Ирана, продолжая вести полукочевой образ жизни. С этих пор в регионе возобладала наметившаяся ранее традиция отдавать военную функцию в руки выходцев из кочевых

тюркских племен. Иногда это происходило в экзотической форме: тюркские юноши купались как воины-невольники, а затем захватывали власть и основывали династии, подобно гулямам в Делийском султанате или мамлюкам в Египте.

Кочевники могли выступать в роли ревнителей веры. В Северной Африке берберские племена, вдохновленные идеями шиитов, объявили своего правителя потомком Фатимы, дочери пророка. Воодушевленная религиозным рвением, конница кочевников в начале X в. разгромила тяжеловооруженных воинов-профессионалов арабской династии, правящей в Ифрикии (совр. Тунис). Затем была завоевана Ливия, и, наконец, плодородный Египет. Династия Фатимидов (909—1171), исповедовавшая антисуннитское течение в исламе — исмаилизм (крайний шиизм), именovala свою державу Халифатом, называя его единственно подлинным исламским государством. Фатимиды контролировали важные торговые пути, обзавелись мощным флотом. Оживление торговли, ускоренное начавшимся подъемом Запада, делало Египет богатейшей державой. Армия сначала состояла из бедуинов, затем из наемников и рабов-мамлюков. Когда в 1049 г. наместники Ифрикии попытались сбросить власть Фатимидов, на них были посланы берберские племена. Цветущая страна с развитым еще с античных времен земледелием и интенсивной городской жизнью превратилась в пустыню: население осталось лишь в узкой прибрежной полосе, и эмиры кочевников делили его между собой, взимая дань в свою пользу.

Тогда же в Западном Магрибе (Марокко) возникла община сторонников «чистого ислама», критиковавшая местные власти, отступившие от норм веры. Подвергшись гонениям, они удалились на юг, построили на краю пустыни укрепленные дома (рибаты) и строгостью нравов завоевали популярность среди берберских кочевников, получив название Альморавидов (*аль мурабитун* — живущие в рибатах). Их войско огнем и мечом прошло по Западному Магрибу, превращая цветущие области в пустыни, уничтожая города. Альморавиды вторглись в Аль-Андалус (Испанию), где задержали продвижение христианской Реконкисты. Но в 1121 г. в Марракеше появились еще более ригористичные проповедники, требующие неукоснительного соблюдения единобожия (*аль*

муваххидун) и потому получившие название Альмохадов. Это первые предшественники ваххабитов, объявили Альморавидов идолопоклонниками, отступившими от норм веры. Подвергшись гонениям, они удалились в Высокий Атлас, где нашли сторонников среди горцев. Войско Альмохадов в свою очередь огнем и мечом прошло по территории Марокко и Иффрикии и вторглось в Аль-Андалус, свергнув Альморавидов и создав новую империю, нетерпимую к иноверцам.²⁰

В причерноморских и приазовских степях после распада Хазарского каганата не сложилось новой кочевой империи, в эти земли с Востока отступали племена, теснимые новыми волнами кочевников. На рубеже IX—X вв. здесь прошли венгры, разбив под Киевом войско русов, их сменили племена печенегов, нападавших на земли Древнерусского государства до того, как они были разбиты в 1036 г. Ярославом и откочевали на Дунай. После печенегов пришли половцы-кыпчаки. От их набегов многие жители Поднепровья уходили на север, в междуречье Оки и Волги, но и русские князья совершали ответные походы на Дон, на половецкие вежи. Отношения Руси со Степью были далеки от однозначности. Часть кочевых племен служила русским князьям. Князья женились на знатных половецких князьях. В XII в. у многих князей в степи был родич по женской линии, готовый прийти на помощь во время междоусобиц на Руси. Впрочем, князья и без кровных уз часто наводили половцев на земли своих соперников. Объединения русских княжеств для борьбы со степью не происходило. В «Слове о полку Игореве» половцы представлены не столько извечными врагами, сколько орудием Божьего гнева, каравшего князя за гордыню. При этом отсутствие политического единства сопровождалось бурным расцветом древнерусской культуры во всех ее проявлениях.

Для Византии народы, грозившие с востока и севера, были настолько привычны, что в хрониках их продолжали именовать «скифами» и «агарянами». Однако византийская дипломатия прекрасно разбиралась в этнополитических тонкостях, умело используя болгар против венгров, русов против болгар, печенегов против русов, половцев против печенегов, крестоносцев-латинян против сельджуков. Империя также стремилась включать новые народы в сферу своего куль-

турного и церковного влияния, для чего Кирилл и Мефодий создали в свое время славянский алфавит. Но сельджуки — ревностные мусульмане — были противниками другого рода, и Византия потеряла все то, что ей ранее удалось отвоевать у арабов. Константинопольская столичная бюрократия не справлялась со своими задачами. К власти пришла династия Комнинов (1081—1185), выходцев из провинциальной военной знати. Им удалось выдержать осаду Константинополя сельджуками, отвоевать побережье Малой Азии, вытеснить печенегов с Дуная, отвести потенциальную угрозу со стороны крестоносцев. Остро нуждаясь в деньгах, Комнины предоставляли итальянским купцам права на беспошлинную торговлю в Византии. Императоры все больше опирались на владельцев военных держаний — проний. Так удавалось быстро собирать и средства, и войско, минуя столичную бюрократию. Но теперь свободное крестьянство стремительно сокращалось. Города приходили в упадок, не выдерживая соперничества с западными купцами, получавшими привилегии. Это вызывало восстания и погромы «безбородых латинян». Отказ от традиционной для империи стратегии неминуемо приближал ее крах в изменившихся условиях, когда угроза шла с Запада.

Византийцы-ромеи свысока смотрели на империю Карла Великого и его преемников, даже если иногда признавали их имперский статус. Ромеям удавалось отражать самых страшных врагов, а «империя латинян» не могла справиться с набегами норманнов, арабов, полабских славян, венгров. Даже если императоры собирали армии, на это уходило слишком много времени. Более эффективными были отряды местных правителей. Генрих Птицелов, герцог Саксонии, сумел создать конную армию, нанести ряд поражений венграм и начать наступление на полабских славян. В 919 г. он становится королем Восточно-Франкского королевства после того, как династия Каролингов здесь пресеклась. Его сын Оттон I нанес венграм решающее поражение в 955 г. В 962 г. он был провозглашен императором Священной Римской империи. Хотя он считал себя главой всего Запада, территория империи, кроме Германии, включала лишь часть Италии. Императоры короновались в Риме, и их войска служили залогом

лояльности папы, который разрешал императору поставлять нужных ему епископов. В отсутствие бюрократии они служили власти надежной опорой, в отличие от герцогов, норовивших округлить свои владения и отпасть от Империи.

В Западно-Франкском королевстве все пошло иначе. Король становился номинальной фигурой, хотя его титул и продолжал внушать уважение. Процесс, именуемый в учебниках «феодальной раздробленностью», достиг здесь максимальных масштабов. Но общество начало самоорганизовываться при минимальном участии верховной власти. Возвышается слой воинов-рыцарей, растут феодальные замки, отношения между сеньорами и вассалами скрепляются присягой на священных мощах и вассальной клятвой. На новые реалии откликается «клюнийская реформа» — движение, направленное на защиту церкви от вмешательства светской власти и ее представителей в виде епископов. Сперва оно затрагивает монастыри, но во второй половине XI в. подобные идеи докатились и до Рима. Император, обычно опиравшийся на епископские кафедры и привыкший к лояльности Рима, вдруг столкнулся с тем, что папа отказал ему в праве назначать епископов. Разразился конфликт, наиболее известный эпизодом в Каноссе (1077), когда император Генрих IV вынужден был каяться перед папой Григорием VII. С тех пор не раз папы выходили победителями из столкновения с монархами. Наследники святого Петра могли разрешать от присяги королевских вассалов, грозить правителю отлучением от церкви, и тогда он, чья власть покоилась на системе вассальных клятв, поддержке епископов и церковном помазании на царство, оказывался лишенным рычагов власти. Система двух уравновешивающих друг друга центров власти — духовной и светской — препятствовала образованию «настоящей» империи, которая объединила бы Запад.

После Тысячного года на Западе начинается демографический рост, который трудно не связать с распространением феодальных порядков. В экономическом значении под «феодализмом» понимают соединение крупного землевладения с крестьянским землепользованием, основанное на *внеэкономическом принуждении*. Вместо жалования воин, чиновник или служитель культа получал право взимать в свою поль-

зу часть земельной ренты с земли, на которой располагались крестьянские хозяйства. Феодализм в таком («широком») понимании можно обнаружить во многих местах Ойкумены. Но в большинстве регионов благосостояние землевладельца зависело в первую очередь от его отношений с правителем — императором, ханом, султаном. При дворе он мог получить новые земли, а мог лишиться старых, чаще всего — вместе с головой. На Западе же после тысячного года сеньор мало что мог получить от короля, его благосостояние определялось в основном тем, как сложатся его отношения с крестьянами. Повинности были фиксированными, и, чтобы увеличить доходы, сеньоры поощряли распашку новых земель, заботились о сохранении плодородия почвы и всячески поощряли торговлю, чтобы брать с нее пошлины. Запад с его речной сетью и обилием морских гаваней был идеально приспособлен для торговли. Экономический подъем оживлял города, особенно средиземноморские. Конечно, они были несопоставимы с многолюдными городами империи Сун, но им порой удавалось добиваться автономии, превращаясь в «коллективного сеньора», субъекта политической жизни. В городах создавалась благоприятная среда для интеллектуальной деятельности. С конца XI в. юристы при помощи римского права и опираясь на законы логики Аристотеля, начинают осмысливать различные стороны жизни в упорядоченных юридических категориях (каноническое право, феодальное право, торговое право, вотчинное право). Теологи же придают более систематизированный характер богословию.

При необходимости Запад мог консолидироваться ради Крестовых походов в Святую землю, за Эльбу, за Пиренеи. Об его экономической мощи свидетельствуют и внушительные постройки романского стиля, и устремленные ввысь готические соборы. Западу не надо было тратить силы на содержание могучей империи, он мог позволить себе роскошь политического партикуляризма, благодатного для культуры и экономики. Другим регионам, вступавшим в период раздробленности, приходилось за это расплачиваться чужеземным нашествием.

ГЛАВА 4

ДИНАСТИЯ ЮАНЬ СЕРЕДИНА XIII—СЕРЕДИНА XIV в.

Монгольское завоевание

Империя Цзинь в начале XIII в. готовилась к войне с Южной Сун. Но главная опасность для нее шла с севера. В 1206 г. главой Монгольской державы был провозглашен Чингис-хан. Требования империи Цзинь об уплате дани (формально монголы продолжали считаться ее вассалами) и оскорбительный отказ Чингис-хана привели к войне. Монгольское войско, значительно уступавшее противнику по численности, тем не менее успешно вторглось за Великую Стену и заняло Датун — Западную столицу империи, а также осадило Центральную столицу — Чжунду (Пекин). Войско Чингис-хана увеличивалось за счет перебежчиков. Монголы быстро обучались новым для них средствам ведения войны, незаменимым при осаде крепостей. В этом им помогали специалисты, посланные Южной Сун, но также пленники из империи Цзинь, а позже и мусульманские инженеры, прибывающие с запада.

Первые кампании принесли огромную добычу. Император Цзинь выплатил большую контрибуцию. В 1213 г. осада Чжунду была снята, но двор переехал в Кайфэн — Южную столицу. После этого набеги на Цзинь не прекращались, но основные силы монголов устремились на запад: с 1219 по 1227 г. они завоевывали Среднюю Азию и навсегда покон-

чили с государством тангутов. Во время осады тангутской столицы Чингис-хан умер. Правителем монгольской империи был провозглашен третий его сын Угэдей (1129—1241). Он отказался принять Цзиньского посла, прибывшего с просьбой о мире и с траурными подношениями: «Твой хозяин долго не покорялся, вынуждал прежнего, старого, государя вступать в сражения — могу ли я забыть это, и для чего эти траурные подношения?»

Монголы продолжили завоевание империи Цзинь, заручившись поддержкой Южной Сун. Города, оказывающие сопротивление, полностью уничтожались. Жизнь сохраняли лишь ремесленникам, которых угоняли на север на строительство дворцов Великого хана и знати. Год оборонялся Кайфэн, осада шла с применением обеими сторонами огнестрельного оружия в небывалых ранее масштабах — пушек, мин, ружей. В 1234 г. Кайфэн пал, последний император бежал в город Цайчжоу, но и он был взят монголами при помощи подкрепления, посланного Южной Сун. Император повесился и приказал сжечь свое тело, чтобы оно не досталось врагам.

По соглашению с монголами к империи Сун отходила уже занятая ими провинция Хэнань. Этого императору Ли-цзуну показалось мало, и его войска заняли Лоян. Узнав об этом, монголы уничтожили отряд, посланный к Лояну, а затем открыли плотины на Хуанхэ и утопили почти всю армию Сун, находящуюся в Хэнани. Южная Сун потеряла все приобретения от войны против империи Цзинь. А монголы начали готовить вторжение на Юг.

Монгольские войска значительно опустошили территории Южной Сун, но, столкнувшись с упорным сопротивлением, помешавшим им взять крупные города, перешли к тактике разрозненных набегов. В 1237 г. Империя Сун начала переговоры о мире, который был подписан в 1238 г. Согласно мирному договору, монголам ежегодно выплачивалась дань в размере, примерно равном тому, что получали чжурчженя — 200 тысяч слитков серебра и 200 тысяч кусков шелка.

На некоторое время угроза с Севера была отодвинута, тем более что в монгольской империи началась борьба за

власть между потомками Чингис-хана. Могла бы династия Сун откупаться от новых соседей, как некогда от империй Ляо и Цзинь? Ресурсов на это хватало — экономический подъем прибрежных городов Юга продолжался. Однако империя монголов качественно отличалась от государств киданей и чжурчженей, правители которых сразу же начинали подражать китайским императорам. Государство Чингис-хана возникло и разрослось так быстро, что кочевой уклад еще не успел сильно измениться. Яса Чингис-хана, состоящая из разрозненных его изречений, предписаний и запретов, долго еще заменяла писанный свод законов государства. Власть хана, обязанного своему возвышению не древности рода, а личным качествам и удаче, напрямую зависела от его щедрости и способности раздавать богатую добычу. Накопление сокровищ было затруднено, да и невыгодно. Чингис-хан, Угэдей и сын Угэдея Гуюк (1246—1248) не раз говорили, что верность воинов была гораздо важнее полной казны. Рассказывали, что однажды хан Гуюк, увидев, что казна забита горами трофеев и товаров, решил, что все это трудно перевозить при перекочевке, и приказал раздать все воинам и своему народу.

Войны были способом существования этой империи, но казна все равно часто оставалась пустой. И лишь постепенно приходило осознание того, что ее можно пополнять регулярно. Так, в 1230 г., когда монгольское войско вернулось из Средней Азии, выяснилось, что запасы зерна и шелка закончились. Приближенные Угэдея предложили немедленно расширить пастбища за счет территории Северного Китая, уничтожив там все население. Но представитель знатного киданьского рода, Елюй Чуцай, которого еще Чингис-хан ценил за верность и ученость, сумел доказать, что выгоднее не уничтожать китайцев, а собирать с них налоги, которых хватит на содержание большой армии. Уже осенью 1231 г. он сумел собрать обещанную сумму. По мере завоевания китайских территорий там устанавливалось гражданское управление. Для этого требовались чиновники, и с 1237 г. в Северном Китае по инициативе Елюй Чуцай были возрождены традиционные должностные экзамены. Кадровый голод был

столь силен, что к экзаменам стали допускать даже тех образованных китайцев, кто был захвачен в рабство, запретив хозяевам препятствовать этому. Казалось, на Севере Китая начал осуществляться привычный сценарий развития, когда варвары сами возрождают традиционную бюрократию и постепенно очаровываются китайской культурой. Но монгольская империя, помимо своего социального архаизма, отличалась еще и тем, что центр тяжести ее лежал пока далеко от китайских земель. Строительство столицы — Каракорума — в долине Орхона объяснялось желанием контролировать степные пути между Востоком и Западом. Для контроля над огромной и все увеличивающейся территорией была организована надежная ямская служба, созданием которой Угэдей гордился не меньше, чем военными победами. Благодаря открытости своей империи, монголы имели возможности обращаться к специалистам из иных земель, чуждых китайской цивилизации. Военные инженеры, врачи и сборщики налогов из мусульманских земель ценились ими не меньше, чем конфуцианские ученые.

Среднеазиатские купцы-откупщики сулили монголам немалые деньги, причем готовы были выплатить их сразу, а потом собирать налоги к выгоде для себя. В 1239 г. все налоги в Китае были отданы на откуп купцу Абд-ар-Рахману. После смерти Угэдея, в период регентства его вдовы, он стал ее главным советником, а Елюй Чуцай и его люди были оттеснены от власти. Земли Северного Китая раздавались монгольским аристократам в уделы, что еще более затрудняло воссоздание бюрократической системы управления по китайскому образцу.

Только после того, как ханом стал Мункэ (1251—1259), в управлении монгольской империей начал устанавливаться некий порядок, многие из ярлыков, выданных ранее монгольской знати и мусульманским купцам, были отменены. Все большую роль играла канцелярия Великого Хана, выпускавшиеся там указы сразу переводились многочисленными переводчиками на языки империи — китайский, уйгурский, персидский, тибетский, тангутский и другие. Хан Мункэ сумел организовать перепись населения на всех заво-

еванных территориях, включая Северный Китай, Среднюю Азию, Русь.

Но речь шла о ханской администрации, а не о возрождении китайской бюрократии. В ставке хана не существовало придворного церемониала, как это было принято не только в китайских империях, но и в варварских государствах, основанных на территории Поднебесной.

Придя к власти, Мункэ начал готовиться к завоеванию Южной Сун. С севера она была слишком хорошо укреплена — сказывалось вековое противостояние чжурчженям и уже имевшийся опыт столкновений с монголами, поэтому хан принял решение вторгнуться на территорию Срединной империи одновременно с разных сторон. В 1252 г. брат Великого хана Хубилай через провинцию Сычуань и области Тибета двинулся на завоевание бирмано-тайского государства Дали (Наньчао), расположенного на территории современной провинции Юньнань. В 1253 г. это государство пало. Наступила очередь Дайвьета, вьетского государства, располагавшегося на территории современного Северного и северной части Центрального Вьетнама. Однако Дайвьет решительно отказался пропустить монгольское войско через свою территорию для нападения с юга на Китай; прибывшие в столицу монгольские послы были арестованы и брошены в тюрьму. Понимая, что в лобовом противостоянии с противником они не смогут выдержать напор многочисленной монголо-китайской армии, вьеты применили хорошо отработанную тактику: после поражения в начале 1258 г. на приграничной реке Батхак они отвели армию на юг, принудительно эвакуировали большую часть населения (тех, кто отказывался, — убивали), сожгли все продовольствие и отравили колодцы. В результате монголы вошли в почти пустую столицу, обнаружив в тюрьме измученных жестоким обращением послов, один из которых впоследствии умер. Несмотря на запрет монгольского командования грабить и насиловать мирных жителей, разъяренные монгольские солдаты сожгли и разрушили вьетскую столицу. Испытывая голод и жажду, погибая от вызванных непривычным климатом эпидемий, терпя урон от атак партизан, монголы отступили в Юньнань, откуда в том

же 1258 г. вторглись в Китай с юго-запада по очень неудобной дороге, через провинцию Гуанси, поскольку через Дайвьет, с юга, они пройти так и не смогли. Хубилай на сей раз командовал армией, одновременно двинувшейся на Южную Сун с севера.

Но в 1259 г. Мункэ умер и Великим ханом стал Хубилай (1259—1294). Один его брат, Хулагу-хан, в то время завершивший разгром халифата Аббасидов, признал верховенство Хубилая. Однако самый младший из братьев — Аригбуга — с этим не согласился. Хубилай, не желая прерывать свой поход в Китай, вопреки предписаниям Ясы Чингис-хана, не стал созывать курултай с участием всех Чингизидов, тем более — не пытался немедленно отбить у Аригбуги Каракорум, но был провозглашен 5 мая 1260 г. Великим ханом своими приближенными в Шанду, где находилась его летняя резиденция. В ответ на это часть монгольской знати, собравшись в Каракоруме, провозгласила на курултае Чингизидов Великим ханом Аригбугу, который двинулся в поход против Хубилая, по-прежнему занятого осадой китайских крепостей. И только любимая жена Хубилай-хана Чаби через своих гонцов сумела убедить мужа в серьезности грозящей опасности. Он начал отвод войск, и летом 1260 г. все монголы покинули вновь захваченные территории. Под властью Хубилая остались Северный Китай, Тибет, Корея, Восточный Туркестан. Ему предстояло сражаться за Монголию. Опираясь на закаленное в боях войско и на ресурсы Северного Китая, Хубилай в 1264 г. разбил армию младшего брата, заставив его отказаться от титула Великого хана. В какой-то мере это было поражение «старомонгольской партии». Но отныне даже символическое единство монгольской державы ушло в прошлое. Независимости добились улусы Джучи и Чагатай. Хулагу-хан, признавая верховенства Хубилая, основал на территории Ирана и Ближнего Востока свое практически независимое государство. Мятежи монгольских аристократов еще долго бушевали на Северо-Востоке и Северо-Западе Китая.

Хубилай вполне сознательно переносил центр тяжести своей империи в Китай. Еще в 1260 г. он взял для своего го-

сударства имя Юань — «Предначальная», избрав одно из традиционных в Китае обозначений творческого начала мироздания, призванного подчеркнуть универсальный характер империи. Однако официальное провозглашение империи Юань произошло лишь в 1271 г., а в следующем году столица была перенесена из Каракорума в Ханбалык (по-китайски Дадун) — современный Пекин.

Осенью 1267 г. монголы возобновили широкомасштабные боевые действия против Южной Сун. Вскоре им удалось сломить сопротивление неприступных городов Цзянхэньской равнины, главным из которых был Сянъян, чья осада длилась свыше пяти лет. Решающую роль сыграли мусульманские мастера, присланные из Ирана Хулагу-ханом. Ими было сконструировано большое орудие, испытанное перед императорским дворцом в присутствии Хубилай-хана. Оно разрушило укрепления города Фаньчэна, и 31 января 1273 г. он был взят штурмом. Командующий сдался, его подчиненные сражались до конца, а их предводитель демонстративно бросился в огонь. После первого же залпа прекратил сопротивление в течение длительного времени оборонявшийся соседний Сянъян. «Вес снаряда достигал 150 цзиней (89,4 кг), при метании громовой звук сотрясал небо и землю. То место, куда попадал этот снаряд, без разрушения не оставалось... Страшное смятение наступило в городе, многие прыгали со стен и сдавались в плен. Город пал», — говорится в исторической хронике «Юань ши» («История династии Юань»). После этого войска Хубилая продвигались, не сталкиваясь с серьезным сопротивлением. Окончательно оно прекратилось в 1279 г. В отличие от своих предшественников, Хубилай-хан строгойше запрещал воинам уничтожать местное население в том случае, если оно прекращало сопротивление. Он не казнил пленных, щедро награждал перебежчиков. Многие конфуцианские чиновники видели в нем правителя, способного наконец восстановить единство и былое величие империи. Южнокитайские землевладельцы, недовольные попытками последнего правительства Сун отобрать в казну захваченные ими земли, также предпочли власть Хубилая, гарантировавшего им сохранение владельческих прав.

Империя Хубилая, владевшего коренными землями Внешней и Внутренней Монголии и столицей — Каракорумом, продолжала считаться главным улусом среди прочих земель Чингизидов. Однако сам Хубилай, по-видимому, расценивал себя в первую очередь как императора Поднебесной, наконец-то покончившего с вековым расколом Китайского государства.

Империя при Хубилай-хане

Хубилай вступил на трон уже вполне зрелым государственным мужем и военачальником. Будучи хорошо образованным, он ценил талантливых и ученых мужей. Науки он постигал под руководством ученого уйгура Мунгуза, уроженца Восточного Туркестана, чья мудрость в свое время была высоко оценена Чингис-ханом, доверившим ему воспитание младших внуков. Будущий император проявлял особый интерес к истории Китая, образцовым периодом считая эпоху Тан. Эта династия, тесно связанная со Степью и ведущая активную завоевательную политику, привлекала Хубилая отлаженностью работы чиновного механизма и четкостью законов об ответственности и наказаниях. Еще до восшествия на престол Хубилай приказал своим китайским советникам — конфуцианцам Яо Шу и Сюй Хэну — подготовку законов для управления Китаем. Эти законы неоднократно дополнялись новыми сборниками «кодифицированных правил» на протяжении всего правления Хубилай-хана. Китайских ученых Хубилай привлекал на свою службу охотно, но не доверял им полностью, предпочитая опираться на образованных «западных варваров» (сэму): уйгуров, киданей, кыпчаков, мусульман и прочих. Так, несколько десятков исследований по истории правления одного из императоров династии Тан подготовил для Хубилая Бурхуму, представитель тюркского народа канглы, получивший образование у китайского ученого-конфуцианца Сюй Хэна. Бурхуму представил хану доклад о необходимости внедрять китайскую систему образования. Уйгур Шибани, христианин-несторианец, играл важную роль в императорской придворной академии Ханьлинь. Импера-

тор питал особое уважение к мусульманским медикам, учредив для них «Императорские мусульманские госпитали» и «Императорскую академию медицины». О том, с каким интересом общался Хубилай с носителями западноевропейской культуры, мы знаем из сочинения Марко Поло.

Хубилай терпимо относился ко всем религиям, освобождая их служителей от налогов и выдавая ярлыки, гарантировавшие защиту их имущества. С самого детства на него оказывали особое влияние буддийские монахи, притом что сам хан предпочел ламаистскую, тибетскую форму этого вероучения. Тибетский монах Дрогог Чогьял Пагба (Пагба-лама) занимал при Юаньском дворе особое положение, ведя с императором беседы о буддизме. Когда они оставались наедине, Хубилай воздавал ему почести, как ученик учителю. Ламаисткой была и любимая жена Хубилая — Чаби. По просьбе императора Пагба-лама разработал в 1269 г. так называемое «квадратное письмо», приспособленное для передачи монгольского языка (монголы прежде пользовались уйгурским алфавитом) как официального языка империи. Ламаизм — религия тибетских скотоводов — импонировал монгольским правителям тем, что лучше классического буддизма был приспособлен к быту и мировоззрению кочевников. Обряды тибетских лам во многом походили на магию монгольских шаманов. Марко Поло излагает легенду о том, что Хубилай-хан отдал предпочтение буддизму, после того как тибетские ламы сумели заставить чашу с вином саму подняться к его губам, чего не смогли продемонстрировать христиане, к которым, впрочем, Хубилай продолжал испытывать интерес. Для буддистов Хубилай стал воплощением ботхисатвы Манджушри.²¹

Даосам не удалось потеснить буддийское влияние при дворе, хотя даосские монастыри пользовались императорским покровительством наравне с буддистскими. Характерной чертой развития и буддистского, и даосского вероучения XIII—XIV вв. становится появление многочисленных сект. Одни из них власти признавали или терпели, другие подвергали преследованию (например, общество «Белого лотоса»).

Иранский автор Рашид-ад-Дин свидетельствует о покровительстве Хубилай-хана исламу. Ананда, внук императора, получивший удел на Северо-Западе Китая, сам принял ислам и обратил в мусульманство не только местное население, но и 150 тыс. подчиненных ему монгольских воинов. Придворные советовали наказать Ананду за самоуправство, но Хубилай-хан по совету своей жены Чаби предоставил внуку свободу в выборе веры для своих владений.

В китайских династийных историях Хубилай предстает как император, проникнутый духом китайской конфуцианской традиции «умиротворения варваров», покровительствующий учению Конфуция и привлекающий его последователей для управления Китаем.

На деле же Хубилай любил устраивать диспуты между богословами разных религий, заставляя их дискутировать и доказывать истинность своей веры. Но, даже отдавая предпочтение ламаизму, Великий хан, как и другие монгольские воины, сохранял приверженность некоторым шаманским ритуалам.

Следует отметить особое влияние на императора его любимой жены Чаби и ее участие в обсуждении государственных дел. Подобная роль женщины не соответствовала конфуцианскому канону, но большое влияние монгольских женщин на судьбы империи Юань неоднократно отмечалось китайскими историками, не скрывавшими своего осуждения.

Можно ли охарактеризовать период Юань как время упадка китайской культуры? В некоторых жанрах действительно наблюдался застой. Так, например, менее развита, чем в другие эпохи, была поэзия. Традиционная система должностных экзаменов, требовавших среди прочего также и демонстрацию поэтического дара, восстанавливалась с большим трудом, несмотря на усилия, приложенные еще Елюй Чуцаем, и даже несмотря на открытие в 1287 г. «Академии сынов отечества», призванной готовить высших чиновников, знающих классические тексты. На важные государственные должности в империи Юань предпочитали назначать не столько по результатам экзаменов, сколько в зависимости от этнической принадлежности или по другим соображениям.

Большим почетом пользовались исторические жанры. В XIV в. императоры обеспечили не только написание трех полных циклов истории последних династий, но и перевод на китайский язык монгольских исторических сочинений. Художники, каллиграфы и архитекторы часто приглашались на государственную службу. Так, например, художник Чжао Мэнфу, служивший также в военном ведомстве, стал главой императорской академии Ханьлинь. Хубилай-хан рассылал чиновников в отдаленные провинции для поиска талантливых людей и привлечения их ко двору.

Важной особенностью «Юаньского стиля» в живописи был отход от строгих канонов сунского времени — в картинах художников появляются новые сюжеты (данью вкусам монгольских аристократов было виртуозное изображение лошадей), влияние художественной традиции чужеземных стран (например, персидской миниатюры). В городах достигает небывалого развития драматическое искусство, в том числе и кукольный театр. Причем на севере Китая формируется жанр «ученой пьесы», призванный не столько развлекать, сколько популяризировать философско-этические идеи конфуцианских интеллектуалов.

Большим влиянием пользовалась арабская медицина: мусульманские медицинские трактаты и фармакопеи переводились на китайский язык. В южных городах по-прежнему много внимания уделялось преподаванию математики и астрономии: пока продолжались морские плавания и крупные торговые операции купцов, существовал интерес к этим наукам. Развитие баллистики, а также постоянные, хотя и по большей части не слишком успешные, эксперименты юаньских властей с выпуском бумажных денег также поддерживали спрос на сложные математические вычисления.

В ходе длительных войн Хубилай-хану удалось разбить мятежных Чингизидов на Севере и Северо-Западе Китая и, помимо завоевания Южной Сун, организовать военные экспедиции в Дайвет, Чампу, Бирму, Японию и даже на Яву. Эти военные предприятия коренным образом отличались от прежних действий монгольской конницы, не знавшей се-

бе равных на открытой местности. Приходилось готовить десантные операции с участием многотоннажного флота, обеспечивать переброску и снабжение войск, сражаться в непривычном жарком и влажном климате в джунглях и в дельтах рек.

Попытки завоевания Вьетнама (Дайвьета), Чампы, Бирмы (Пагана), Японии, Явы, несмотря на временные успехи и победы монголов, стоившие им больших жертв, окончились неудачами армий империи Юань. Естественно, сильно пострадали и ее противники. Все, чего в лучшем для него случае смог добиться Хубилай, это признание формального ритуального вассалитета этих стран по отношению к Срединному государству, что никак не умаляло их суверенитета реального. Единственным государством, чей вассалитет по отношению к Юаням был реальным, являлась Корея (Корё), правительство которой признало господство монголов и использовало их силу в борьбе с местной оппозицией.

В то же время военная машина монгольской армии при Хубилае действовала эффективно. По свидетельству Марко Поло, когда Хубилай-хан решал собрать большую армию, это делалось настолько быстро и тайно, что никто о происходящем даже не догадывался. Хорошо было организовано снабжение армии, работа «инженерных войск», призванных строить осадные орудия, обеспечивать строительство дорог и переправ.

Законы империи Юань различали четыре категории подданных, в зависимости от их происхождения. Наибольшими привилегиями пользовались сами монголы и родственные им кочевые племена, за которыми было закреплено командование войсками и руководство практически всеми административными ведомствами. Следующими по престижу были выходцы из западных земель, называемые по-китайски *сэму*, или *сэмужэнь*, «люди разных рас», к каковым относились тюркские народы, хорезмийцы, бухарцы и прочие мусульмане, но порой сюда входили и христиане — несториане, армяне, католики, уроженцы русских княжеств. В третью группу — *хань жэнь* — входили жители бывшей империи Цзинь

и провинции Сычуань: китайцы северных провинций, китаизированные чжурчжени, бохайцы, кидани. Наконец, самую нижнюю ступень занимало все многочисленное население империи Сун — *нань жэнь* — китайцы-южане. Это деление было не столько этническим, сколько культурно-политическим. Так, например, те чжурчжени, которые не усвоили языка и обычаев Китая, относились не к третьей, а к первой группе.

Хубилай чувствовал себя более уверенно на китайской земле, чем в Монголии. Уделы монгольской знати не подлежали реформированию. Единственное, что удавалось Хубилаю, это назначать в каждый удел своего представителя — *даругачи* («давилыщика», обладавшего правом ставить отпечаток печати Великого хана). Большого сделать император не мог, да, вероятно, и не хотел. Несмотря на подавление мятежа Аригбуги, войны между монгольскими владельцами уделов продолжались еще многие десятилетия и в конечном итоге стали одной из причин ослабления и быстрой гибели империи Юань.

На территории современной Внутренней Монголии, подвластной непосредственно императору, была учреждена централизованная система управления. Центром стал город Шанду, куда на лето переезжал весь административный аппарат монголов, с трудом переносивших жару. Из Шанду расходились почтовые тракты во все уголки империи.

В Северном Китае, где Хубилаю удалось сломить сопротивление мятежной монгольской знати лишь в 80-е гг. XIII в., была наконец создана гражданская администрация, отсутствовавшая со времен падения империи Цзинь. На Юге же управление устанавливалось сразу по мере завоевания — в 70-е—80-е гг. XIII в.

Каковы бы ни были экономические и идеологические успехи империи Юань, ее власть продолжала основываться на военной силе, и император постоянно совершенствовал организацию армии. К военной службе привлекалось все монгольское мужское население с 15 лет. Изначально монгольские войска не получали содержания и обеспечивали себя за счет своего скотоводческого хозяйства и военной добы-

чи. Но Хубилай ввел регулярное денежное жалование, а также приписывал государственных крестьян к монгольским гарнизонам.

Хубилай-хан, как и некоторые прославленные императоры прежних династий, начал свое правление с земельной реформы, объявленной уже в 1261 г. Он учредил также ведомство развития сельского хозяйства, поставив во главе своего советника Яо Шу, о котором говорилось выше как о составителе законов в духе империи Тан. В штат этого ведомства вошли опытные агрономы, призванные помогать крестьянам практическими советами. Прежде всего, надо было возродить хозяйство Северного Китая, разоренное длительными войнами, в ходе которых сопротивлявшиеся жители уничтожались почти поголовно. Для этих областей были предусмотрены налоговые льготы. В городах строились новые зернохранилища, призванные на случай неурожая обеспечить не только горожан, но и крестьян. Император запретил монголам прогонять через возделанные поля скот и, что самое важное, запретил превращать их в пастбища.

В целом в период Юань соотношение казенных и частновладельческих земель изменилось в пользу последних. На Севере Китая большинство казенных земель и земли бежавших на юг или убитых китайских землевладельцев передавались во владение монгольской знати, чиновникам и монастырям, находившимся под императорским покровительством. На Юге еще в период Южной Сун росло число частных земель (*мин тянь*) за счет земель казенных (*гуан тянь*). Наряду с захватом казенных крестьянских наделов и скупкой их земли крупными землевладельцами — «поглотителями», практиковался переход крестьян под покровительство «богатых и знатных». В результате бывшие владельцы наделов превращались в арендаторов. Арендная плата, как правило, исчислялась из доли урожая, и ее неумеренный рост, обогащавший крупных частных землевладельцев, беспокоил государство, которое пыталось законодательно ограничить ее размеры. С другой стороны, власти предписывали землевладельцам отдавать казне не менее трети взимаемой ренты (помимо обычных поземельных налогов).

Однако южнокитайские землевладельцы, действуя привычными для них способами (подкупом чиновников, подлогом документов, сокрытием крестьян от контроля фиска), пытались занижить как число арендаторов, так и размер арендной платы. Лишь после смерти Хубилая монгольские власти начали проводить ревизии земельного фонда для выявления скрытых от казны хозяйств, находящихся «под покровительством». Но проверки довести до конца не удавалось, так как для этого нужен был более надежный штат чиновников. Несмотря на видимую военную мощь, бюрократический аппарат империи Юань был неэффективен. При Хубилай-хане со всего Китая в виде прямых налогов поступало в 4 раза меньше зерна, чем в империи Цзинь, хотя последняя как минимум в два раза уступала Юань по территории.

В Северном Китае в хозяйствах знати, военачальников и чиновников применялся подневольный труд *цзюйкоу* — военнопленных рабов и зависимых крестьян. Налоги за них назначались в половинном размере и уплачивались их хозяевами. Цзюйкоу приписывались и к государственным землям, которые могли также обрабатываться и государственными арендаторами. Такие государственные арендаторы приписывались также и к *чжи тянь* — служебным землям чиновников.

Широкое распространение в империи Юань получило храмовое землевладение, освобожденное от налогов. Буддийские и даосские монастыри получали земли в дар. Кроме того, подобно частным землевладельцам, они скупали и захватывали соседские поля. Их обширные угодья считались вечным владением и обрабатывались не только монахами, но и арендаторами, приписанными к монастырям или же перешедшими под их покровительство.

В целом же первые десятилетия правления династии Юань были благоприятны для земледелия. После монгольского завоевания, опустошившего ряд провинций, численность населения в Китае резко сократилась, и количество земли в расчете на единицу крестьянского хозяйства было относительно большим. Постепенно численность населения росла, и средний земельный надел в расчете на одну семью становился все меньше и меньше.

В появившемся в начале XIV в. агрономическом трактате говорилось о возникшем на Юге новом способе орошения полей: с помощью бамбуковых водопроводов и водяного колеса с ведрами-черпаками. Южане освоили и новую для них культуру — гаолян (разновидность сорго), прежде распространенную лишь в Сычуани и засушливых областях Великой китайской равнины.

Несмотря на то что многие города Южной Сун пострадали в ходе завоевания, они быстро восстановились, и Марко Поло был восхищен их многочисленностью и благоустроенностью. На Севере воображение путешественников поражала своим величием новая столица — Ханбалык (Пекин). Туда было свезено множество ремесленников, столь ценимых монголами. В покоренных странах квалифицированным мастерам сохранялась жизнь, они распределялись в качестве ценной добычи между казной и знатью. Велись тщательные реестры ремесленников. Так, реестр 1279 г. содержал имена свыше 400 тыс. мастеров. В казенных мастерских приписанные ремесленники получали сырье и необходимые для жизни припасы, сдавая всю продукцию. В частном городском ремесле, особенно распространенном на Юге, сохранялась традиционная для китайского города организация по *ханам* — административным объединениям ремесленников одной специальности. В Ханчжоу, по свидетельству того же Марко Поло, владельцы мастерских сами не принимали участия в производстве, но лишь организовывали труд привлеченных работников (их число колебалось от 10 до 40 человек). В конце XIII в. появляется принципиально новая прялка — с ножным приводом.

Новая династия продолжила политику империи Южная Сун в отношении торговли. За казной осталась монополия на торговлю солью, чаем, вином, уксусом, благородными металлами, хотя их реализация чаще всего отдавалась на откуп. На продажу прочих товаров был введен налог, равный тридцатой части стоимости. Действовала эффективная система таможен и торговых инспекторов. Император стремился установить порядок на всех торговых путях, возлагая на местные власти и население ответственность за безопасность проез-

жих купцов, в особенности — иноземных. Морскую торговлю власти стремились строго контролировать: с 1284 г. торговать разрешалось лишь императорским кораблям. Однако повторяющиеся морские запреты привели к тому, что резко выросла контрабанда, и государство потеряло доходы от экспортных пошлин. В результате в 1316 г. эти запреты были отменены.

При Хубилае и его преемниках на китайском населении лежали тяжелые обязанности: помимо арендной платы крестьянина землевладельцу (частично отбираемой у последнего в пользу казны), подворных и подушных налогов зерном, шелком и деньгами, податным необходимо было выполнять трудовые повинности, из которых особенно изнурительной была ямская служба. Число тех, кто уклонялся от уплаты налогов, росло, но тем сильнее был налоговый гнет для тех, кто продолжал платить. Кочевое и полукочевое население (тибетцы, тюрки, кидани, чжурчжени) платило налоги скотом. К доходам императора следует добавить богатую военную добычу, дань и контрибуции, получаемые в ходе военных походов.

Увеличивающиеся расходы казны значительно обгоняли рост доходной части бюджета. Это было вызвано огромными затратами на военные экспедиции, масштабными работами по благоустройству и снабжению новых столиц — Шанду и Ханбалыка («летней» и «зимней»), строительством новых транспортных каналов и дамб, щедрыми дарами послам из дальних стран, регулярно приезжавшим для выражения ритуальной покорности императору. Как Великий хан, Хубилай должен был проявлять великодушие и не скупиться на одаривание монгольской знати, покупать лояльность союзников в постоянных войнах, ведущихся в Великой Степи между наследниками Чингис-хана.

Практика передачи налогов на откуп мусульманским купцам — выходцам из Средней Азии и Ирана, распространенная при монгольских предшественниках Хубилая, им осуждалась и по возможности ограничивалась. Но когда регулярная фискальная система давала сбои, что бывало до-

вольно часто, вновь приходилось обращаться к откупщикам, и эта тенденция усиливалась в последние годы правления Хубилая и особенно при его преемниках.

Рост налогов дополнялся увеличением выпуска бумажных денег, которые стали важным платежным средством еще со времен Угэдея. Поначалу ассигнации обеспечивались драгоценными металлами, но со временем их печаталось все больше и больше: слишком велик был соблазн быстрого пополнения доходов. С 1270-х гг. правительство осуществляло все выплаты в ассигнациях и строго наказывало тех, кто отказывался принимать их как средство платежа. У приезжих купцов власти предписывали отбирать все драгоценные металлы на границе и выдавать им взамен бумажные деньги с обещанием вернуть неизрасходованный остаток средств в звонкой монете при выезде из страны. Специальные чиновники стремились ограничить оборот металлических монет на городских рынках. Но неумеренный выпуск ассигнаций вел к их обесцениванию. Так, к 1286 г. ежегодно выпускалось в 25 раз больше бумажных денег, чем в первые годы правления Хубилая, в то время как контролируемая его правительством территория увеличилась от силы в 2—3 раза.

В целом, несмотря на то, что некоторые районы империи так и не оправились от монгольского разгрома (так, например, области, прежде населенные тангутами, превратились в пустыню), к концу XIII в. на Юге продолжался хозяйственный и демографический подъем, правда, чреватый перенаселением. Ведение статистики времен Юань явно уступало другим периодам, поэтому показатели роста могут быть только косвенными, как, например, чрезмерное повышение арендной платы и цен на продовольствие в первой половине XIV в.

Наследники Хубилая

Несмотря на то что Хубилай видел идеал в упорядоченности чиновничьей службы эпохи Тан, его империя так и не стала по-настоящему бюрократическим государством. В отличие от предшествующих эпох, династия Юань, если исклю-

чить периоды организации военных экспедиций в соседние и заморские страны, не нуждалась в большой китайской армии — достаточно было монгольских гарнизонов, содержащихся за счет рабов и приписанных крестьян, а позже и за счет денежных выплат. Поэтому жизненной необходимости в том, чтобы сохранять слой свободных крестьян как резерв для пополнения армии, у властей не было. Конечно, власть стремилась организовать регулярное поступление поземельных налогов — для этого и пытались составлять кадастры и проводить ревизии захваченных земель, но это не имело особого успеха. Недостаток средств компенсировался денежной «эмиссией» и налогами на торговлю (отсюда удивляющее путешественников благоприятствование иноземным купцам). На местах каркас конфуцианской бюрократии функционировал и поддерживался по мере сил. Императоры династии Юань полагались и на своих монгольских контролеров — *даругачи*, и на императорских посланцев, набираемых из числа образованных *сэму*. Последние постоянно разъезжали по стране, наделенные императорскими пайцзами с подтверждением их чрезвычайных полномочий. Отсюда, кстати, и внимание правительства к благоустройству дорог и беспрецедентно тяжелая ямская повинность, выполнению которой монголы придавали первостепенное значение. Однако бюрократические меры по необходимости сочетались с использованием рыночных механизмов. Для предотвращения дороговизны продовольствия и голода в провинциях создавались «амбары выравнивания цен». До какого-то времени относительная слабость государственного контроля над экономикой и социальной сферой оборачивалась положительными результатами. Процветали города, повышалась урожайность, несмотря на запреты, велась морская торговля. Однако оборотной стороной этого были рост дороговизны, обесценивание бумажных денег. Предписания, ограничивавшие оборот металлических денег в пользу бумажных, приводили к тому, что в торговле население начало отдавать предпочтение прямому обмену товаров. Складывался «черный рынок» драгоценных металлов. В 40-х гг. XIV в. арабский путешественник Ибн-Баттута рассказывал, что, по-

сколько купцам запрещалось иметь серебряные или золотые деньги, они переплавляли контрабандные монеты в слитки и хранили их в стропилах над дверной притолокой. Злоупотребления монгольских правителей привели к тому, что последующие династии вовсе отказались от бумажных денег. Даже опора власти — монгольские гарнизоны — испытывали все большие трудности: ассигнации, выдаваемые в качестве фиксированного жалования, теряли свою стоимость, крестьяне, приписанные для содержания гарнизонов, разбегались, переходя под покровительство «богатых и сильных». В отсутствие реального противника коррумпированные военачальники пьянствовали, занимались вымогательством, а то и прямым разбоем. Нехватка средств и сбой в работе государственной машины мешали поддерживать в порядке каналы и дамбы.

В конце XIII—XIV в. юаньский Китай постепенно вступал в период политического и экономического кризиса. Преемники Хубилая, несмотря на отчаянные усилия конфуцианских ученых представить их в качестве совершенных «правителей Поднебесной», оставались в первую очередь монгольскими ханами. Их жены играли в политике роль, несовместимую с китайскими семейными и политическими обычаями. Каждый из императоров именовался «сыном Неба», но на деле оставался одним из Чингизидов и избирался на Курултае, что диктовало необходимость постоянной активной политики в Степи и подкупа сторонников. Даже отказавшись от экспансионистской политики Хубилая, его внук и преемник Тэмур (1294—1307) вынужден был вести войны с Чагатайским улусом, а последующие императоры, восходя на престол, в первую очередь стремились отблагодарить своих сторонников из числа монгольской знати, не считаясь с расходами. Племянник Тэмура император Хайсан (1307—1311) при вступлении на престол раздал знатным семьям сумму, равную трем четвертям годового дохода казны, продолжая и далее одаривать монастыри и знать. Войн он не вел, прославившись как щедрый покровитель буддистов и конфуцианцев, однако к концу его недолгого правления расходы в семь раз превышали доходы, бумажные деньги, которыми

правительство восполняло дефицит, полностью обесценились. Император Аюрбарибада (1312—1320) поначалу пытался действовать в традициях «образцовых» китайских императоров. При нем было начато составление земельного кадастра, у владельцев уделов отняли право самостоятельного сбора налогов — их стали собирать государственные чиновники. Но реформы вызвали недовольство и монгольской знати, и южных крупных землевладельцев. Последним удалось поднять как своих, так и соседних крестьян на вооруженные выступления против обмера земель. В итоге реформы были отложены. В те же годы наконец была восстановлена китайская система экзаменов для отбора претендентов на чиновничьи должности, однако монголы экзаменовались по более легкой программе, чем китайцы.

В донесениях с мест все чаще сообщалось о росте напряженности на Юге: богатые дома присваивали себе государственные наделы, собирая под своим покровительством тысячи крестьян. Сбор налогов падал, богатство крупных землевладельцев росло, численность малоземельных и безземельных крестьян достигла опасной черты. Арендная плата возросла настолько, что крестьянам порой приходилось продавать своих детей в рабство, чтобы получить право обрабатывать землю. Множилось число бродяг и разбойников.

На Китай надвигался голод. Он был вызван аграрным перенаселением самых плодородных районов. Кроме того, во второй четверти XIV в. на страну обрушились бедствия: эпидемии (та самая чума, которая дошла до Европы, получив название Черной смерти), нашествия саранчи и ливневые дожди, несущие наводнения. В этом видят признаки изменения климата, проявившиеся к этому времени и в Западной Европе. В то же время известно, что наводнения заливают каналы тогда, когда те не чистятся, прорывают плотины и дамбы тогда, когда те не чинятся, а все это происходит оттого, что власти теряют возможность регулярно собирать податных для выполнения трудовых повинностей. В результате гибнет урожай, запасы продовольствия пополняются плохо, «амбары выравнивания цен» не справляются со своей задачей и зерно не доставляется в голодающие провинции. В 1344 г. река

Хуанхэ разрушила давно не ремонтировавшиеся дамбы и изменила русло, затопив Шаньдунский полуостров и разрушив Великий канал — главную артерию снабжения столицы и северных районов. В глазах населения эта катастрофа была знаком утраты династией мандата Неба. Вспыхнули мятежи, активизировались тайные общества, и китайцы все чаще вспоминали древнее изречение: «У варваров не бывает удачи, которая длилась бы сто лет».

Последний император династии Юань Тогон-Тэмур (1333—1370) правил так же долго, как и Хубилай, но совсем не принимал участия в государственных делах. Большую часть времени он посвящал гарему, охоте и другим развлечениям, увлекаясь конструированием механических устройств в дворцовом саду.

Как это уже случалось в империях, основанных «варварами» (например, в тобгачской Северной Вэй и чжурчженьской Цзинь), в условиях кризиса часть придворных склонялась к «традиционалистской реакции», призывая вернуться к монгольским обычаям.

Монгол Байань занял пост цзайсяна, победив влиятельную тюркскую придворную группировку, опиравшуюся на гвардию, которая в значительной мере состояла из тюрок. Байань укрепил свою власть, сконцентрировал в руках 35 должностей. Он пытался запретить употребление китайского языка при дворе и изучение его монголами, закрыл придворную академию Ханьлинь, задавшись целью изгнать китайцев с государственной службы, возобновил запреты китайцам иметь оружие и лошадей, охотиться, выходить из дома в ночное время. Для устрашения он предлагал вырезать всех китайцев, носящих определенную фамилию (например Ли, Ван или Чжан), но реализовать это начинание не успел, пав в 1340 г. жертвой интриг группы заговорщиков, состоявших из тюрок, «сэму», монголов и китайцев из числа его же ближайшего окружения, которых возглавил племянник цзайсяна, монгол Токто. Заговорщиков поддержал повзрослевший император Тогон-Тэмур. Новый цзайсян Токто не только восстановил систему экзаменов и академию, но и руководил написанием истории трех последних империй (Ляо, Цзинь и

Сун). Он снизил поземельный налог, собирать который было все труднее, но увеличил косвенный сбор — налог на соль, как более «справедливый». С некоторым опозданием (вызванным его временной опалой) Токто с 1349 г. начал грандиозные работы по восстановлению Великого канала и плотин, прорванных наводнением 1344 г. Для этого он произвел новый выпуск бумажных денег, давший ему в руки средства для содержания миллиона рабочих и двадцатитысячной охраны. Китайские советники предупреждали его о последствиях «эмиссии», монголы же указывали на опасность концентрации такого количества китайцев. Но цзайсян настаивал: работы были остро необходимы для снабжения Севера. В результате продовольствие расхищалось чиновниками, работники длительное время голодали и в мае 1351 г. под руководством секты «Минцзяо» («Учение о свете») они подняли восстание.

Карательные экспедиции, которыми руководил Токто, были успешны, но тотчас по их завершении возникали новые очаги восстания, и правительственным войскам было все труднее их подавлять. В 1355 г. вследствие придворных интриг Токто был отстранен от власти. Это был последний успешный монгольский политик, отныне монгольская знать погрязла в междоусобицах, воюя друг с другом не менее ожесточенно, чем с повстанцами. Наконец, в 1368 г. повстанческая армия заняла Ханбалык, император бежал на Север, а в Китае утвердился новая династия. С монгольским владычеством было покончено на большей части китайской территории.

Историки, в том числе и советские, долгое время расценивали период Юань сугубо негативно, как время господства завоевателей, губительное для китайского народа и его культуры. Однако вождь повстанцев, будущий правитель Чжу Юаньчжан, заняв Ханбалык и провозгласив новую империю Мин, оценивал наследие Юань иначе. Об этом мы узнали из воззвания, составленного в 1368 г. сподвижниками Чжу Юаньчжана — придворными конфуцианскими учеными: «С тех пор как звезда счастья династии Сун закатилась, северные варвары-монголы пришли в Срединное государство

и все в пределах четырех морей подчинились им и стали их подданными. Это, конечно, было сделано не силой людей, а в действительности дано волею Неба. В тот период у монголов государь был проницательный и подданные были добропорядочные, но проницательные ученые еще тогда сетовали, что монголы все ставят вверх ногами... что же касается их потомков, то они погрязли в пороках и потеряли путь, по которому следуют государь и подданные... их чиновники жестоки и бесчеловечны, поэтому люди отделились от них в душе своей и возмутились; в Поднебесной начались восстания; это значит, что наступило время, когда Небо лишило монголов добродетели и бросило их».²²

Современные китайские историки отмечают, что при всех жестокостях завоевания в эпоху Юань была осуществлена интеграция этносов, культур и традиций, сопоставимая с аналогичными процессами, происходившими в эпохи Шестнадцати государств, а также Северных и Южных династий в IV—VI вв., причем происходило это порой путем насильственного переселения массы людей; кроме того, в XIII в. в Китае впервые было создано многонациональное государство, территория которого совпадала с границами современной КНР, а столица — Пекин (бывший Ханбалык) — сохранила свой статус до сегодняшнего дня.

А В ЭТО ВРЕМЯ...

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПО-МОНГОЛЬСКИ XIII—СЕРЕДИНА XIV в.

Историки иногда говорят о Чингис-хане как о первом «глобализаторе», поскольку большая часть жителей Ойкумены прямо или косвенно испытала на себе воздействие монгольской империи, раскинувшейся от Тихого Океана до Черного моря и Балтики. Воздействие это чаще всего было болезненным, но ведь за всякую глобализацию приходится платить высокую цену.

Армии Чингис-хана уничтожили государство Хорезмшахов, истребив население и разрушив древнейшие города Мавераннахра, навсегда превратили в пустыню многие области Афганистана, один за другим разоряли города северного Ирана, не щадя мечетей и медресе, прошли Закавказье. На реке Калке в 1223 г. они разгромили войско половецких ханов и русских князей, но, встретив сопротивление в Волжской Булгарии, повернули назад, уничтожив государство тангутов, на земле которых и умер Чингис-хан. На курултае 1235 г. было решено возобновить западный поход. Возглавил его внук Чингис-хана Бату (Батый русских летописей), поскольку еще его отцу Джучи был выделен улус, включавший в себя кыпчакские степи и западные земли вплоть до Великого моря (Атлантического океана). В 1236 г. «Батыева рать» разгромила Волжскую Булгарию, затем зимой 1237—1238 гг. — княжества Северо-Восточной Руси. В 1239 г. войска Бату разорили Черниговское княжество, год спустя был взят Киев. Преследуя половецкого хана Котяна, бежавшего в Венгрию, в январе 1241 г. монголы двинулись на запад, разбившись на несколько корпусов. Один отряд вторгся в Польшу. Трубач на колокольне Кракова, успевший дать сигнал тревоги, был убит монгольской стрелой. Он и сегодня считается символическим хранителем города, хотя Краков тогда был взят. Разгромив в битве при Лигнице 9 апреля 1241 г. польско-немецкое войско, этот отряд через Моравию прошел в Венгрию, на соединение с Бату, который к тому времени напрочь разбил венгерское войско

в битве при Шайо, впервые в Европе применив пороховые снаряды.

Лето монголы провели на Дунайской равнине, а в ноябре устремились в Хорватию и Далмацию, выйдя к Адриатическому морю. Но в марте 1242 г. внезапно повернули назад. Бату узнал о смерти Угэдея (11 декабря 1241 г.) и решил вернуться в Степь, да и не смог бы он сдержать своих военачальников — ханов, рвавшихся на курултай, где их боевые части были весомым аргументом в спорах о выборе наследника.

Многие сомневаются в этой версии, приводя иные причины: влажный климат, непривычный для монголов, обилие замков и крепостей, лежащих на пути, сопротивление, обескровившее завоевателей (на этом настаивают национальные историографии: венгерская, чешская, румынская, польская, российская, украинская...). Средневековым европейцам было ясно, что по их молитвам Бог прибрал Угэдэя, чтобы спасти свой избранный католический мир. Позже они редко вспоминали о вторжении, не оказавшем сильного влияния на их дальнейшую жизнь. И сегодня мало кто задумывается над тем, как бы она изменилась без этой случайности — смерти Великого хана.

Бату достался улус Джучи (Золотая Орда), Чагатаю — Средняя Азия и Восточный Туркестан, а Хулагу-хан отправился завоевывать Иран и Ближний Восток. После падения Багдада халиф предложил в обмен на свою жизнь отдать Хулагу спрятанные сокровища. Хан приказал халифу съесть их, а когда тот отказался, воскликнул: «Почему ты это копил, вместо того чтобы отдать своим воинам?» После этого по приказу Хулагу монгольские кони растоптали последнего арабского халифа. Титул Великого хана, монгольские земли и Каракорум достались Мункэ, а затем его брату Хубилаю, будущему китайскому императору. Улусы империи формально признавали старшинство Великого хана. В империи действовала единая ямская служба. Согласно китайским принципам управления, все население подверглось переписи — «бралось в число», как говорили на Руси; баскаки, снабженные ханскими печатями, организовывали сбор налогов. Улусы могли «подарить» друг другу несколько ты-

сяч ремесленников. Русские воины из улуса Джучи составляли ханскую гвардию под Каракорумом, Хулагу направил для войны в Китае осадные машины и обслуживающих их специалистов.

В 1274 г. Хубилай направил в Японию флот из Кореи, занявший острова Цусима и Ики. Его войска превосходили самураев, виртуозных в поединках, но бессильных перед монгольской конницей, осыпавшей противника градом стрел и пороховыми бомбами. Но тайфун счастливо для японцев разметал корабли монгольской эскадры. Хубилай не отказался от своих планов, снарядив через восемь лет во много раз больший флот, однако японское военное правительство — *бакуфу* — сумело подготовиться, построив маневренные суда, возведя 20-километровую каменную стену в местах, удобных для высадки десанта. Молитвы всех японцев, начиная с императора, были услышаны небесами. Священный ветер — *камикадзе* — вновь помешал планам Хубилая, а те отряды, которым удалось добраться до острова Кюсю, были уничтожены самураями. Оставшиеся военные корабли использовались островитянами для грабежа торговых судов и набегов на берега Кореи и Китая, заложив основу славы японских *вокоу* — пиратов и контрабандистов.

Экспедиции в страны Юго-Восточной Азии, неудачные для монголов, оказали большое влияние на регион. Громадные жертвы и опустошения, не сломившие сопротивления вьетов, чамов, кхмеров, народов Бирмы и Нунсантары, привели к тому, что в социальной структуре сопредельных с Юань стран усиливались позиции военной знати, победившей вместе со своими боевыми дружинами численно превосходящего противника. Завоевание монголами провинции Юньнань ускорило миграцию оттуда тайского населения на юг, в долины Меконга и Менама. Созданные тайцами княжества и государства сочетали собственные родовые традиции с заимствованием некоторых китайских принципов управления — сказывалось вековое соседство с Поднебесной. Успешное сопротивление монголо-китайскому флоту привело к созданию империи Маджапахит — основы современной Индонезии, правителям которой ради сплочения государства

удалось прекратить традиционную вражду индуистов с буддистами.

Опустошение монголами Ирана и Афганистана и образование державы Хулагу имело последствия и для Индии. Еще до монгольских завоеваний в северных районах Индии сменяли друг друга мусульманские султаны, окруженные ираноязычной и тюркоязычной элитой. Они расширяли территорию, воюя с индуистскими раджами, а затем их султанаты вступали в период раздробленности, становясь добычей новых завоевателей. Однако в XIII в. ситуация изменилась. Из Ирана и Афганистана в Индию хлынул поток мусульманских беженцев, а угроза с Севера заставила мусульманскую знать сплотиться вокруг пришедшей к власти в 1206 г. новой династии выходцев из гулямов (рабов-воинов) тюркского происхождения. Они были ревностными приверженцами ислама, но не стремились насаждать его насильно. Основанный ими Делийский султанат, опиравшийся на персидскую бюрократическую традицию (языком делопроизводства был фарси), оказался устойчивее предшественников. Султаны распространяли систему *икта*, предполагающую перераспределение налогов в пользу *иктадара*, военного или гражданского чиновника, и пытались помешать превращению икта в наследственные вотчины. Имея по индийским меркам вполне организованное войско, султаны не спешили идти на индуистские княжества. В ответ на упреки придворных султан Балбан (1265—1287) отвечал, что монголы, мечтающие о богатствах Индии, только и ждут его ухода из столицы, чтобы захватить Дели. Султанам удалось отразить ряд монгольских вторжений. Господство иноязычной военной элиты стало характерной чертой Серверной Индии, как, впрочем, большинства стран «старого Ислама».

Хулагу-хан подчинил Иран и Закавказье и даже взял неприступную крепость Аламут — твердыню исмаилитов. Однако он был остановлен на Ближнем Востоке египетским султаном.

Народ-войско (в котором монгольский элемент быстро растворился среди тюркоязычных кочевников) жил в лагерях близ крупных городов, не смешиваясь с местным населением.

ем. По китайскому образцу баскаки провели перепись, налоги отдавались на откуп, но попытка введения бумажных денег провалилась. Илханы осознали необходимость использования иранской бюрократии. Так, советником илханов, на рубеже XIII—XIV вв. принявших ислам, стал Рашид-ад-Дин — ученый и медик, автор наиболее полной истории монголов.²³ По заветам Низам-аль-Мулька, пытавшегося в свое время упорядочить управление Сельджукским султанатом, он призывал упорядочить раздачу *икта*, отказаться от откупов в пользу регулярного налогообложения. Кочевая знать была крайне недовольна этим. В результате интриг Рашид-ад-Дин был казнен в 1318 г., а держава илханов ускорила движение в сторону распада.

Египетские султаны сумели остановить монголов, а еще раньше им удалось разбить крестоносцев и занять Иерусалим (1187). При основателе новой династии, Салах-ад-Дине, Египет стал суннитским султанатом, формально признавая верховенство халифа в Багдаде. Но после убийства халифа Хулагу-ханом Египет оказался во главе исламского мира, к тому же контролируя Хиджаз со святынями — Мединой и Меккой. Пришедшая к власти в середине XIII в. мамлюкская династия продолжила взлет Египта. Мамлюки — профессиональные воины, равных которым в регионе не было, — комплектовались из рабов тюркского происхождения. Их командующим — эмирам — выдавались *икта*, строго соответствовавшие размерам их отряда. Велись земельные кадастры, налоговая система на первых порах была упорядоченной. Казна Египта пополнялась не только за счет налогов, но и за счет пошлин от все расширявшейся торговли между Востоком и Западом через Красное море или ближневосточные порты.

Крестовые походы направлялись теперь прямо в Египет, поскольку султан владел Святой землей. Здесь попал в плен король Франции Людовик IX, с которым обращались весьма любезно. Египетские султаны, сами в прошлом воины, рыцарски относились к противнику. Еще Салах-ад-Дин и Ричард Львиное Сердце обменивались любезностями (что, разумеется, не мешало им рубить головы пленным иноверцам), а султан Эль-Камиль подружился с императором Фридри-

хом II, которому даже передал Иерусалим (1229 г.), гарантируя десятилетнее перемирие.

Римский папа объявил это недостойной сделкой, и враждебность между папой и императором лишь углубилась. Италия стала ареной вооруженной борьбы между сторонниками императора (*гибеллинами*) и сторонниками папы (*гвельфами*). Несмотря на череду военных побед Фридриха II, опиравшегося не на Германию, а на свое богатое королевство на Юге Италии, стратегически он проиграл. Королевство у его наследников отняли. Это был еще один триумф папства, завершающий цепь его успехов. При косвенном участии папы Иннокентия III крестоносцы взяли штурмом Константинополь (1204) и на руинах Византии создали Латинскую империю, впрочем, недолговечную. Военно-рыцарские ордена были более удачливы в своем продвижении в Прибалтике и на Пиренеях, где победа христианского войска над Альмохадами в 1212 г. при Лас-Навас-де-Толоса означала перелом в ходе Реконкисты. Иннокентий III вмешивался в дела государей, добился признания английским королем вассальной зависимости от престола Святого Петра. Папский легат способствовал тому, чтобы бароны, рыцари и города вынудили Иоанна Безземельного подписать Великую Хартию Вольностей, ограничивавшую его произвол. Но к концу века папству пришлось отказаться от притязаний на монопольную власть: короли стали опираться не на вассальные связи, а на представительные собрания подданных, штат юристов и наемные армии. Угрозы отлучения и интердикта перестали действовать.

В целом же для Запада XIII в. был весьма благоприятен. Продолжался бурный демографический рост, в городах усилились величественные готические соборы, открывались университеты, в которых теология и право обретали законченную форму. Купцы осваивали торговые маршруты через Великую Степь. Марко Поло, составивший столь замечательное описание империи Хубилая, был лишь одним из многих европейцев, посещавших ставку ханов. С середины века генуэзцы и венецианцы закрепляются в Крыму и в устье Дона, торгуя с золотоордынскими ханами. Итальянские банковские

компании к началу XIV в. раскидывают свои сети по всей Европе.

Но за апогеем обычно следует кризис. Считают, что Запад перешагнул порог демографического оптимума и все пригодные земли были распаханы. Другие отмечают, что в начале XIV в. климат начал меняться: «гнилая зима» сменялась дождливым летом, один за другим шли неурожайные годы. Третьи указывают на то, что старые формы сеньориальной эксплуатации не поспевали за динамикой денежной экономики: цены росли, а сеньориальные ренты обесценивались. Для некоторых рыцарей и аристократов выход был в войнах, приносивших добычу и денежное вознаграждение за службу. Начинаются затяжные войны, а в периоды мира в королевствах вспыхивает борьба между феодальными кликами. Для войны короли берут займы у банковских домов, но, чтобы их возвращать с процентами, повышают налоги. Вскоре начнутся крупные восстания в городах и сельской местности, грозившие всей социальной иерархии, чего ранее не бывало. Отказы сперва английского, а затем и французского королей возвращать долги вызывают серию банкротств в Италии.

Все это казалось крушением привычного мира, но самое страшное было впереди. Чума, вспыхнувшая, по-видимому, в Гималаях, поразила Южный Китай в 1331 г., позже — центральные и северные районы империи Юань. Оттуда перекинулась в Великую Степь, по караванным путям добравшись до Золотой Орды. В 1347 г. войска золотоордынского хана Джанибека осадили генуэзскую Кафу в Крыму. Чума заставила снять осаду. Но перед этим татары при помощи катапульты стали забрасывать в город трупы. Болезнь распространилась в Кафе, откуда корабли генуэзцев занесли ее в Италию. Пандемия хозяйничала в Европе на протяжении трех следующих лет, а затем неоднократно возвращалась. Считается, что в некоторых районах погибло свыше трети населения. Особенно пострадали места скопления людей — города и монастыри.

Так и Запад в свою очередь заплатил цену за глобализацию, точнее за окончание ее очередного этапа, после которого жизнь Ойкумены значительно изменилась.

**ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ИМПЕРИЯ МИН
С СЕРЕДИНЫ XIV ДО КОНЦА XV в.**

**Рождение империи Мин.
«Разлив воинственности»**

Во второй половине XIV в. в Китае к власти пришла династия Мин (1368—1644), свергнувшая монгольских правителей империи Юань.

Империя Юань так и не изжила своей двойственности. Своды китайского права действовали параллельно с Ясой Чингис-хана, которая называлась главным законом. Император считался «сыном неба», но его избирали на курултае из прочих Чингизидов. Каракорум оставался священной столицей империи, но властители предпочитали жить в Ханбалыке и в Шанду. Судьбы империи Юань все дальше расходились с траекторией развития других монгольских улусов (Джучи, Хулагу, Чагатай), где в первой трети XIV в. утверждается ислам.

Бедствия, обрушившиеся на страну (эпидемии, наводнения, голод), воспринимались как знак утраты властями «мандата Неба». Вспыхивали мятежи, активизировались тайные общества.

Весной 1351 г. разразилось восстание, поднятое буддийской сектой «Белый лотос» в долине Хуанхэ. Разнеслась весть о скором приходе «Князя света» (Мин-вана). Через несколько месяцев восстание полыхало уже и в центральном

Китае. Повстанцы, носившие красные повязки и именовавшиеся «Красными войсками», не только громили монгольские войска и юаньских чиновников, но и истребляли всех землевладельцев, оказывавших им сопротивление, грабили население городов и деревень, но, главное, воевали друг с другом — претендентов на роль «Князя света» оказалось слишком много. Землевладельцы пытались создать собственные отряды самообороны («Синие войска»). Монгольские военачальники шли на союз с некоторыми командирами как «Синих», так и «Красных войск», но при этом враждовали друг с другом.

В воцарившемся хаосе успешнее других оказался Чжу Юаньчжан. Происходя из бедной крестьянской семьи, он поступил в буддийский монастырь, где освоил начала грамоты, затем примкнул к одному из отрядов восставших, постепенно завоевывая все больший авторитет. Помимо воинских качеств он обладал административным талантом и острым политическим чутьем. В 1356 г. его отряд занял один из крупнейших городов на реке Янцзы — Цзицин. К этому моменту основные сражения разворачивались севернее. Цзайсян Токто нанес повстанцам серьезные поражения в долине Хуанхэ, опираясь на помощь «синих». Он готовился перенести военные действия на юг, но в 1355 г. сам пал жертвой дворцовых интриг. Это дало Чжу Юаньчжану время, чтобы хорошо укрепиться на своей территории. Создавая основы управленческого аппарата, он сумел привлечь чиновников, гарантируя неприкосновенность имущества всем переходящим на его сторону, установив строгую дисциплину, пресекая грабежи и снабжая армию за счет налогов и собственных «подсобных хозяйств».

Некоторое время Чжу Юаньчжан заявлял, что подчиняется вождям «красных повязок», сражавшимся в долине Хуанхэ, но помощи им не оказывал. Наконец, сочтя, что повстанцы и силы Юань обескровили друг друга, а вожди ослаблены взаимной враждой, он устранил соперников одного за другим и в 1368 г. провозгласил новую империю, переименовав Цзицин в Нанкин («Южная столица»). Для династии он выбрал название «Мин» («светлая»), показав, что царство Света

уже наступило и те, кто претендует на роль «Мин-вана», — самозванцы. Император проявлял беспощадность к членам тайных обществ, объявляя их колдунами и смутьянами.

Для своего правления император Чжу Юаньчжан (храмовое имя — Тай-цзу) избрал девиз «Хунь» («Разлив воинственности»). В отличие от прежних династий, императоры династии Мин, взяв определенный девиз своего правления, уже не меняли название «своей эры» до самой смерти. Поэтому, начиная с императоров династии Мин, историки часто именуют их не по храмовому имени и не по имени, данному при рождении, а по девизу, обозначающему эру его правления.

В выпущенном манифесте Чжу Юаньчжан заявлял, что пришел установить порядок и вернуть погрязшие древние обычаи. Он предложил монголам перейти под его власть: «Мои законы строги, и не бывает нарушителей их; те, которые перейдут на нашу сторону, вечно будут спокойно жить в Срединном цветке, а те, которые повернутся к нам спиной, сами себя изгонят в Монголию». Уже к концу 1368 г. армия Хунь овладела северной столицей и разрушила ее, а то, что осталось от бывшей столицы, было переименовано в Бэйпин («умиротворенный север»). Тогон-Тэмур бежал в Степь, но многие монголы перешли под власть новой империи. Позже войскам Мин удалось захватить и разорить номинальную столицу общемонгольской империи Каракорум. В 1383 г. пала провинция Юньнань, где долго сопротивлялся монгольский гарнизон, отрезанный от всякой помощи, в 1387 г. был покорен полуостров Ляодун и населявшие его монголы-уряхайцы перешли на службу империи Мин.

Новому императору предстояло успокоить страну, обезопасить ее от угрозы из Степи, восстановить хозяйство и заселить опустевшие районы, но главным делом было создание прочного государства, основанного на справедливости и законе. Он выступал сторонником конфуцианского мировоззрения, согласно которому богатство, армия, крепости, боевые джонки и пушки важны, но не достаточны для процветания государства. Новый император разделял мнение, согласно которому варвары не вторгались в пределы Под-

небесной, если в государстве почиталась добродетель. Чжу Юаньчжана чрезвычайно интересовали исторические сочинения. Вчитываясь в хроники, император особо интересовался плохими правителями, стараясь понять, какие ошибки приводят к гибели империй. Он строил государство чрезвычайными мерами и жестокими методами, но, с его точки зрения, эта жестокость находилась в русле нормальной китайской историко-политической традиции начала династийного царствования. Империи надлежало вернуться к образцам Хань и Тан, но при этом избежать негативных изменений, которые привели их к гибели.

Многочисленные наизидания, составлявшие императором Хунь, дают представление о порядках, к которым он стремился. Опора империи виделась в облике крестьянина — пахаря, воина и налогоплательщика. Рабство и прочие виды зависимости резко ограничивались. Крестьянское землевладение вновь становилось господствующим, а позиции средних и крупных землевладельцев несколько ослабли — сказались результаты крестьянской войны, конфискации, принудительное переселение на Север. В то же время в 1368 г. верховная власть признала права «сильных домов», т. е. крупных землевладельцев, на захваченные во время восстания земли, хотя в дальнейшем препятствовала незаконным методам расширения китайских «латифундий». Кроме покупки, важным способом увеличения частного землевладения было освоение целинных и заброшенных земель, чему власти всячески способствовали.

Семьи крестьян объединялись в связанные круговой порукой «пятидесятидворки» и «стодворки», старосты отвечали за сбор налогов и за поддержание порядка. Согласно предписаниям эры Хунь, крестьяне должны были выходить в поле по сигналу общественного барабана, староста должен стоять у деревенских ворот со списком и отмечать лодырей, уклонявшихся от работы. Надлежало выделять мальчишек-поводырей для стариков и увечных, чтобы те ходили по деревне с колокольчиком в руках и призывали молодежь жить праведно, трудиться, почитать старших и чтить законы.

Никто не имел права оставаться праздным в Поднебесной. С этой целью регулярно обследовались монастыри, а выявленные в результате экзаменов лжемонахи направлялись на работы (в этом император продолжал традиции некоторых своих предшественников эпохи Тан и даже политику Елюй Чуцая). Отработочные повинности обязывался исправно нести весь тягловый люд. Однако эти повинности не должны были слишком обременять хозяйства. Налоги, в основном натуральные, надо было платить регулярно, но размер этих налогов не превышал разумных рамок. Однако богатые области Юго-Востока, в особенности те, в которых во время войны поддерживали не того претендента, подвергались более тяжелому обложению, дабы богатства не скапливались в одном месте, но распределялись равномерно.

Притом что китайское общество XIV—XV вв. было жестко иерархичным и стратифицированным, власти в качестве идеала проповедовали равенство внутри каждой группы и социальную стабильность. Никто не мог самовольно уходить из общины далее, чем на 12 км. Заставы на дорогах не давали возможности передвигаться без документов. Эти меры были направлены против заговорщиков из тайных обществ, дезертиров, разбойников, нищих, но также против купцов. При этом наиболее жестоким карам подвергались те, кто пытался самостоятельно вести внешнюю торговлю. Всякий, осмеливавшийся оснастить джонку более чем двумя мачтами, подлежал казни. Торговцам, как людям, заботящимся не о морали, а о выгоде, не доверяли, в отличие от крестьян, они не именовались «добрым народом» (*лян минь*), им не разрешалось носить шелковую одежду.

Семьи самых богатых купцов переселяли в окрестности Нанкина, где должны были ежемесячно предоставлять полную опись имущества, чтобы пресечь возможность получения несанкционированных доходов. В официальной идеологии продолжала действовать установка «земледелие — ствол (основное), торговля и ремесло — ветви (побочное)», направленная против «чрезмерной» частной инициативы в «побочных» занятиях. В городах восстанавливалось казенное

ремесло, основанное на отработках. Утверждался строгий контроль над рынками, число которых ограничивалось. Император отказывался от конвертируемости ассигнаций, лично определяя их курс.

За счет конфискаций фонд государственных земель был увеличен до 1/7 размера всех обрабатываемых площадей. Из него выделялись «должностные земли» чиновников (они чаще всего не получали их во владение, но имели право присваивать себе собираемый с них налог). Однако в 1392 г. все «должностные земли» чиновников и часть держаний титулованной знати были у них отняты и заменены централизованно выплачиваемым жалованьем. Из государственного фонда выделялись также земли для военных поселений.

Закон предписывал местным чиновникам стремиться к тому, чтобы величина надела соответствовала размеру крестьянской семьи. И все же, когда уже после смерти императора в 1399 г. придворный историк-конфуцианец Фан Сяожу предложил ввести систему «колодезных полей» (*цзин-тянь*) — идиллический образец землепользования, якобы существовавший в глубокой древности (расположенные по периметру квадрата восемь пользователей личных полей должны были совместно обрабатывать расположенное в центре квадрата общинное поле), его не поддержали. Этот традиционалистский политический деятель пошел значительно дальше замыслов Чжу Юаньчжана. Первый минский император никогда не собирался объявлять все земли государственными и восстанавливать надельную земельную систему. Но из нововведений сунских «реформаторов-традиционалистов» он в полной мере сохранил круговую поруку общин (*баоцзя*).

Система созданных Чжу Юаньчжаном военных поселений (*тунь тянь*) лишь внешне походила на военные округа (*фу бин*) династий Суй и Тан. Если в прежние времена практически вся армия (от 400 до 800 тыс. солдат при Танах) в мирное время занималась земледелием, а во время походов сама обеспечивала себя продовольствием, то теперь военные поселения поставляли лишь часть воинов (иногда, впрочем,

довольно существенную — до трех четвертей местных гарнизонов). Остальная доля солдат набиралась с «военных дворов» (крестьянских семей, считавшихся военнообязанными и имевших за это налоговые льготы) и даже из преступников. Армия содержалась за счет налогов из государственных фондов, от «прикрепленных» сельских административных единиц, с купцов, получавших за это торговые монополии.

Не пресекая возможности сделок с землей, правительство настаивало на строжайшей их регистрации. Земля постоянно пересчитывалась и вносилась в реестр. В дополнение к данным переписей, зафиксированных в «Желтом реестре», для всей империи был составлен подробный земельный кадастр с чертежами полей (так называемый «Реестр рыбьей чешуи»). Старосты должны были ежегодно сообщать об изменениях в землепользовании.

К концу эры Хунъю население Поднебесной доходило до 57—60 млн человек, впрочем, это было меньше, чем в начале XIV в. — сказались природные и политические катаклизмы.

Масштабы деятельности императора поражали грандиозностью: за годы его правления было создано около 49 тыс. ирригационных сооружений, подняты заброшенные и целинные земли, посажены миллионы деревьев, началось возрождение северных провинций. Это было сделано силами многомиллионного китайского крестьянства. Особую роль играли чиновники, эффективность работы которых при Чжу Юаньчжане была максимальной за весь период правления Мин. Методами, сравнимыми с тем, как поступал Чингис-хан с нерадивыми воинами, император создал режим жесткой ответственности чиновничества за весь комплекс проводимых им в стране мероприятий, сам лично контролируя широкий круг высших сановников. По сравнению с периодами правления прежних династий должностные лица были поставлены в приниженное положение. Им приходилось лавировать, выполняя суровые требования императора, вступая в конфликты с родовой аристократией и интересами влиятельных лиц, преодолевая инерцию сложившейся системы, а иногда действуя вопреки требованиям экономики.

Император проявлял постоянное недовольство тем, как чиновники справляются со своими обязанностями, обвинял их в саботаже, коррупции, заговорах, обрушивал на их головы репрессии. К концу его правления чиновники, отправляясь во дворец, на всякий случай прощались с семьями навсегда. Но именно чиновники были главными строителями государства Мин, возводившегося в соответствии с конфуцианскими ценностями, обязательными для всего народа. В официальной исторической традиции авторитет эры Хунью непрекращаем. Несмотря на жесточайшие наказания вплоть до смертной казни в случае халатного исполнения должностных обязанностей, карьера чиновника была вожделенной для простолудинов, и император, поддерживая это стремление, желал по возможности расчистить дорогу талантам из народа. Укрепляя систему чиновной иерархии и предписывая ношение определенной одежды и знаков отличия в зависимости от ранга и ученой степени, он следил за тем, чтобы система экзаменов отбирала достойных и, с его точки зрения, полезных кандидатов.

Император-самоучка, вышедший из народных низов, понимал несовершенство существующего порядка экзаменационных конкурсов, призванных отбирать начетчиков и интеллектуалов, оторванных от реальной жизни. Это часто вызывало гнев императора, но выхода из сложившейся ситуации он не находил. В 1377 г. он решил вообще отменить экзамены, подсчитав, что большинство носителей высшей степени «цзиньши» оказались негодными чиновниками. Возобновив экзамены в 1384 г., он пришел в ярость, узнав, что все победители оказались уроженцами Юга. Император казнил главного экзаменатора, хотя его вина состояла лишь в том, что он был объективен — культурный уровень южан из состоятельных семей был выше. В тот год степень дали только северянам, а затем была установлена квота, гарантирующая им не менее трети мест на высших должностях. Предпочитая преданных исполнителей утонченным эрудитам, побеждавшим на экзаменационных конкурсах, император создавал систему государственных училищ, лучшие выпускники которых могли назначаться на должности без экзаменов.

Пока же новых кадров не хватало, император призывал на службу чиновников старой династии. Тех, кто отказывался, ждали пытки и угроза уничтожения всей семьи. Иногда казнь заменялась каторжными работами. Нужда в специалистах была так велика, что опальных чиновников порой доставляли на службу в колодках. Император стремился искоренить коррупцию, поощряя крестьян доносить на чиновников, а чиновников — на своих начальников. Призыв верховной власти к доносителству нашел питательную среду в соперничестве военных и гражданских чиновников, в борьбе кланов, всеобщей зависти и частой некомпетентности должностных лиц. Осужденных ждали изощренные пытки, с виновного порой могли содрать кожу, сделав из нее чучело, и поместить в кабинете в назидание преемнику.

В 1380 г. был казнен Ху Вэйюн, когда-то бывший адъютантом Чжу Юаньчжана, ставший его цзайсяном. Его объявили японским и монгольским агентом, казнив вместе с ним около десяти тысяч человек. После этого император упразднил саму должность цзайсяна, как и сам подчиненный ему Дворцовый секретариат, не желая впредь ни с кем делить всю полноту власти. Несмотря на свою работоспособность, столкнувшись с огромным потоком документов, император сразу же перестал с этим справляться. Тогда быстро был создан штат секретарей-референтов (*дасюэши*), который впоследствии стал высшим административным органом.

В 1382 г. подверглась реформированию Палата цензоров, чиновникам которой предписывалось служить «ушами и глазами» императора, а также создана специальная служба, напрямую подчинявшаяся императору: «парчовые халаты» — тайная полиция, призванная разоблачать заговоры. Ее жертвами становились высшие чиновники, военачальники и их многочисленные «сообщники». Подозрительность императора усиливалась пропорционально стремлению к полной централизации и унификации управления.

Император внимательно читал древние классические книги, пытался вникнуть в философию даосов, утверждая, что главное у них не алхимия и мистика, но учение о госу-

дарстве. Он дал своим детям хорошее образование, которого не успел получить сам, любил приближать ко двору философов и поэтов, немногие из которых, впрочем, умерли своей смертью. Император часто говорил, что он «всего лишь простолудин с правого берега Хуанхэ». Но остальным не позволял намекать на его прошлое.

В рутинных поздравлениях и благодарственных письмах он мог усмотреть крамолу. Встречая иероглиф «гуан» («сверкающий»), император иногда видел намек на то, что был в прошлом монахом и его бритый череп сверкал на солнце, а иероглиф «цзэ» («правило») читал как «цзэй» («бандит»). Тогда незадачливых авторов ждала казнь. Наконец, уступая просьбам, император повелел в 1396 г. ректору академии Ханьлинь отобрать образцы подобных текстов и распространить по всем учреждениям, чтобы впредь при поздравлениях и благодарностях все следовало этим канонам. Только после этого ученые стали считать себя в относительной безопасности. Целый ряд иероглифов был запрещен. За соблюдением запретов наблюдала своеобразная «литературная инквизиция». По ее доносам с 1384 по 1396 г. было казнено и отправлено в ссылку много неугодных литераторов.

Несмотря на недовольство императора системой экзаменационных конкурсов, он в итоге смирился с этим механизмом отбора кадров, подкрепленным деятельностью придворной академии и провинциальных императорских училищ. Авторитет неоконфуцианцев и в особенности Чжу Си, ставший непререкаемым еще в эпоху Юань, теперь получил статус официальной догмы. Придворное искусство и литература ориентировались на строгое следование канону. Но пульс творческой жизни бился не здесь.

Эпоха Мин обогатила сокровищницу китайской культуры знаменитыми романами. Эта литература писалась не на официальном ученом языке *вэньянь*, а на разговорном *байхуа*. В силу неофициального характера этой литературы мы мало знаем об условиях возникновения этих романов и об их авторах. Печатные варианты текстов появятся много позже, первоначально они ходили во множестве списков и пересказывались рассказчиками-*шошудами*.

Ло Гуаньчжун, автор романа «Троецарствие», живший в самом начале эпохи Мин, читал исторические хроники, рассказывающие о событиях рубежа II и III вв., хорошо знал историю Китая и сформулировал суть понятия династийного цикла в первой фразе своего романа: «Великие силы Поднебесной после длительного разобщения неизменно воссоединяются, а после длительного воссоединения вновь разобщаются». Он руководствовался не только историческими текстами, но и легендами и пьесами, в которых древние персонажи уже давно вели свою собственную жизнь, отличную от официальной истории. Поэтому герои «Троецарствия» так походили на участников бурных событий второй половины XIV в., а в образе Лю Бэя, получившего власть благодаря смелости и мудрости и строящего идеальное государство, усматривают сходство с Чжу Юаньчжаном.

Авторство романа «Речные заводи» приписывается некоему Ши Найаню, другу Ло Гуаньчжуна. Действие в нем разворачивается во время восстания Сун Цзяна (1120—1121). В официальных хрониках упоминания о данном эпизоде скудны, но события эти обросли легендами, положенными в основу эпоса. Восставшие выступали против несправедливостей эпохи Сун, осуждаемой в эру Хуньу. Несмотря на то что автор пытался следовать конфуцианской интерпретации истории этой династии, в императорском Китае его роман читать не рекомендовали, а то и вовсе запрещали. Главные герои, 108 «благородных» разбойников, показаны жертвами несправедливости и защитниками угнетенных, в то время как чиновники и аристократы представлены в самом неприглядном виде. Подвиги героев постоянно чередуются с жанровыми сценами рыночных перебранок, проделок воришек, пирушек в придорожных трактирах. При этом каждый герой имеет свою собственную историю, наделен индивидуальностью; в Китае их имена стали нарицательными.

Оба романа наполнены сценами индивидуальных поединков, по-видимому, особенно популярных у читателей и слушателей. Из этих фрагментов уже в XV в. разовьется характерный жанр повестей в стиле «уся», своего рода «боевиков», воспевающих воинские искусства. Любопытно, что литера-

турные жанры, на время избавленные от жесткого контроля конфуцианских эстетических канонов, начали порождать произведения, отчасти напоминающие западные рыцарские романы с их апологией доблести, индивидуальной чести, щедрости, готовности защищать справедливость. Первые романы эпохи Мин снискали известность далеко за пределами Китая. От Кореи до Камбоджи говорили, что человек, не читавший «Троецарствия», не достоин внимания.

Культурная жизнь «эры Хунъю» отличалась от того, что предписывал строгий император. Точно так же, вопреки запретам, была налажена некоторая хозяйственная активность — контрабандисты выходили в море, корабейники с товаром обходили заставы по горным тропам, несмотря на страх репрессий, чиновники договаривались с «сильными домами», давая для реестров не вполне точные данные, крестьяне уходили на заработки, на рынке все больше обесценивались государственные ассигнации...

Историки спорят относительно того, сколько же людей было казнено в эру Хунъю, — одни приводят данные, превышающие 100 тыс. человек, другие говорят лишь о десятках тысяч. В своем трактате «Великое предостережение» император писал, что его жестокие меры — это предписания особого периода, «когда нужно было положить предел мошенничеству, а не законы, применяемые в течение долгого времени монархами, уже упрочившими власть. Впредь наследные правители, которые будут управлять Поднебесной, должны придерживаться только “Кодекса законов” и не должны применять такие наказания, как клеймение, отрезание ног, носа, осклопление». Как и во многих странах, какое-то время находившихся под властью монгольской империи, некоторые черты ее политической культуры наследовались новыми правителями. Вопреки установкам на реставрацию ценностей империи Хань и Тан, традиции Чингизидов проявлялись и в дикой жестокости наказаний, распространяемых на весь род осужденного, и в обычае убивать наложниц, чтобы они сопровождали императора в загробный мир, и в практике дробления империи на уделы, раздаваемые наследникам.

Эпоха «преодоления трудностей» и эра Юнлэ

Устранив всех своих реальных и мнимых потенциальных соперников из числа военной и чиновной элиты, император не доверял никому, кроме «родной крови» (у него было 24 сына и 16 дочерей). Пережив первенца, император передавал трон его сыну, своему внуку, полагая, что все его сыновья, получившие в удел стратегически важные укрепленные районы, должны будут безоговорочно подчиняться племяннику. Советникам, указывающим на опасности такого решения и ссылавшимся на печальные прецеденты из недавнего прошлого, грозило наказание.

Но как только в 1398 г. на трон вступил 16-летний император Чжу Юньвэнь, удельные князья сразу проявили строптивость. Когда центральное правительство попыталось ограничить их власть, от имени оскорбленных князей выступил Чжу Ди, правитель северного удела Янь (с центром в Пекине). Обладая закаленной в боях пограничной армией и призывав на помощь союзные монгольские племена, он выступил против «дурных советников молодого императора». В китайских хрониках кровопролитная война 1399—1402 гг. туманно называется войной «Цзиннань» («Преодолением трудностей»). В итоге северяне, несмотря на то что против них интенсивно применялась артиллерия, взяли Нанкин.

Императора Чжу Юньвэня не нашли. По одной версии, он погиб во время пожара императорского дворца, по другой — укрылся в буддийском монастыре, став простым монахом, и якобы был опознан через сорок лет старым придворным евнухом. Более вероятно, что он сгорел или был убит по приказу Чжу Ди. Но последний не хотел войти в историю как убийца законного правителя и в манифесте о вступлении на престол объявил, что император «заперся во дворце и сжег себя». Сокрушаясь о судьбе своего исчезнувшего племянника, якобы подпавшего под дурное влияние, Чжу Ди согласился занять трон. Сразу же началось уничтожение придворных и членов семьи бывшего императора. Казни подвергались целые кланы, включая детей. Так, например, был казнен не только ученый Фан Сяожу, отказавшийся написать привет-

ствие Чжу Ди, но и вся его семья до десятого колена (включая и его учеников). История сообщает, что ученый успел нацертать своей кровью иероглиф «узурпатор».

Став императором, Чжу Ди (1403—1424, храмовое имя — Чэн-цзу), взял девиз «Юнлэ» — «Вечная радость». Он установил общие нормы взаимоотношений с владельцами уделов, гарантируя им всем безопасность и требуя взамен лишь уважения и отказа от сепаратистских устремлений. С самими владельцами уделов обошлись мягко. Ушли в прошлое и казни ученых конфуцианцев, которые были теперь заняты составлением грандиозного свода «Энциклопедии эры Юнлэ».

В 1403 г. Чжу Ди начал готовить возрождение северной столицы. Процесс ее воссоздания занял свыше пятнадцати лет. Поначалу было объявлено о переименовании Бэйпина («Умиротворенный Север») в Бэйцзин («Северную столицу»). Сюда прежде всего было переведено столичное воинское командование, большая армия (64 гарнизона) и создана новая система учреждений. Появлялись все новые конфуцианские училища, численность которых вскоре сравнялась со столичными в Нанкине. В 1406 г. вопрос о перенесении столицы на север был практически решен, и в 1409 г. Чжу Ди посетил Бэйцзин, в котором оставался полтора года. Еще раз он приехал в северную столицу в 1413 г., а с 1417 г. окончательно туда переселился.

Но только 28 октября 1420 г., после сообщения Дворцового управления о скором завершении строительства нового дворцового комплекса и вызова на север наследного принца и его старшего сына, последовало личное распоряжение Чжу Ди о том, что с 2 февраля (нового года по китайскому календарю) основной столицей следует считать Бэйцзин (Пекин). Такое решение было вызвано не только тем, что здесь находился родовой удел Чжу Ди. Важно было подчеркнуть преемственность нового «центра мира» по отношению к предыдущим воинственным империям, ведь столицей государств Ляо, Цзинь и Юань служил именно этот город. Его трудно было снабжать и оборонять, здесь был суровый климат, но, разворачивая страну лицом к Степи, император укреплял

безопасность северных границ от монгольской угрозы. Нанкин в статусе «Южной столицы» еще долго оставался самым богатым и населенным городом, однако политико-административный центр империи неуклонно сдвигался на Север: бюрократия плохо чувствовала себя на торгово-предпринимательском Юге и прекрасно акклиматизировалась в полуварварском Бэйцзине, привыкшем к чжурчженьско-монгольской политической культуре приказа—исполнения. В результате к концу XV в. все высшие должности сосредоточились в руках северян.

На многие десятилетия Пекин превратился в громадную стройку, где сотни тысяч рабочих возводили великолепный Запретный город. Для снабжения зерном растущего населения столицы и северных районов требовалось срочно восстановить Великий канал. Колоссальные по своей трудоемкости работы заняли всего четыре года (1411—1415 гг.). Сложная система дамб и шлюзов растянулась на полторы тысячи километров.

В отличие от эры Хунью, правление в эру Юнлэ было отмечено активной внешней политикой на всех направлениях: велся интенсивный обмен послами с Японией и островами Рюкю, император снаряжал экспедиции на Амур, его дипломаты обследовали Тибет, проникали в Бенгалию и другие части Индии. Однако даже в этот период активности Китая редко удавалось подчинить новые территории, чаще устанавливались вассальные связи (с Кореей, с монгольскими и маньчжурскими племенами), еще чаще — производился символический обмен дарами.

В сфере международных отношений Мины, как и предшествующие династии, придерживались концепции универсальной власти китайского императора, который считался правителем всего мира. Все остальные страны трактовались китайской властью в качестве подданных и вассалов Сына Неба. В минском Китае, как и в другие эпохи, отсутствовало специальное ведомство, занимавшееся взаимоотношениями с иностранными государствами. Все внешние связи проходили через министерство ритуалов, поскольку дары, подносимые иноземными послами (и даже товары, привезенные ими

на продажу), воспринимались как ритуальная дань и изъявление покорности. Демонстрируя центральную и решающую роль Срединной империи в мироустройстве, проявляя щедрость и великодушие, защищая справедливость, император готов был оказать помощь соседним странам.

Когда в 1407 г. из Тибета прибыл пятый «кармапа» (глава линии Карма Кагью, крупнейшего направления школы Кагью, одной из четырех школ тибетского буддизма) Дешин Шегпа, император, узнав, что не все соотечественники признают учение этого святого человека, решил ввести в Тибет войска, чтобы установить там порядок. Гость вежливо отказался, удостоив императора титула дхарма-раджа (Царь учения). По преданию, Чжу Ди настолько проникся учением линии Карма Кагью, что стал одним из пяти важнейших учеников Дешин Шегпы.

Через семь лет после прихода к власти во Вьетнаме новой династии, в 1407 г., Чжу Ди объявил ее узурпаторской и направил на юг 200-тысячную армию. Свергнув «узурпатора», китайцы начали уничтожать национальную вьетнамскую культуру, силой навязывая свой язык и традиции народу, который за полтысячи лет до того находился под их господством. Вьетнамцы начали освободительную войну, длившуюся десять лет, вплоть до 1427 г., когда они вновь обрели независимость. Лучше обстояли дела в других землях Юга: китайцы успешно «осваивали» провинции Юньнань и Гуйчжоу, оставляя местные народы под управлением их национальных вождей (*ту сы*).

Самым впечатляющим начинанием эры Юнлэ стала организация семи морских экспедиций в «Западный океан». В 1405 г. из устья Янцзы вышел «Золотой флот» под командованием евнухов — мусульман Чжэн Хэ и его помощника Ван Цзинхуна, состоявший из 317 кораблей, везущих 26 800 солдат, офицеров, медиков, астрологов и дипломатов.

«Корабли-сокровищницы» — *баочуани* — представляли собой огромные многомачтовые и многопалубные суда; по сообщению более поздних источников, их размер составлял около 126 м в длину и 51 м в ширину (таким образом, они являлись самыми большими деревянными кораблями в ми-

ре). Обычно в состав экспедиций Чжэн Хэ входило примерно 50—60 баочуаней. Их отличало наличие водонепроницаемых переборок в трюмах на случай течи. На кораблях было до десяти мачт, располагавшихся на палубе не по прямой линии. Паруса, состоящие из бамбуковых пластин, были достаточно просты в управлении. Громадный кормовой руль приводился в движение за счет сложной системы рычагов и блоков.

Кроме того, в огромной флотилии имелись корабли для лошадей и продовольствия, разные типы военных судов (для перевозки солдат, боевые и патрульные) и корабли с водой, каждый из которых мог везти запас воды на месяц. Флот вез с собой и снаряжение, необходимое для возможного ремонта в пути. На кораблях, предназначенных для перевозки людей, могло уместиться от 500 до 1000 человек. При этом их осадка была не очень глубокой, что позволяло свободно заходить в устья рек, но мешало плаванью по бурному морю. Корабли в основном были рассчитаны на традиционные для региона «сезонные» плавания (парусные суда отправлялись в путь, используя устойчивые муссоны и пассаты). Время от времени «Золотой флот» делился на несколько частей, которые, посетив по отдельности относительно близкие друг от друга районы, затем вновь соединялись.

Всего было проведено семь экспедиций, на некоторое время превративших Индийский океан в «Китайское озеро». Многомачтовые и многопалубные корабли-баочуани шли уже привычной дорогой, опираясь на достижения китайского кораблестроения и навигации двух предшествующих династий.

Масштаб экспедиций был беспрецедентным. Некоторые утверждают, что китайцы думали об альтернативе Великому шелковому пути, пришедшему в упадок. Путешественники старательно собирали сведения о торговых маршрутах, ценах и рынках, сами продавая и покупая некоторые товары.

Но никакая коммерция не могла окупить расходы «Золотого флота». Слоновая кость, рабы, благовония, пряности, экзотические животные, в том числе жирафы, отождествляемые со зверем *цилин* (единорогом), который, согласно китайской мифологии, мог появиться только в эпоху идеального

правления, — все это впечатляло современников, но не могло рассматриваться в качестве достойной цели. Экономическое объяснение путешествий «Золотого флота» не более правдоподобно, чем версия китайской династической истории о том, что корабли снаряжались императором на поиски его пропавшего племянника.

«Золотой флот» плыл для того, чтобы, демонстрируя мощь Поднебесной, помочь «варварам» изъявить императору подобающую покорность. Так подтверждалась мировая гармония, а заодно и укреплялась легитимность новой династии, а император выполнял свой долг, не только подражая, но и превосходя Хубилай-хана. Поставленные цели достигались не столько силой, сколько постепенным распространением законов и ценностей Срединной империи. Встреча многочисленных китайских колонистов (*хуацяо*), вежливо именуемых в официальных документах «потерпевшими кораблекрушение» (иначе их пришлось бы признать преступниками, самовольно покинувшими страну), Чжэн Хэ принимался упорядочивать их жизнь, не только способствуя появлению новых поселений, но и карая нарушителей закона. Он сверг одного из малаккских султанов, незаконно захватившего власть. В Палембанге на Суматре он перебил 5 тысяч пиратов и доставил их вожда, уроженца Гуанчжоу, в Нанкин, где тот был обезглавлен.

В 1411 г. Чжэн Хэ разгромил на Цейлоне царя Алакешвару, который держался вызывающе и отказался подарить императору драгоценную реликвию — зуб Будды, обрести которую намеревался еще Хубилай, а также волос Будды и чашу для подаяний — важнейшие атрибуты сингальских правителей. Строптивный царь был привезен в Китай, где советники предлагали императору казнить смутьяна, но правитель смилостивился над невежественными людьми, не знавшими, что такое Небесный мандат, и отпустил их, приказав Палате Ритуалов выбрать в царской семье достойного человека, чтобы управлять этой страной; и таковой нашелся. Чжэн Хэ возвел на трон нового правителя Паракрамабаху VI (1412—1467), согласившегося платить дань империи Мин. Несмотря на подобные инциденты, экспедиции доставляли

посольства десятков правителей, и всем им, равно как и тем, кто прибывал в Китай сухим путем, император обещал покровительство. Посольства возвращались, увозя с собой богатые дары, священные реликвии, произведения искусства и книги, призванные распространять знание китайских законов по всей Ойкумене.

Активная внешняя политика императора в эпоху Юнлэ встречала оппозицию среди традиционалистского чиновничества, не видевшего смысла дорогостоящих экспедиций и щедрых даров иностранным посольствам. Действительно, послы варваров покорнейше просили принять подарки для гарема, конюшни или зверинца императора и возвращались с ответными дарами многократно большей ценности. Многие конфуцианцы возмущались такой расточительностью, требуя принимать посольства реже и меньше тратить на варваров. Чиновник Ся Юаньцзи, ведавший казной, даже отказал в 1421 г. в финансировании очередной экспедиции Чжэн Хэ, за что был брошен в тюрьму.²⁴

Император, однако, не снижал расходов на дипломатию, нити которой были сосредоточены в ведомстве ритуалов, в чью компетенцию, помимо общей заботы о поддержании миропорядка, входил и прием посольств. С 1407 г. при нем работала школа переводчиков, в его архивах хранилась информация о дальних странах, тщательно записывались прецеденты, связанные с протокольным церемониалом, уточнялись титулы правителей, присылавших посольства с изъявлением покорности, указывались привезенные дары и ответные щедроты. Поддержание «внешнеполитической доктрины» империи требовало затрат, но можно ли назвать их напрасными? Накопленное знание об исторических прецедентах может быть востребовано Поднебесной на любом этапе истории.

Император Чжу Ди умер летом 1424 г. во время очередного похода в Степь. Один из современных историков назвал его «конным императором», постоянно перемещавшимся по просторам Поднебесной, более походившим на Хубилай-хана, чем на образцового конфуцианского правителя.²⁵ Его сын

в день вступления на престол издал указ о полном запрете заморских экспедиций и о прекращении торговли с «варварами юга и севера». Ся Юаньцзи был выпущен из тюрьмы, ко двору вернулись те, кто протестовал против расточительства эры Юнлэ, указывая, что стабильность государства основана на сельском хозяйстве и поступающие с него доходы надо тратить разумно, как учил основатель династии. Император задумал вернуть столицу в Нанкин, но умер, не процарствовав и года. Его сын Чжу Чжэньцзи (1425—1436, храмовое имя — Сюань-цзун) пытался занять компромиссную позицию. После разгрома китайской оккупационной армии во Вьетнаме и капитуляции гарнизона в Тханглаунге (Ханое) он вынужден был вывести с юга остатки некогда победоносного войска, сократил расходы, но все-таки отправил Чжэн Хэ в седьмое по счету плавание (1432—1433). Корабли вернулись с новыми посольствами и с драгоценными животными «цилинь». Но со смертью императора в 1435 г. экспедиции прекратились навсегда.

Для современных китайцев эпопея «Золотого флота» является предметом гордости, иллюстрируя традиции «глобализации по-китайски». Но при императоре Чжу Цичжэне (1436—1449) Китай сделал иной выбор, отказавшись от роли морской державы, не просто забыв, но сознательно вычеркнув память об экспедициях: все отчеты и чертежи Чжэн Хэ исчезли из императорского архива уже в XV в. Причин для прекращения этого проекта было много. Экономика не могла выдержать всех начинаний эры Юнлэ (1403—1424). Помимо морских экспедиций, сюда входили реконструкция Великого канала, строительство Пекина с его роскошным Запретным городом, начало восстановления Великой стены, походы в Монголию, разорительная и бесперспективная война во Вьетнаме, обустройство южных провинций и беспрецедентная дипломатическая активность. Для императора «Золотой флот» был важным, но не главным делом, а задача завоевания господства на море вообще не ставилась.

Чжу Ди отчасти сам предопределил упадок мореходства. И дело не только в том, что перенос столицы в Пекин способствовал усилению континентальной, а не морской мощи им-

перии. Раньше Китай снабжал свои северные области, огибая полуостров Шаньдун, через Желтое море, опасное бурями и пиратами. Это было мощнейшим императивом, заставлявшим держать морской флот. Великий канал в значительной степени обесценивал эти плавания, как и вообще существование большого флота. Морская торговля не была жизненно необходима китайской экономике, которая обходилась медной и цинковой монетой, а потому не испытывала характерной для Европы «жажды золота». Вся система конфуцианских представлений диктовала выбор не в пользу торговли и предпринимательства, ведь, как известно, «стволом» общества считалось сельское хозяйство, и, чтобы помочь ему расти, надлежало старательно обрубать боковые «ветви». Или же — «угнетать корни, чтобы лучше рос стебель».

От наследия «конного императора» к самодостаточной империи

На свертывание программы строительства и расширения плаваний «Золотого флота» парадоксальным образом повлияла борьба конфуцианцев и евнухов, которые, собственно, и возглавляли морские экспедиции. Основатель династии Мин Чжу Юаньчжан, искушенный в борьбе за власть и тщательно изучивший причины ослабления великих империй прошлого, в своем «Великом предостережении» запрещал допускать евнухов до руководящих постов. Евнухам запрещалось изучать конфуцианские каноны. Они не должны были покидать Запретный город без особого разрешения.

Однако, ломая традиции центрального управления и усиливая принцип самовластья, ослабляя роль регулярного чиновничества, Чжу Юаньчжан расчищал путь тем, кто был предан не принципам власти, а личности императора. Усиление роли евнухов в период правления Чжу Ди было связано с той поддержкой, которую они ему оказали в период войны Цзиннань (1399—1402).

В эру Юнлэ начался «золотой век» евнухов. Конфуцианцы, исповедующие этику служения, иногда, несмотря на

страх, осмеливались критиковать «неправедные», с их точки зрения, приказы императора. Правитель мог уважать таких чиновников, но был лишен возможности поручать им дела, требовавшие личной преданности, не всегда согласующейся с моралью ловкости и находчивости. Евнухи же были ценны меньшей обремененностью личными делами (так как у них не имелось наследников), малой связанностью с общепринятыми морально-этическими ограничениями, диктовавшимися конфуцианским образованием. Невозможность получить стандартное для китайского чиновника образование придавала евнухам гибкость мышления и практический склад ума. Наконец (и это самое главное), они полностью зависели от воли императора.

Если в предшествующие эпохи власть кастратов усиливалась в конце почти каждого династического цикла, то их влияние в империи Мин определялось стилем правления уже в самом начале династии, ибо они были сознательно призваны сильным правителем, чтобы противостоять бюрократии.

Поначалу евнухами становились юноши, захваченные на войне. Чжэн Хэ происходил из семьи мусульман, прибывших в Юньнань с монголами, то есть, по законам империи Юань, принадлежал к разряду *сэму*. После покорения этой провинции он в качестве военной добычи достался Чжу Ди. Среди евнухов было много вьетнамцев, один из них, Нгуен Ан, руководил завершением строительства Пекина, вьетнамцы командовали огневыми батареями (в их квалификации по этой части китайцы убедились на своем горьком опыте). Евнух-маньчжур Ишиха возглавлял экспедиции, добравшиеся по Сунгари и Амуру до Сахалина. Евнухи управляли налаживанием ритуальных дипломатических отношений, возглавляли посольства, командовали армиями, руководили инженерными работами. Для евнухов была открыта специальная дворцовая школа. Только ими укомплектовал император созданную в 1420 г. службу безопасности — «Восточную ограду» (Дунгуан), которую боялись даже «Парчовые халаты».

Со временем ряды евнухов все чаще пополнялись выходцами из бедных семей, видевших в оскотлении путь бы-

строого социального продвижения, минуя «переползание» со ступени на ступень по этажам бюрократической лестницы. Статус евнуха давал возможность (правда, отнюдь не всегда реализуемую) почти мгновенно войти в запретную половину императорского дворца, куда не имели доступа самые важные сановники. Это была не прямая дорога к вершинам власти, занимавшая, учитывая систему экзаменационных конкурсов, от 30 до 40 лет, а «путь сбоку», предоставлявший широкий простор императорским любимцам и фаворитам. Этот «боковой путь» представлял сугубую важность и для самих императоров: именно через посредство евнухов верховные правители имели возможность отдавать быстрые практические распоряжения низшим слоям исполнительной власти в том случае, если их приказы не могли пробиться и буквально «вязли» в разросшейся толще высших и средних звеньев бюрократического аппарата.

Однако большинству евнухов приходилось довольствоваться ролью мелких слуг. Лишь некоторые из них, опираясь на узы «бесполой» солидарности, могли не только выживать во враждебном окружении, но и успешно противостоять группировкам конфуцианских чиновников. Однако исторические хроники составляли конфуцианцы, идеалом которых выступал отец семейства, «совершенный муж». Евнухи этому типу не соответствовали, и потому в летописях они представлены лживыми, жадными и трусливыми. Составители анналов считали их главным злом, поскольку они, используя чрезвычайные обстоятельства и преследуя своекорыстные цели, втягивали императоров в опасные предприятия. Этика, основанная на понятиях семьи и чести, превращала в глазах конфуцианцев представителей «третьего пола» в чудовищ, алчущих лишь денег и власти, и потому в официальной версии китайской истории они могли изображаться лишь злодеями.

Такая роль отводилась в хрониках влиятельному евнуху, занимающему пост управляющего в ведомстве ритуалов, Ван Чжэню, имевшему большое влияние на императора Чжу Цичжэня (храмовое имя Ин-цзун, правил под девизом «*Чжэнтун*» в 1435—1449 гг. и под девизом «*Тяньшунь*»

в 1457—1464 гг.). Ему ставили в вину дорогостоящий поход в Бирму в 1446 г., хотя это был долгожданный триумф китайского оружия: минские войска подошли к стенам столицы, и бирманский король признал себя данником Пекина. Несмотря на то что интерес к землям, открывавшим кратчайшую сухопутную дорогу в Индию, был совершенно логичен, конфуцианцы затем объявили эту политику преступной и безумной. Для них даже такие провинции, как Юньнань и Гуйчжоу, считались «варварскими» и недостойными внимания. Такая позиция в конечном счете вела страну к изоляции. Дальнейший ход событий явился тому подтверждением. Ведомство ритуалов запросило в военном архиве, оставшемся в Нанкине, материалы о плаваниях эпохи Юнлэ. Но хранитель архива — верный конфуцианец — уничтожил бесценные сведения о путешествиях Чжэн Хэ, дабы помешать растрате государственных средств. За свой поступок этот «совершенный муж» заслужил восхищение главы военного ведомства (злейшего врага Ван Чжэня) и получил высокий пост.

Вскоре разразилась война с кочевниками — *ойратами* (западными монголами). Конфуцианцы призывали не потакать «варварам» и не обменивать столь необходимый кочевникам чай²⁶ на якобы ненужных китайцам лошадей.

Помимо прочих соображений, они исходили из того, что после падения империи Юань разрозненные монгольские племена не могли представлять серьезную угрозу для Поднебесной. Однако к этому времени в Степи усилился западномонгольский союз ойратов под предводительством Эсэна-тайши. Внезапное прекращение торговли с Китаем представляло угрозу самому существованию кочевого хозяйства и на некоторое время вновь сплотило монголов. Эсэн атаковал пограничные пункты империи Мин.

Начиналась война, и на этот период при дворе неминуемо усиливались позиции военного ведомства. Огромная армия собиралась в пограничном районе. Но Ван Чжэню удалось убедить императора вместе с ним возглавить поход. Согласно традиционной версии китайских историографов, евнух не хотел разлучаться с Ин-цзуном, дабы уберечь его от влияния враждебной группировки военных.

Но поход кончился катастрофой. В местности Туму 1 сентября 1449 г. двадцатитысячная конница Эсэна наголову разгромила полумиллионную армию императора. Ван Чжэнь был убит, как и большинство китайских военачальников, а император попал в плен. Эсэн дал ему монгольскую жену и содержал в достойных (по представлениям кочевников) условиях.

Отправляясь в поход, Ин-цзун доверил регентство сводному брату. Узнав о катастрофе, придворные предложили регенту срочно заключать мир с ойратами и эвакуировать столицу в Нанкин. Но возобладала партия «патриотов» под руководством Юй Цяня, заместителя павшего в бою начальника военного ведомства. Он убедил регента занять престол самому (присвоив плененному брату звание «великого предшествующего императора») и настоял на подготовке к обороне. Эсэн не стал сразу развивать свой успех, рассчитывая на то, что китайцы пойдут на любые уступки, раз у него в плену император. Однако Юй Цянь на переговорах напомнил ойратскому вождю изречение Мэн-цзы: самым важным является народ, затем — страна и лишь затем — государь. Поняв, что законный император принесен в жертву интересам правящей китайской элиты и переговорами он ничего не добьется, Эсэн начал штурм Пекина. Юй Цянь вел активную оборону, применяя артиллерию в неслыханных ранее масштабах. Потерпев неудачу, Эсэн вынужден был вернуться в Степь. Возможно, задумав компенсировать провал похода и стремясь посеять раздоры в среде высшего руководства в Пекине, через некоторое время Эсэн отпустил своего венценосного пленника домой.

Можно считать, что замыслы Эсэна частично сбылись. «Великий предшествующий император» занимал в дворцовом парке отдельный домик, в котором жил под охраной до 1457 г., пока военный переворот не вернул его к власти. Его брат был задушен. Вернувшись к власти, Ин-цзун (единственный из императорской династии Мин) взял себе новый девиз правления: если ранее его эра именовалась «Законное наследие», то теперь «Небесная благосклонность». Одним из первых его деяний была казнь Юй Цяня, его трактовку фи-

лософского изречения Мэн-цзы император считал заурядным предательством (позже, правда, в честь спасителя Пекина был воздвигнут поминальный храм). Пребывание в плену наложило глубокий отпечаток на культурную политику Ин-цзуна, усилив его стремление к возвеличению исконно китайских ценностей и искоренению кочевых традиций. Хотя в его правление войны со Степью прекратились, он запретил в столице говорить по-монгольски, носить монгольскую одежду, а также пресек традицию закапывать наложниц вместе с покойным императором. Со второй половины XV в. Поднебесная уже не знала воинственных «конных императоров» и перешла к стратегической обороне, восстановив Великую стену.

Жизнь в стране вошла в спокойное русло. Императоры соблюдали церемонии и занимались своим гаремом, постепенно устранившись от управления государственным аппаратом. Потакая их прихотям, евнухи забирали все большую власть, а конфуцианцы привычно осуждали и евнухов, и императоров. Как и в эпоху Тан, множилась титулованная знать, получавшая щедрое государственное жалованье. К концу XV в. родственников императора числилось уже свыше 20 тыс. Рос государственный аппарат, а эффективность его работы падала. Подати поступали, хотя не всегда и не отовсюду. Порой отдельные провинции поражали голод и восстания, случались слишком морозные зимы и разрушительные паводки.

Напрягая усилия, власти справлялись с этим злом. От обесценившихся бумажных денег полностью избавились, отказались и от технологий гибкой финансовой политики — высшего достижения китайской средневековой экономики. Налоги собирались как натурой, так и металлическими деньгами. Крестьяне и ремесленники все чаще откупались от казенных отработок. Переписи этой эпохи не отличались полнотой, но все сходится в том, что во второй половине столетия население достигло 100 млн, вернувшись на уровень начала XII в. Вопреки препятствиям властей земля концентрировалась в частных руках, крестьяне становились арен-

даторами или уходили в города и на промыслы, разлагалась система военных поселений.

Перенос столицы на Север замедлил развитие городов в нижнем течении Янцзы, но в целом города росли. Дымили казенные металлургические заводы и фарфоровые мануфактуры, работавшие не только на внутренний рынок, но и на экспорт. Торговля строго контролировалась, но всюду сновали коробейники, а купцы постепенно богатели, обходя препоны. Несмотря на «морские запреты», все новые переселенцы из Фудзяни и Гуанчжоу пополняли колонии хуацяо в Юго-Восточной Азии. Те же самые люди в японских источниках назывались «китайскими пиратами».

Исправно действующая система экзаменационных конкурсов и государственные школы регулярно поставляли избыточное количество лауреатов, претендующих на новые должности и жалованье. И с тем, и с другим начинались проблемы. Частные школы занимались натаскиванием к экзаменам, превращая учение в зубрежку канонов. Философия возвела неоконфуцианство в догму и остановилась в своем развитии. Официальная поэзия и литература строго подражали канонам времен Тан, художники придворной академии копировали жанр «цветов и птиц». Развитие естественных наук и математики замедлилось, чиновники и купцы вполне обходились четырьмя действиями арифметики. Старые приемы обмера площадей и исчисления налогов всех устраивали, а двигатель науки, навигация, была снята с повестки дня. Жизнь стала проще, но удобней. В чайной церемонии начали использовать заварочные чайники. Фарфор становился все тоньше. Расцвели жанровая миниатюра, мелкая пластика, прикладное искусство. В моде были новеллы в стиле уся и приключенческие романы на разговорном языке.

Не зная серьезных соперников, Поднебесная ощущала себя полностью самодостаточной. Мощное государство, сочетавшее конфуцианскую идеологию с постепенно стирающимися традициями монгольской политической культуры, успешно справлялось с задачей «обрубать ветви, чтобы лучше рос ствол». Однако социальные противоречия, собственные середине и второй половине династического цик-

ла, нарастали: население умножалось, а земельный фонд был ограничен; размеры среднего крестьянского участка уменьшались, росли средние и крупные земельные владения; уходящие на эти земли тягловые люди переставали платить налоги, быстро растущему государственному аппарату доставалось все меньшее жалованье в расчете на одного чиновника; солдаты переставали получать довольствие и переходили к разбою; у государства не хватало средств на оплату ремесленных поставок и купеческих перевозок. В этой связи в общем объеме налогов и тягла росла доля ремесленных и торговых отработочных повинностей. При этом развивалась экономика, процветала городская культура и казалось, что так будет всегда.

Следующему XVI в. предстояло либо разрешить сложившиеся противоречия, либо привести империю к гибели. Признаки технологического отставания от Западной Европы были видны невооруженным взглядом: если Марко Поло испытал шок, столкнувшись с превосходством китайской цивилизации, то в XVI в. европейцы хотя и дивились богатству Китая, но прибывали туда на более совершенных кораблях и обладали значительно лучшими навигационными приборами, картами и оружием.

А В ЭТО ВРЕМЯ...

ТАЛАССОКРАТИИ И НАСЛЕДНИКИ КОЧЕВЫХ ТРАДИЦИЙ СЕРЕДИНА XIV—КОНЕЦ XV в.

Ойкумена становилась все более проницаемой для путешествий. Ибн-Баттута в своих странствиях добирался до современных Мали и Танзании, подробно описал (возможно, что с чужих слов) последние годы Юаньской династии, гостил в Золотой орде и побывал на Каме, откуда купцы уходили торговать на север, в «область мрака». Тверской купец Афанасий Никитин добирался до Индийского Декана (посетив Бидар, столицу индийского государства Бахманидов) и Западного Ирана, дьяк Григорий Истома впервые прошел из Москвы в Данию через заполярный мыс Нордкап, а португальцы обогнули Африку. Мир сильно менялся, и эти изменения можно было наблюдать на суше и на море.

Оживление в водах Тихого океана было вызвано импульсами, исходившими из Китая. Его экономика была на подъеме, но перенос столицы из приморского Нанкина в не связанный с морем водными артериями северный Пекин и «морской запрет» указывали на то, что страна отворачивалась от океана. Инициатива переходила в иные руки. Остров Окинава и весь архипелаг Рюкю стали играть роль эмпория или даже «офшора» Поднебесной в условиях «морского запрета». Местные купцы и китайцы, торговавшие под видом рюкюсцев, выстроили торговый треугольник: Юг (Дайвьет, Сиам, Ява, Суматра, Бирма), Китай и Север (Япония и Корея). Прибыли торговых операций доходили до 1000 %. Это был «золотой век» Окинавы.

Однако по мере ослабления империи Мин хозяевами моря становились японские и китайские пираты, все смелее нарушавшие «морской запрет».

На другом конце Восточно-Китайского моря процветало корейское государство Чосон. Экспедиции корейского флота на Цусиму убедили японских пиратов в том, что им выгоднее стать купцами. Признавая вассалитет по отношению к империи Мин, что облегчало торговые связи, чосонцы ис-

пользовали конфуцианские принципы устройства власти. *Ян-баны* — служилые землевладельцы — сдавали должностные экзамены. Для них действовала масса частных и государственных школ. Спрос на книги привел к тому, что с начала XV в. корейские печатники перешли от ксилографии к металлическим наборным шрифтам. По инициативе Седжона Великого была разработана новая система письма — *хангыль*, приспособленная для корейского языка лучше, чем старая *ханча*, основанная на китайских иероглифах.

В Японии отсутствие внешней угрозы снимало необходимость в сильном государстве, периоды децентрализации и войн «воюющих провинций» не вели к фатальным последствиям, но могли оказаться благоприятными для развития хозяйства и культуры.

Города Сакаи и Хаката, игравшие главную роль в заморской торговле, сравнивают с «вольными городами» Запада, настолько сильно было местное самоуправление в период *сэнгоку дзидай* — «сражающихся провинций» (1467—1573).²⁷ Рост числа сделок и их усложнение вели к появлению ценных бумаг, аналогичных векселям и чекам. Придворные и монастыри покровительствовали ремеслам, торговле и ростовщичеству. Доходы с торговых пошлин были более выгодны и менее хлопотны, чем попытки увеличить поборы с крестьян, не раз уже отвечавших на это восстаниями.

XV столетие — время быстрого распространения ислама на новые земли. В африканском Сахеле, где были активны мусульманские купцы, занятые в транссахарской торговле, правители насаждали ислам «сверху», решив, что новая вера может укрепить их власть. Иным был путь распространения ислама в зоне вдоль Индийского океана от Африканского рога до современного Мозамбика. Пришельцы из Аравии и Персии смешивались с африканцами, создавая «береговую» культуру суахили (от арабского *сахель* — берег), культуру самоуправляющихся городов, ведущих торговлю с Южной Азией.

К началу века гуджаратские купцы-мусульмане усилили свое присутствие на Суматре и Малаккском полуострове. Опираясь на них, принц Парамешвара принял ислам и под

именем Искандер-шаха создал Малаккский султанат. Вскоре малайские купцы и проповедники донесли ислам до южных Филиппин, несмотря на то что растущей мощи мусульман противостояла империя Маджапахит, господствовавшая на Яве и других островах Нунсантары (Индонезии).

В Индии в XIV—XV вв. расширению исламских государств сопротивлялась империя Виджаянагар. Угроза со стороны Делийского султаната, а затем государства Бахманидов (хотя и не слишком сильная) вынудила правителей последней индуистской империи многое заимствовать у северных противников. Они стремились утвердить систему служилых наделов — *джагиров* (они представляли собой возможность распоряжаться частью государственного налога). Доходы от морской торговли через Гоа позволяли Виджаянагару закупать арабских скакунов для кавалерии, держать наемные войска.

Бахманидские султаны не были рьяными воинами за веру. Они даже не взимали *джизью* — налог с «неверных», ведь на подконтрольном им плоскогорье Декан мусульмане составляли незначительное меньшинство. Вместе с тем, Бахманиды поощряли переселение к ним персов, что вызвало соперничество местных мусульман *декани* и чужеземцами *афаки*. Одним из *афаки* был Махмуд Гаван, персидский купец, ставший визирем. Афанасий Никитин застал эту эпоху, когда могущество султаната достигло апогея, он простирался от Малабарского берега до Коромандельского, а его правитель пытался сделать систему военных держаний эффективной. Но визирь пал жертвой интриг *декани*, после чего султанат лишился своих завоеваний.

Гуджаратские султаны боролись с кланами воинов-раджпутов, засевших в своих горных замках, не желая, впрочем, тратить много средств для их насильственной исламизации. Гуджарат стал не только центром торговли в Индийском океане, но и «мастерской Индии», где многочисленные ремесленники и крестьяне-надомники изготавливали ситцы и шелковые ткани, расходившиеся по миру.

Правители Делийского султаната некогда гордились тем, что после монгольского завоевания Ирана и Ирака им уда-

лось сохранить ислам в чистоте и добиться его распространения. Впрочем, Делийский султанат был razорен Тимуром как «страна плохих мусульман», не проявивших должного рвения в распространении истинной веры.

Однако на протяжении XV в. в Северной Индии не существовало мусульманского государства-гегемона, каким позже станет империя Великих Моголов. Этот век принес Индии экономическое и культурное процветание. Правители состязались друг с другом в меценатстве и строительстве, шел интенсивный поиск культурного синтеза, появились синкретические учения (бхакти, ранний сикхизм), в которых провозглашалось равенство людей перед богом, отвергались нетерпимость и формализм традиционных учений, выражались сомнения в кастовом строе, в роли мулл и брахманов. Новые идеи были порождением городской среды, откуда выходили учителя (*гуру*), творцы религиозных систем, почитаемых приверженцами разных конфессий. Религиозно-философские песнопения индийских гуру творили литературные языки из диалектов Северной Индии — гуджарати, панджаби, бенгали.

Основными соперниками, претендующими на лидерство в мире «старого ислама», в этот период были Тимуриды, конфедерации Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, султаны Египта и турки-османы. Всех их можно назвать «военными ксенократиями»: властная военная элита была инородной по отношению к основному населению.

Войско египетского султана комплектовалось из рабов-мамлюков. Молодых невольников привозили в Египет, где они принимали ислам и получали военную подготовку. Иногда мамлюки обретали свободу и могли заводить семью, не имевшую, правда, полноценного официального статуса, ибо подлинной семьей они считали своих однополчан, спаянных преданностью хозяину-эмиру, который их купил, обучил и отпустил на волю. Лишь прошедший рабство и военное обучение мог стать мамлюком, их дети не могли наследовать их статус.

Такая система имела преимущества: военные держания *икта* (переадресованный получателю государственный налог

с определенного числа крестьян или деревень) возвращались к султану по смерти *иктадара*, и казенный земельный фонд не переходил в частные руки. Но поэтому *иктадары* не вкладывали средства в земли, находившиеся во временном пользовании, а старались выжать из крестьян-феллахов как можно больше, добываясь их прикрепления к земле.

Поначалу мамлюки в основном поступали из кыпчакских степей, и они говорили на тюркских языках. Но по мере исламизации этих краев их приток сокращался, поработать единоверцев было нельзя. Мамлюками становились *руми* (греки, венгры, балканские славяне), но больше всего ценились *джаркис* — «черкесы», так обозначали жителей Северного Кавказа. С началом правления черкесских султанов (1382) *джаркис* монополизировали важные должности.

Летописцы склонны были противопоставлять «хороший» тюркский период «плохому» черкесскому, когда все важные должности доставались лишь землякам султанов и эмиров, вопреки этике мамлюков и принципам военной меритократии. Пережив нашествие Тимура на Сирию, султаны уже не вели больших войн. Служба мамлюков делалась все привлекательнее, а их притязания все возрастали.

Военной ксенократией во многом была и держава Тимура. «Сотрясатель вселенной», убежденный в единстве тюрков и монголов, претендовал на господство над миром, когда-либо им подвластным (потому и готовил поход на империю Мин). Тимур говорил и о джихаде, упрекал соперников в недопустимой терпимости к неверным, строил великолепные мечети в Самарканде. Но ни Тимур, ни его потомки не могли отказаться от кочевых традиций, которые плохо совмещались с исламом. Сколь ни почитали тимуриды Мекку, их основные помыслы были устремлены в кыпчакские степи, где наследники Чингис-хана мерились силами на пространстве от Алтая до Волги. Кочевники настороженно относились к городской культуре покоренного населения. «В городе даже турецкая собака лает по-персидски», — гласила тюркская поговорка, предостерегавшая от утраты кочевой удачи.

Ираноязычное население враждебно относилось к власти тюрков, попиравших законы шариата, и поднимало восста-

ния, которые жесточайше подавлялись. Соперники Тимура — *джэтэ* («вольница»), кочевавшие в районе Балхаша и Иссык-куля, демонстрировали ненависть к городской культуре. Однако в Мавераннахре Тимур установил тесный союз с местными горожанами, из их среды формировались вспомогательные отряды пеших воинов, брались кадры для управленческого аппарата. Постоянные войны были необходимы, чтобы воины-кочевники (в том числе и перешедшие на сторону Тимура *джэтэ*) не грабили свое оседлое население, довольствуясь военной добычей. При этом целью походов Тимура было и восстановление контроля над Великим шелковым путем на максимальной его протяженности.

Создать прочную державу тимуридам не удалось, они удержали лишь Мавераннахр и Хорасан. Однако культурный синтез все-таки происходил. Большим авторитетом у тимуридов пользовался суфийский орден (*тарикат*) Накшбанди с центром в Бухаре. Под его влиянием находился и поэт Алишер Навои. Став визирем, он способствовал превращению Герата в столицу «тимуридского ренессанса». В поэмах, составленных не только на фарси, но и на чагатайском языке, Навои выражал суфийские идеи и стремился обосновать достоинство тюркского языка как языка культуры.

Но тимуриды оставались верны политической концепции, согласно которой страна считалась коллективной собственностью ханского рода. И потому каждая смена власти сопровождалась междоусобицами. В начале XVI в. это привело к тому, что Мавераннахр был завоеван кочевниками-узбеками Шейбани-хана. Попытки молодого тимурида Бабуря отвоевать Самарканд не увенчались успехом. Он покинул родные места, но с горсткой воинов сумел завоевать Афганистан и Северную Индию.

Политические образования тюркских племен, обитавших в Восточной Анатолии и Северном Ираке, были сходны с государством Тимуридов. Но, в отличие от чагатайцев, их предки-огузы давно оторвались от кочевой прародины, у них было меньше людских ресурсов, а исторический опыт выработал умение налаживать сотрудничество с иранцами, арабами, курдами, христианами. Узун-Хасан, правитель госу-

дарства Ак-Коюнлу, провозгласил себя борцом за веру, ведя войны с Грузией, но он при этом поддерживал христианскую Трапезундскую империю в ее борьбе против Османов. Осознав опасность со стороны Османской державы, Узун-Хасан пытался создать широкую антиосманскую коалицию с государствами Запада. Его воины испытали на себе огневую мощь османской армии, поэтому Узун-Хасан стремился при помощи венецианцев запастись огнестрельным оружием. Убедившись в эффективности османского управления, подражая Мехмеду II, издал «Книгу законов» (*Канун-намэ*), где установил максимальные размеры налогов и тарифов. Правители Ак-Коюнлу оценили прочность турецкой системы военных держаний и потому затеяли подготовку кадастра, чтобы вернуть казне доходы и обеспечить несение службы с военных наделов. Это вызывало недовольство тюркской знати — беков, инициировавших дворцовые перевороты.

Султаны все больше опирались на элиты иранского происхождения, занимавшие гражданские должности. Но разобщенность гражданской и военной элит, неизбежные смуты при смене власти мешали формированию прочного государства. В условиях, когда с востока угрожали узбеки, а с запада надвигалась мощь Османской империи, Ирану нужна была эффективная власть, сплоченное население и дисциплинированное войско.

Выход был найден орденом Сефевидов. Суфийско-дerviшские ордена основывались на фанатичной преданности учеников-мюридов своему шейху. Среди мюридов шейха Сефи ад-Дина были тюркские племена Южного Азербайджана, недовольные притязаниями Ак-Коюнлу. Железная дисциплина мюридов в сочетании с воинской удалью кочевников и поддержкой населения превратили орден в грозную силу. Молодой шейх Исмаил захватил Ширван, затем занял столицу Тебриз. Аппелируя к иранской традиции, Исмаил принял титул шаханшаха, хотя писал стихи на тюркском языке. Вскоре он завоевал большую часть Ирана, вступив в борьбу с Шейбани-ханом. Завоеватель-чингизид послал молодому шаханшаху суму и посох дервиша, издеваясь над его «дerviшским» происхождением. Но в битве под Мервом (1510)

Шейбани-хан потерпел поражение и был убит. И хотя в борьбе с османами за Восточную Анатолию и Сирию Сефевиды потерпели поражение, им удалось прочно укрепиться в Иране, где шиизм стал господствующей религией.

Османский султанат, одно из многих государств, оставшихся в Малой Азии после распада сельджукской державы, оказался удачливее других. Потомки Османа завладели большей частью Малой Азии, переправились на Балканы, завоевали Болгарию, разбили на Косовом поле сербов (1389), а под Никополем — крестоносцев, спешивших на помощь Венгрии (1396). Но в 1402 г. султан Баязид потерпел страшное поражение от Тимура. Османы оказались вытеснены на Балканы и отрезаны от «этнического резервуара» тюрок-кочевников Восточной Анатолии. «Турками» теперь все больше становились местные жители, переходившие в ислам. Завоевывая очередную страну, османы создавали себе социальную опору из крестьян, отменяя непосильные налоги и повинности, ограничивая права местной элиты. Служба султану была привлекательной для всех слоев населения, вне зависимости от происхождения и веры, к османам часто бежали иноверцы, притесняемые в своих странах.

Султаны заимствовали арабскую систему *икта* и выстроили собственную систему военных держаний — *тимаров*. Султаны обладали достаточной политической волей, чтобы обеспечить по-настоящему условный характер этого землевладения, необходимость несения военной службы с каждого тимара соблюдалась неукоснительно, и даже самые высокопоставленные писцы, приближенные к султану, не смели претендовать на эти земли. У мамлюков османы взяли идею создания корпуса гвардейцев — *янычар*, из числа детей, отобранных у христианских семей. Но верность янычар не зависела от личности конкретного султана, они были «*капы кулу*» (рабы дворца), служили османскому государству, их отличала дисциплина, а постоянные войны были гарантией от ее разложения. Столкнувшись с армией Яноша Хуньяди, оснащенной «ручницами», турки быстро снабдили свои войска ручным огнестрельным оружием, тогда же были взяты на заметку и чешские боевые повозки таборитов. Постро-

ив флот, турки бросили вызов лучшим мореходам Средиземноморья.

Как в Египте и в державе Тимура, смысл существования Османского государства заключался в обеспечении функционирования и воспроизводства военной машины. Тимариоты несли службу, чтобы получить добычу и предоставить султану земли для новых тимаров. Но турецкая внешняя политика была вполне последовательна в глазах мусульманского мира. Османы, ощущая себя исламскими наследниками Византии, наступали на «неверных» на Западе и воевали с «еретиками»-шиитами на Востоке (при этом войны с шиитами отличались большей жесткостью, чем с христианами). Завоевания султана не выглядели своекорыстной борьбой за контроль над торговыми путями, подобно политике египетского султана, Венеции или Генуи. Доходы от торговли обогащали султанскую казну, но не были ее главным источником. Купцы считались ненадежными людьми, более всего пекущимися о собственной выгоде.

Итак, пережив сумбурный XV в., регион «старого ислама» адаптировался к тюркскому фактору и вступил в период стабильности. Мавераннахр останется под властью узбеков на века, мусульманский «антимир» шиитской Персии обретет устойчивую цивилизационную идентичность. Османская империя встанет во главе исламского мира. Отлаженная военная машина, сильное государство, общество, открытое для социальной динамики, приспособленное к экспансии, — все это внушало удивление и страх.

Европа, слишком долго не имевшая по-настоящему грозного противника и не испытывавшая нужды в едином сильном государстве, могла позволить себе «роскошь феодализма». Теперь, когда такой противник наконец появился, поможет ли порожденное этой роскошью богатство слабой Европе?

Крестовые походы против турок провалились. Константинополь пал в 1453 г., не дождавшись помощи от Запада. Венецианцы и генуэзцы добились от Порты сохранения некоторых привилегий, но в целом Восточное Средиземноморье было потеряно. Генуэзцы поняли это раньше, перенесли предпринимательскую активность в Западное Средиземноморье

и Атлантику, где дела христиан шли лучше. Но турки могли им угрожать и там. В 1480 г. турецкий флот доставил в Калабрию 18 тыс. воинов, которые взяли штурмом Отранто, и только скоропостижная смерть султана Мехмеда II не дала туркам двинуться на Рим. Турецкий адмирал Кемаль Реис совершал рейды на Балеарские острова и, выйдя в Атлантику, разграбил Канары.

Однако, хотя турки могли построить флот и собрать армию, у них не было инфраструктуры для быстрой и вместе с тем постоянной мобилизации капитала. Европейцы же, проиграв сражение, могли купить новые корабли и набрать воинов, благо в наемниках недостатка не было. На Западе для этого имелись отработанные институты торговли и кредита, складывающиеся веками, чего нельзя было ввести султанским фирманом.

Экономическая сила Европы была основана на возможностях свободного обращения капиталов, подкрепленных гарантиями собственности. Король мог не любить купцов, но если он постоянно притязал на имущество подданных, то перед лицом соседей, более любезных с богачами, он рисковал остаться без денег, без солдат и, как следствие, без власти.

Теологи ослабляли запреты на взимание коммерческого процента. Защита имущественных прав укреплялась растущей армией юристов. В итоге в Европе оказалось возможным аккумулировать капиталы в одной семье на протяжении нескольких поколений, чего не бывало в сильных империях. Запад демонстрировал удивительный запас прочности, гибкость и способность решать сложнейшие задачи, не прибегая к политической консолидации.

Сквозь удивительную пестроту цивилизаций Ойкумены проступали процессы, имевшие схожий вектор. Бурное развитие денежной экономики, особенно зримое на Дальнем Востоке, в Латинской Европе, в регионах, омываемых Индийским океаном, было результатом действия механизмов, запущенных давно. Но в XV в. начался кумулятивный эффект от складывания межрегиональных товарных связей. Преобладание морской торговли вело к упадку традиционных сухопутных путей и, как следствие, к упадку стран, по

которым проходили эти пути. Впрочем, политические неурядицы и давали обычно первый импульс к поиску обходных маршрутов. Процессы, порожденные развитием экономики, имели социальные последствия, воспринимаемые, как правило, с негодованием. Купцов, менял, ростовщиков ненавидели почти везде. Разница заключалась в возможностях власти ограничивать, а то и вовсе блокировать развитие денежной экономики.

Люди продолжали высоко ценить существующие каноны и традиции, доводя до совершенства методы комментирования священных авторитетов, и искали в древности, реальной или вымышленной, новые источники вдохновения. Но при этом охотно заимствовали чужое знание, особенно если речь шла об инновациях технического характера. Небывалая плотность различного рода изобретений и усовершенствований не могла не привести к переменам в социальной жизни, а затем и в мировоззрении. Нельзя напрямую связывать успехи денежной экономики с новыми культурными поисками, но то, что духовными учителями становились главным образом выходцы из городских, торгово-ремесленных слоев, по меньшей мере символично.

ГЛАВА 6

«ПОСЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ».²⁸

ПОСЛЕДНИЕ ПОЛТОРА ВЕКА ИМПЕРИИ МИН XVI—СЕРЕДИНА XVII в.

Императоры, секретари и евнухи

К началу XVI в. империя Мин пребывала в состоянии стагнации, вступив в середину очередного династического цикла. Происходившие в стране процессы чаще всего оказывались вне «зоны контроля» слабеющей государственной власти. Повторялась история, уже многократно случавшаяся с династиями Поднебесной: разбухшие официальные структуры власти и неповоротливые механизмы управления государством становились все менее эффективными, что вызывало к жизни другие схемы и варианты ведения дел, также опробованные историей.

Изменения затронули все социальные слои империи, начиная от жителей Запретного города и дворов титулованной провинциальной знати и заканчивая торговцами и военными поселенцами. Государственное управление должно было осуществляться разрастающейся с каждым годом армией чиновников, прошедших экзаменационные конкурсы; оно строилось на специальных процедурах и ритуалах (например, общих приемах-собраниях сановников империи, которые, впрочем, потеряли свою первоначальную значимость уже в конце XV в.) и постепенно все больше оказывалось сосредоточено в руках «внутридворцовой» администрации.

Ученые-чиновники, в большинстве своем отодвинутые полуофициальными и неофициальными структурами от реального управления государством (по крайней мере, на его высшем уровне), тем не менее пытались повлиять на сложившееся положение доступными им способами. Их действия и предлагавшиеся «программы» мало сказались на реальной жизни империи Мин, но внесли при этом значительный вклад в развитие политической и экономической мысли.

С начала XVI в. Внутридворцовый секретариат (*Нэйгэ*) из назначавшихся императором секретарей (*дасюэши*) делил власть с выдвиженцами-фаворитами. Многие из них были придворными евнухами — людьми, повседневно, даже ежечасно общавшимися с императором. К концу правления династии Мин число евнухов достигло приблизительно 100 тыс. человек. Они занимали ответственные и выгодные посты не только при дворе в столице (где их насчитывалось примерно 10 тыс.), но и в провинциях. Евнухи были губернаторами, правителями городов, командующими войсками, инспекторами двора.

Роль Внутридворцового секретариата — Нэйгэ — особенно возросла с 20-х гг. XVI в. Именно тогда было официально признано его более высокое положение по отношению к «Шести Ведомствам» (*Любу*): ведомствам жертвоприношений, назначений, военному, юстиции, финансов и трудовых работ, которые прежде считались высшей администрацией, играя роль министерств. Выросло влияние главы Внутридворцового секретариата — *шоуфу*. В секретари этого ведомства попадали в основном ученые мужи из столичной Академии Ханьлинь. Однако среди секретарей Нэйгэ были и начальники отдельных ведомств из Любу. Они работали в Нэйгэ «по совместительству», сохраняя основную должность начальника Ведомства. Внутридворцовый секретариат не являлся органом «регулярной» бюрократической машины. Поэтому его функции не были четко определены. Однако практически именно секретари, иногда при участии глав Ведомств, составляли проекты императорских указов и прочих официальных бумаг, налагали резолюции на поступаю-

щие сообщения и писали ответы на доклады чиновников. Все это, естественно, подразумевало получение предварительно одобренного императора.

Кроме того, секретари Внутридворцового секретариата имели право подавать «тайные доклады» лично императору, беседовать с ним о политических делах, толковать ему книги в его учебном кабинете. Все это открывало немалые возможности для их влияния на императора. Секретари Нэйгэ вели также повседневную хронику текущих событий для составления «Записей о свершившемся» или «Правдивых записок» (*шилун*) в каждое царствование, а также составляли исторические сочинения и династийные истории. Напомним, что составлять официальную историю династии можно было только после того, как эта династия прекратит свое существование.

Во главе системы управления продолжал находиться император, хотя его реальная власть становилась все более ограниченной Внутридворцовым секретариатом. Зачастую это было связано не только со стремлением самих секретарей расширить свои полномочия за счет императорской власти (это было сложно, так как ряд государственных функций мог исполнять лишь сам верховный правитель), а в первую очередь с незаинтересованностью императоров в государственных делах. Поэтому общие приемы-собрания превращались в фикцию, сохраняя лишь свои ритуальные функции. Военные чиновники танцевали на них перед императором с мечом в одной руке и со щитом в другой, а гражданские чиновники — с кистью и чернильницей для туши.

Тем не менее, иногда императорам приходилось бороться против Внутридворцового секретариата. В условиях этой борьбы могли выдвинуться фавориты, не связанные с Нэйгэ, которые на время получали в свои руки огромную власть. Например, при императоре Чжу Хоучжао (1505—1521, храмовое имя — У-цзун, девиз правления — *Чжэндэ* «Истинная добродетель») в связи с тем, что государь не смог полностью подчинить своему контролю Нэйгэ, он еще в самом начале своего царствования возвысил евнуха Лю Цзиня, назначив его главой Палаты жертвоприношений, а в 1508 г. — началь-

ником нового сыскного органа *Нэй-синчан* (Внутренняя канцелярия юстиции). Как и в первые десятилетия правления династии Мин (при Чжу Юаньчжане), в начале XVI в. огромную роль играла служба сыска, практиковались массовые аресты и казни.

Оказавшись во главе двух могущественных ведомств, Лю Цзинь полностью исключил какое-либо влияние дворцовых секретарей и приобрел такую власть, что стал опасен для трона. Ко двору потекла река жалоб на творящиеся в империи произвол и коррупцию. За этим последовали предложения «реформ» (как всегда — в виде возвращения к традиционной форме правления, соответствующей представлениям об «идеальном» с конфуцианской точки зрения государственном устройстве древности). Петиции подавали в основном чиновники Цензората и ученые-конфуцианцы из столичной академии Ханьлинь. Император Чжу Хоучжао не спешил прислушиваться к жалобам и советам, но, тем не менее, предпочел избавиться от усилившегося фаворита. В 1510 г. Чжу Хоучжао казнил Лю Цзиня и конфисковал его имущество (было обнаружено 2.5 млн лян золота, 50 млн лян серебра и много иных ценностей). Однако и чиновники, подававшие петиции, подвергались казням, арестам, высылке из столицы и конфискации имущества не только в течение «правления» Лю Цзиня, но и после его свержения (в общей сложности пострадало около 500 столичных чиновников и ученых).

Сам император Чжу Хоучжао в своем отношении к империи и ее жителям немногим отличался от своего могущественного временщика. Правитель совершал грабительские налеты на близкие и далекие окраины столицы, опустошал лавки и дома своих подданных, захватывал и увозил в свой гарем женщин. Огромные суммы шли на различного рода увеселения: пиршества с редкими яствами, дорогостоящие поездки по стране, охоту, содержание зверинцев с заморскими животными, уход за парками с самыми разнообразными экзотическими растениями. За время правления Чжу Хоучжао расходы двора возросли в пять-шесть раз по сравнению с предшествующим царствованием.

Во время 45-летнего правления следующего императора Чжу Хоуцуну (1521—1566, храмовое имя — Ши-цзун, девиз правления *Цзянцин* «Чудесное умиротворение») евнухи продолжали играть значительную роль в придворных интригах, но фаворитами становились и сами главы и секретари Нэйгэ. Император же посвящал себя поиску эликсира бессмертия и беседам с придворными даосами о достижении вечной жизни, а не государственным делам. В этот период последовательно возвышались и были низвергнуты четыре временщика. Сначала это был глава Внутриворцового секретариата Ян Тинхэ, который помог Чжу Хоуцуну, отпрыску боковой ветви династии Мин, сосланной в провинцию Хубэй, оспорить престол у его соперников (династический кризис был вызван смертью сыновей предыдущего императора в юном возрасте). Ян Тинхэ на недолгое время вернул управление страной в «традиционное русло» (т. е. в руки чиновников, занимавших свои должности по результатам экзаменов). Власти казнили наиболее одиозных коррупционеров предшествующего царствования, на время ограничили произвол евнухов, сократили на 10 тыс. человек аппарат репрессивно-сыских организаций, отобрали у придворных незаконно награбленные земли и даже снизили налоги. Но эти меры в очень скором времени были сведены на нет. В 1524 г. Ян Тинхэ стараниями своих противников был отправлен в ссылку. Его сторонники в знак протеста устроили коллективный плач во дворце, стоя на коленях. По приказу императора их схватили и побили палками. Хотя петиции с жалобами и предложениями продолжали поступать ко двору, в течение почти 50 лет на них не было никакого отклика, никакой реакции правительства, мало беспокоившегося о происходивших в стране тревожных процессах.

После смены еще двух фаворитов император приблизил к себе Янь Суна, удерживавшего свое влияние с небольшими перерывами почти 20 лет (с 1542 по 1562 г.). За это время Янь Сун приобрел себе огромное состояние. Коррупция и взяточничество за долгий период правления фаворитов при занятом «высокими материями» императоре превратились фактиче-

ски в норму. Контроль центральной власти над провинциями и границами резко ослаб.

Временный подъем и улучшение ситуации в империи Мин наступили во второй половине XVI в. при недолгом правлении Чжу Цзайхоу (1567—1572, храмовое имя — Му-цзун, девиз — *Луцин* «Возвышенное счастье»), одного из немногих императоров XVI в., который интересовался не только развлечениями, но и государственными делами. В это время изменился внешнеполитический курс империи Мин, с одной стороны — вновь открывшейся для более активных торговых связей с другими государствами, а с другой — проводившей меры по укреплению сухопутных и морских границ. В 1570 г. был заключен мирный договор с монголами.

В первые 10 лет правления императора Чжу Ицзюня (1572—1620, храмовое имя — Шэнь-цзун, девиз правления *Вэньли* — «Бесчисленные годы») с 1572 по 1582, практическая власть находилась в руках Чжан Цзюйчжэна — регента и главы Нэйгэ, бывшего до этого учителем будущего императора. Чжан Цзюйчжэн усилил контроль эффективности действий государственного аппарата, возродил аудиенции чиновников при дворе, укрепил командный состав армии. Именно в этот период двор выделил средства на восстановление ирригационной системы, была проведена крупная кадастровая перепись, направленная на выявление земель, утаивавшихся от налогообложения. В стране активно вводились новые сельскохозяйственные культуры, привезенные из Нового Света: кукуруза, картофель, несколько позже — арахис. Однако после смерти Чжан Цзюйчжэна в 1582 г. столь необходимые стране реформы были осуждены и во многом сведены на нет.

Тем не менее, в следующие годы почти до самого конца XVI в. Чжу Ицзюнь еще интересовался государственными делами, пытался издавать собственные законы и проводил активную и достаточно успешную внешнюю политику (правда, дорого обходившуюся Китаю). Дорого стоил империи и двор правителя с его пышными церемониями. Но к концу XVI—началу XVII в. император потерял всякий интерес к делам управления страной и даже стал пренебрегать тради-

ционной практикой утверждения чиновников и служащих на различные посты в бюрократическом аппарате. К обычному для императоров пристрастию к вину прибавилось и курение опиума, доставляемого европейскими купцами.

В итоге многие должности в государственном аппарате оставались вакантными, хотя на них претендовало много достойных чиновников и лауреатов экзаменационных конкурсов. Даже посты начальников Шести центральных ведомств (Любу) и их помощников подолгу оставались незанятыми. Наконец, к концу XVI в. перепроизводство чиновников достигло своего апогея: число претендентов на чиновничье звание настолько возросло, что чины стали давать по жребию. А удачно выпавший жребий часто зависел от величины подношения тем, кто определял победителя в жеребьевке. Все это говорило о том, что отсроченный рядом мер, проведенных в 60—80-е гг. XVI в., конец династического цикла приближался.

«Ствол и ветви»

Еще в начале правления династии Мин сложилась система предоставления родственникам императора уделов, доходы с которых должны были обеспечивать им средства к достойному существованию. Но эта система показала себя малоэффективной, так как на содержание увеличивающегося с годами числа принцев крови, их родственников и потомков уходило все большее количество земель из государственного фонда. В дополнение к этому на расходы родовой знати приходилось выделять значительные средства из казны.

К 60—70 гг. XVI в. численность родственников императора увеличилась до 28 тыс. человек. На их содержание тратилось 37,3 % всех налоговых средств. В XVI в. масштабы «усадебных полей» (*чжун тянь*) знати и «императорских усадеб» (*хуан чжуан*) также резко увеличились. Эти земли, продолжая формально числиться государственными, фактически переходили в распоряжение своих «благородных» хозяев и передавались по наследству. К середине XVI в. «усадебные поля» знати составляли двадцатую часть всех пахот-

ных площадей в стране. Особенно велики были усадьбы земель удельных правителей и их кланов. Сами же удельные князья становились все более неподконтрольными представителям слабеющей центральной власти. Дело доходило до вооруженных конфликтов между удельной аристократией и центральным правительством. Удельная знать и ее родня чинили произвол в своих владениях: смещали назначаемых из центра чиновников, бросали неугодных в тюрьмы, казнили, грабили и чрезмерно эксплуатировали местное население, обзаводились собственными сыскными организациями.

Одним из признаков кризиса в системе государственного управления с точки зрения традиционного конфуцианского мировоззрения являлся рост частных земельных владений на фоне уменьшения числа государственных земель. С этими процессами рано или поздно сталкивалась каждая китайская династия. В условиях, когда династия хотела и была в состоянии справиться с этими процессами, проводились меры, направленные на восстановление «идеалов древности». Частные земли конфисковывали, крестьяне вновь платили основные налоги в государственную казну, частная экономическая инициатива жестко контролировалась принимаемыми правительством мерами. Таким образом, «ветви» — ремесло и торговля — обрубались, чтобы мог лучше расти «ствол» — крестьянство. В случае если династия по ряду причин не могла или не хотела возвращать страну в старое русло развития, чаще всего ее вскоре сменяла новая династия, начинавшая свое правление с проведения в жизнь подобных мер.

Династия Мин в середине, а тем более в конце своего правления, уже не раз подрубала «ветви», например, отказавшись от морской экспансии начала XV в. Однако борьба с концентрацией земель в крупных частных владениях была малоэффективной. Решиться же на более жесткие меры, регулярно предлагаемые конфуцианскими чиновниками и учеными, императоры и их советники и фавориты либо не могли, либо не хотели. В отличие от приверженцев «идеалов древности», установившаяся де-факто система экономических и земельных отношений устраивала многих.

Несмотря на всю свою закрытость в первой половине XVI столетия, в условиях ослабления контроля государственной власти над провинциями Китай все же оказывался подвержен не только «разлагающим» процессам изнутри, но и влиянию внешних факторов. Поэтому центром происходивших изменений во второй половине XVI в. стал расположенный дальше от столицы и ближе к основным торговым путям традиционно более богатый Юг страны. Там на императорские указы обращали мало внимания и находили окольные способы добиваться желаемых результатов (будь то концентрация земель в частных руках или ведение официально запрещенной либо жестко регламентируемой торговли).

Пути превращения государственного земельного фонда в частные владения были разными. Например, земли военных поселений (часто расположенные на границах империи) переходили в частное распоряжение местного военного начальства, чиновников и присылаемых для надзора дворцовых евнухов. Офицеры и военные чиновники заставляли солдат собирать для себя урожай. Многие солдаты-поселенцы бросали свои участки и бежали.

К началу XVI в. доходы казны от военных поселений составляли десятую часть от сумм, получаемых в конце XIV в. Это непосредственно сказывалось на состоянии армии. Кризисное положение военных поселений и армии в целом описано в «Записях о свершившихся делах династии Мин» (подробной «черновой» хронике, которая составлялась при правлении самой династии Мин и должна была послужить основой для создания официальной истории, выходящей в свет уже при следующей династии): «В начале династии снабжение армии в большинстве своем опиралось на поступления от военных поселений и от продажи соли. Ныне военные поселения пришли в упадок, соляные законы не действуют, и без достаточных усилий их не восстановить.

Когда говорят об упадке военных поселений, то имеют в виду четыре бедствия: монгольская конница непрерывно [вторгается в] пограничные районы, во время военного положения нельзя заниматься хлебопашеством; воли и семена не выдаются, и нет возможности заниматься хлебопашеством;

взрослые работники гибнут во множестве, и нет людей, чтобы заниматься хлебопашеством; когда монголы приходят, переселяемся во внутренние земли, поля же остаются за границей, в таких условиях не осмеливаемся заниматься хлебопашеством. Из-за этих четырех бедствий система военных поселений развалилась, однако управляющие военными поселениями все еще собирают налоги в соответствии с реестрами. <...> От военных поселений нет выгоды, а есть вред. Как же могут военные поселения возродиться?»

В итоге, с начала 20-х гг. XVI в. власти фактически отказались от практики расселения солдат на землях военных поселений и стали сдавать эти земли гражданским людям на условиях, напоминающих аренду: закрепленные за отдельными хозяевами земли со временем приобретали характер частного владения. Государство было вынуждено переходить к практике найма солдат. Но жалование в войсках было очень низким. С появлением наемной армии постепенно отмирали и наследственные «военные дворы», которые были обязаны пополнять войска. В связи с увеличением числа наемников в течение всего XVI в. солдаты не отвлекались на полевые работы, как они вынуждены были делать это в рамках системы «военных дворов». Однако казнокрадство военных чиновников не уменьшилось, и боеспособность войск была плохой.

В целом же основным каналом приобретения земельных владений продолжала оставаться купля-продажа земли. Цена на землю в XVI в. поднялась по сравнению с концом XIV в. в несколько раз и доходила до 50—100 лян серебра за 1 му (0,046 га). На Юго-Востоке Китая крупные земельные владения в среднем составляли 700 цин (1 цин = 1000 му), в Хэнани (Центральный Китай) от 500 до 1000 цин, в Шаньси — несколько сотен цин. Причем эти данные относились только к земле, учтенной в земельных кадастрах. А к началу XVI в. фонд учтенной земли сократился по сравнению с концом XIV в. на 30—40 %. Государственные земли захватывала как близкая и дальняя императорская родня, так и непривилигированные землевладельцы («обманщики из народа»). Сокращалось и количество податных дворов, служивших ос-

новой единицей обложения налогами. В его основе лежала система «двух налогов» (лян шуй) — летнего (пятого месяца) и осеннего (десятого месяца). Уплачивались эти налоги теми видами продукции, которые производились в данной местности, главным образом зерном (пшеницей и просом на Севере, рисом на Юге). В XVI в. в среднем налог с государственной земли составлял приблизительно 1 ши (107, 36 л) с 1 му, т. е. приблизительно 50 % всего урожая.

В XVI в. основной «летне-осенний» налог было уже практически невозможно выплачивать. А помимо него существовали различные дополнительные сборы и трудовая повинность для непривилегированного населения. Мелким землевладельцам проще было становиться арендаторами на чужих землях, что, в свою очередь, еще больше способствовало концентрации крупной земельной собственности в частных руках. В то же время возраставшее число чиновников ставшего неэффективным государственного аппарата и толпы родовой знати требовали для своего обеспечения все большего количества средств. Но в ситуации увеличения числа частных владений и сокращения земель, с которых поступали основные доходы государства, а также в связи с истощением других источников доходов казны (например, из-за несоблюдения введенной еще в конце XIV в. монополии на торговлю солью и чаем), ростом затрат на развлечения императора и строительство его дворцов казна не справлялась с покрытием основных государственных расходов. С 50-х гг. XVI в. не хватало средств даже на половину их покрытия.

Во второй половине XVI в. во время попыток укрепления государства главой Верховного секретариата Чжан Цзюйчжэнем в 1577—1581 гг. было решено увеличить доходы казны путем выявления скрываемой от налогообложения земли. После проведения новой кадастровой переписи было обнаружено, что размер утаенной от налогообложения земли составил свыше 30 % от всего земельного фонда. Но даже увеличение облагаемого земельного фонда в результате всеобщей переписи 1577—1581 гг. не спасало положения. Тогда в 1581 г. Чжан Цзюйчжэн, уже под конец своего управления государством, решил ввести единый налог. Все прежние разно-

образные налоги и повинности заменялись единой денежной ставкой, исчислявшейся в серебре. Чжан Цзюйчжэн определил, что все прежние налоги составляли 60 % общей новой ставки, исчисляемой в серебре, а повинности — 40 %. Предполагалось, что теперь для исполнения повинностей государство будет нанимать работников за деньги. Сумма единого налога исчислялась государственными властями и распределялась на деревни или фискальные общины, состоящие из десятидворок или стодворок. Внутри этих деревень или фискальных общин местные власти — деревенские и волостные старосты — сами раскладывали налоги на отдельные дворы, исходя из количества получаемого ими урожая и числа работников.

Упразднение трудовых повинностей и унификация налогов (многие дополнительные «незаконные» налоги попросту упразднялись) должны были облегчить тяжесть фискального бремени для налогоплательщиков. Однако положительные результаты этой реформы сказывались недолго. Улучшению ситуации в сельском хозяйстве во второй половине XVI в. в целом способствовало проникновение в Китай новых сельскохозяйственных культур из Нового Света, в первую очередь кукурузы и сладкого картофеля, который наряду с рисом превратился в основной продукт питания простого народа. Высокая урожайность этих культур способствовала новому демографическому подъему страны.

Активизация внешней политики Китая в XV в. дорого обошлась империи. Вспомним, что победоносный поход в Бирму стоил огромных средств, а война с ойратами закончилась катастрофой — пленением императора и осадой Пекина. Это усилило позиции и до этого преобладавших сторонников политики «изоляции» страны. В их глазах «варварская» периферия и торговля с ней не могли дать Поднебесной ничего нового, а превосходство китайской культуры и китайских традиций должно было обеспечить империи почтение и повиновение со стороны самих варваров. Для большей безопасности соседние народы следовало «натравливать» друг на друга. Данная схема работала далеко не всегда и далеко не со

всеми. Если на Юге правители граничивших с Китаем государств Юго-Восточной Азии чаще всего не представляли для северного соседа какой-либо угрозы, то ситуация на Севере была гораздо более тревожной.

Отступившие в середине XV в. от стен Пекина монголы не прекратили свои набеги, участвовавшие после объединения Монголии Даян-ханом в 80-х гг. XV в., что побудило правительство Мин в конце XV—начале XVI в. выделить средства на реконструкцию Великой стены. Впрочем, и эта дорогостоящая мера не принесла большого успеха, так как южнее стены часть района Хэтао—Ордос оказалась под контролем кочевников. С 1514 по 1526 г. Даян-хан почти ежегодно совершал набеги на северные районы Китая, причем неоднократно доходил до окрестностей Пекина. Попытки китайских войск отвоевать у монголов Ордос не принесли успеха. В 1550 г. монгольские войска овладели городом Датун (бывшим крупнейшим центром китайской обороны на Севере) и вновь подошли к стенам Пекина. Лишь в конце 60-х гг. XVI в., после окончания долгого правления императора Чжу Хоуцзуня, китайцам удалось укрепить армию и оттеснить монголов. Вслед за этим, как уже отмечалось, в 1570 г. при императоре Чжу Цзайхоу был заключен мирный договор, возобновилась торговля, но отдельные набеги монголов с Северо-Запада продолжались и позже.

После событий первой половины XV в. (начиная с вывода в конце 20-х гг. китайской армии из Северного Вьетнама, признавшего свой номинальный вассалитет по отношению к Поднебесной, и заканчивая сворачиванием крупномасштабных морских экспедиций в 30-е гг.) Китай больше чем на столетие перешел к политике внешнеполитической и торговой «изоляции», выраженной в большей или меньшей степени при каждом императоре. Этот поворот событий в определенной мере пошатнул положение Китая как «регионального лидера». Все реже и реже крупные и даже мелкие державы Юго-Восточной Азии, числившиеся в номинальных вассалах империи Мин, обращались к китайскому императору как к верховному арбитру при разрешении постоянно возникавших конфликтов, а уж тем более в надежде получить

какую-либо реальную поддержку от слабеющей китайской армии. Тем не менее «вассалы» и «данники», в отличие от двора в Пекине, были заинтересованы в поддержании официальных отношений и в увеличении числа посольств, под прикрытием которых проводился интенсивный торговый обмен.

Резкие ограничения, а затем и прекращение официальной морской торговли (в 20-е гг. XVI в. правительство династии Мин усилило запрет на сношение с заморскими странами и закрыло «Управление торговых кораблей», принимавшее иностранцев и их товары) не устраивали китайское купечество приморских районов. Поэтому торговые связи продолжились нелегально, процветала контрабанда. Более того, именно в руках китайских купцов и торговцев находился основной оборот товаров в регионе. Первые европейцы — португальцы, появившиеся в китайских морях в начале XVI в., — не могли составить существующим неофициальным торговым китайским сетям какую-либо серьезную конкуренцию. И даже усиление европейского присутствия в регионе после захвата испанцами Филиппин и появления португальцев в Индонезии мало сказалось на сложившейся ситуации: китайские предприниматели успешно встраивались в новые политические структуры и продолжали оставаться неофициальными торговыми лидерами.

Правительство в Пекине не проявляло никакого интереса к их предприятиям, если они не затрагивали непосредственно территорию империи. Таким образом, экспансия китайских торговцев продолжалась не благодаря, а вопреки действиям официальных структур и ведомств. Жители крупных китайских поселений в других странах рассматривались как эмигранты, недостойные милости и внимания императора. Торговцы же, нарушавшие морские запреты, были объявлены правительством «пиратами» (*вокоу* — термин, обычно применявшийся к японским пиратам). Впрочем, ни запреты, ни нелегальный статус не мешали расцвету контрабандной торговли. Зачастую «пиратов» поддерживали и местные чиновники самых разных рангов.

Именно в этих условиях развивались отношения Китая с европейцами. Потенциально возникновению конфликтов и

непониманию сторонами друг друга способствовало множество факторов, начиная с различного отношения к вопросу о значимости внешней торговли, рассматривавшейся европейцами как источник богатства, а китайскими властями — как ненужная «ветвь», которую следует обрубить (что и делали морские запреты), и заканчивая разными представлениями о дипломатии. Для Китая постоянное посольство иностранной державы при императорском дворе было невозможным: китайский император мыслился в качестве правителя всего мира, поэтому в Поднебесной не могло быть равновеликого ему партнера. Именно поэтому приезд иностранных послов в Пекин мыслился лишь в традиционной форме прибытия «данников», которые, проникнувшись добродетелями правителя Поднебесной, должны были нести гуманность и просвещение в свои «варварские» периферийные государства. Несоответствие традиционной китайской системы построения внешних связей и принятых среди европейских стран дипломатических норм стало источником непонимания и трений между китайцами и европейцами с самого начала появления европейских кораблей у китайских берегов. В 1516 г. в Китай приплыл итальянец на португальской службе Рафаэль Перестрелло, а в 1517 г. — португальская эскадра Фернана де Андраде. Тогда же появился первый португальский посол Томе Пиреш, отправившийся в Пекин. В ходе этого посольства португальцы попытались получить факторию в Китае, но власти не дали на это согласия. После отказа возникли вооруженные столкновения, неизбежные в условиях действия «морских запретов». В 40-е гг. XVI в. португальцы самовольно захватили торговую базу вблизи Нинбо в Чжэцзяне и высадили колонистов.

Наибольшие усилия по реализации «морского запрета» были предприняты в 1547—1549 гг. Чжу Ванем, губернатором провинции Чжэцзян, когда он начал укрепление обороны побережья. В 1549 г. Чжу Вань выбил португальцев из Нинбо. После 1555 г. «вокоу» были также вытеснены им из прибрежных вод Цзянсу и Чжэцзяна в южном направлении — к Фуцзяни и Гуандуну. Но под натиском противников запретов морской торговли Чжу Вань вскоре был смещен со своего

поста и казнен. После этого нелегальная морская торговля вновь оживилась по всему юго-восточному морскому побережью. Конфликты и столкновения китайских властей с португальцами продолжались вплоть до 1557 г., когда с помощью подкупа местных властей португальцы получили в свое распоряжение город и порт Макао (Аомынь).

Пиратские флотилии из джонок в этот период доходили по Янцзы вплоть до Нанкина, и лишь в начале 60-х гг. XVI в. китайскому правительству удалось ослабить их натиск. Но действия «пиратов», наряду со сменой императора, принесли свои плоды: в 1567 г. Чжу Цзайхоу отменил запрет на сношения местного населения со всеми заморскими кораблями (кроме японских). Подобное исключение для японцев было связано с ростом активности «настоящих японских вокоу», которые в условиях очередного ослабления центральной власти в Японии с начала XVI в. активизировали свои нападения на побережья соседних стран, включая Корею, Китай и Юго-Восточную Азию.

Ослабел и «морской запрет» для самих китайских мореплавателей, что способствовало еще большему усилению частной торговли китайских купцов, к концу XVI в. охватывавшей практически все крупные порты стран Южных морей. Однако и после 1567 г. китайское правительство пыталось сохранить контроль над морской торговлей: все выходящие в море корабли должны были иметь письменное разрешение, патент, за который требовалось платить. По возвращении корабля с привозимых товаров также выплачивались налоги. Контролем внешней торговли теперь занимались в основном провинциальные губернаторы и чиновники: они вели сношения с европейцами, которых долгие годы не удостоивали приема при императорском дворе.

В результате отмены «морских запретов» количество китайских колонистов, поселившихся в портах стран Южных морей, значительно выросло по сравнению с началом XVI в. В Сиам и Сингапур ежегодно приходило более 100 китайских торговых кораблей. На Филиппинах в 1583 г. их насчитывалось около 200. Правда, в ходе репрессий 1603 г. испанцами было убито 23 тыс. китайцев, живших в Маниле. Но

китайское правительство по-прежнему остерегалось тех, кто покидал пределы страны, и не поддерживало никаких связей с обосновавшимися в странах Южных морей китайскими колонистами. Тем не менее, именно они оставались носителями той самой высокой культуры Поднебесной (пусть и не в ее классической форме), которая должна была, по мнению сторонников «изоляционизма», положительным образом влиять на «варваров» и их страны. Последние, правда, все меньше проявляли интерес к установлению отношений с Китаем в их традиционной форме. С 60—70-х гг. XVI в. регулярно двор в Пекине посещали лишь послы Вьетнама и Чампы.

Культура в поисках выхода

Кризисные явления в жизни империи Мин, как уже было отмечено, вызвали в XVI в. у части чиновников и ученых стремление исправить положение. Наиболее распространенной и официально признанной философско-мировоззренческой концепцией продолжало оставаться конфуцианство (а точнее — неоконфуцианство, в котором конфуцианская основа сочеталась с элементами даосизма и буддизма). Именно в его рамках проходило обучение в столичных и провинциальных школах и академиях, что не могло не сказываться на политических установках китайских чиновников, добросовестно изучавших классические тексты и проходивших через систему основанных на них экзаменов.

Все китайские «реформаторы» мечтали о возвращении к «идеалу древности». Необходимо было делать все возможное, дабы возвратиться к нему путем устранения всех «наслоений», «новшеств», «новаций», которые возникли после времен Яо, Шуня и Юя (легендарных императоров Китая, которых Конфуций считал воплощением «совершенного человека»). Следовало вернуть императору его древний облик «добродетельного» правителя и дать ему возможность придерживаться даосской концепции «недеяния», согласующейся с естественным ходом миропорядка. Чиновников следовало сделать честными, а управленческий аппарат —

работоспособным. Армия должна была стать сильной и многочисленной. Крестьян нельзя было чрезмерно эксплуатировать. А ремесленников, торговцев и предпринимателей необходимо ущемлять, дабы не дать возможности развиться их алчности, подрывающей основы традиционного социального порядка. Минимумом реально выдвигаемых традиционалистами требований являлось возвращение к временам основателя династии Мин — Чжу Юаньчжана. Чиновники и ученые настаивали на прекращении «нерегулярного» управления. Они хотели, чтобы император взял в свои руки государственные дела и решал их в соответствии с конфуцианскими нормами, опираясь на чиновников государственного аппарата, а не на фаворитов и евнухов. В частности, они требовали укрепить разложившуюся армию, на содержание которой у центральной власти не хватало ни сил, ни средств. Традиционалисты предлагали также прислушиваться к мнениям, выражаемым в поступающих «снизу» докладах. К концу XVI столетия центр деятельности сторонников возвращения к «идеалу древности» переместился из столичной Академии Ханьлинь в провинции, прежде всего на Юг.

Несмотря на то что с точки зрения неоконфуцианцев существовавший в Китае миропорядок не был идеальным, монголы нападали с севера, а пираты с востока, налоги были тяжелы, количество частных владений росло, жизнь в империи Мин, по мнению европейцев, во многих отношениях оставалась весьма комфортной. Невзирая на явное преимущество Запада в области изготовления огнестрельного оружия, навигации, а также в способах добычи и обработки металлов, многие китайские технологии еще долгое время превосходили европейские. К их числу относились чрезвычайно эффективные методы ведения сельского хозяйства, позволявшие худо-бедно кормить постоянно растущее население. (Возможно, именно с этими сельскохозяйственными технологиями связано более быстрое, по сравнению с Европой, распространение пришедших из Америки культур.) Не могли европейцы не обратить внимания и на китайскую технику ремесленного производства, в первую очередь на обработку шелка и хлопка, изготовление фарфора, производство

бумаги. В городах существовали крупные специализированные рынки самых различных товаров. Вся страна, включая отдаленные периферийные районы, была связана торговыми путями, по которым ремесленные товары попадали в дальние уголки империи. По этим же путям происходило распространение «культурных достижений» во все более отдаленные провинции.

К концу XVI в. значительно выросло количество издаваемых в империи книг. Среди них были труды самых различных жанров: от официальных исторических хроник и докладов чиновников, географических атласов и описаний зарубежных стран (первые из которых составлялись в период действия «морских запретов») до книг по фармакологии и медицине.

Наиболее известными литературными произведениями XVI в. стали романы «Путешествие на Запад» («Си ю цзи») и «Цветы сливы в золотой вазе» («Цзинь, Пин, Мэй»). В первом из них У Чэньэнь (1500—1582), считающийся автором «Путешествия», в форме фантастического сатирико-приключенческого романа описывает странствие буддийского монаха VII в. Сюаньцзана по Великому шелковому пути в Индию. В этом романе огромное внимание уделяется фантастическим персонажам, спутникам монаха — царю обезьян Сунь Укуну (фактически главному герою произведения), получеловеку-полусвинье и полулошади-полудракону. «Путешествие на Запад» пользовалось популярностью как во времена династии Мин, так и в последующие эпохи, причем не только в Китае. «Путешествие на Запад» считается одним из четырех классических китайских романов (наряду с «Троецарствием» и «Речными заводами», созданными в начале правления династии Мин, а также «Сном в красном тереме» XVIII в.). В отличие от «Путешествия», «Цветы сливы в золотой вазе» (автор этого романа неизвестен) высмеивают реальность китайской жизни XVI в. Главный герой — разбогатевший авантюрист Сымэнь Цин — проводит свою жизнь в развлечениях и пьянстве, окруженный шестью женами и множеством наложниц. Роман считается первым реалистическим произведением китайской литературы.

Архитектура XVI в. отразила общие тенденции: императоры и знать, интересовавшиеся больше развлечениями, чем государственными делами, строили роскошные дворцы и храмы с характерным изяществом внешнего декора. В это же время продолжалось возведение Храма Неба в столице и комплексов императорских погребений династии Мин. В живописи развивался традиционный китайский жанр «цветы и птицы», одним из самых известных представителей которого был Люй Цзи (1495—1576). Пожалуй, наиболее ярким художником конца XV—начала XVI в., рисовавшим как сценки из повседневной жизни, так и людей, пейзажи, цветы и животных, являлся Ду Чжин. Все большее распространение книгопечатания приводило к появлению первых книжных иллюстраций, в том числе и цветных гравюр.

Фарфор и керамика, предметы домашнего обихода из самых различных материалов в XVI в. отличались не меньшим изяществом, чем крупные архитектурные формы. Фарфор и керамику в этот период начали расписывать в технике монохромной цветной глазури (желтой, зеленой, черной, розовой, часто с прорисовкой ветвей растений и птиц). Сохранялась также появившаяся еще в конце XV в. техника дау цай («борьба цветов»), характерной особенностью которой являлось сочетание подглазурной росписи кобальтом с надглазурной красной, зеленой и желтой эмалевыми красками.

«Мандат неба» заканчивается

В конце XVI—начале XVII в. кризисные явления в империи Мин стали очевидны. Династический цикл подходил к концу, следовало ожидать всевозможных бедствий будущего «междоусобицы»: массовых народных восстаний, распада Поднебесной, анархии, борьбы с сепаратистами. Приближался и критический для средневековых китайских империй срок существования — 300 лет.

Император фактически полностью устранился от реального управления государством. Удельные князья вели себя все более независимо. В Поднебесной насчитывалось огром-

ное количество чиновников и еще больше — лауреатов экзаменационных конкурсов, желавших получить должности после сдачи экзаменов. Однако обеспечить всю эту бюрократическую армию имперское правительство уже не могло. В стране процветали частное землевладение и «теневая экономика», в то время как традиционный конфуцианский, а затем и неоконфуцианский идеал сильной государственной власти все больше превращался в недостижимую иллюзию.

Правда, кризис китайской государственности, как это не раз бывало, сопровождался некоторым экономическим развитием. Росли города. Шел процесс превращения в города торгово-ремесленных поселений, первоначально не имевших городского статуса, — *чжэней*. В конце XVI—начале XVII в. в крупных чжэнях проживало уже от 50 до 350 тысяч человек. Чжэни были настоящими городами европейского типа — центрами торгово-ремесленного производства и обмена, а не просто административными ставками. В наибольшей мере эти процессы были характерны для более развитых регионов в Центре и на Юге страны. Все больше крестьян, разоренных высокими налогами (их повышение было связано с ведением военных кампаний в Корее и против маньчжуров, например, за 1618—1628 гг. налоговое бремя возросло в два раза), переселялись в города и становились ремесленниками. Именно в этот период появились своеобразные городские «агломерации»: наиболее развитые города стали центрами притяжения для образования меньших торговых и ремесленных центров. Внутри городов существовало разделение производственной «специализации» между улицами и кварталами. Некоторые города были крупными центрами какого-то определенного производства: фарфора — Цзиндэчжэнь, шелковых тканей — Сучжоу и Ханчжоу, бумаги — Шитанчжэнь, производства изделий из железа — Фошаньчжэнь и др.

Наряду с государственным производством, сохранявшим главное значение, продолжается начавшийся в XVI в. бурный рост частного предпринимательства. На некоторых из частных предприятий работало по несколько тысяч наемных рабочих. В ряде отраслей, в первую очередь в производстве тканей, появляются рассеянные мануфактуры. В городах,

так же как и в сельской местности, функционировали определенные механизмы оказания взаимопомощи. В сохранении таких механизмов были часто заинтересованы богатые местные семейства, стремившиеся путем образования clientela сохранить свое неофициальное влияние.

Последним внешнеполитическим успехом империи Мин стало участие китайских войск в 90-е гг. XVI в. в борьбе с японцами, пытавшимися захватить Корею, а затем двинуться на Поднебесную (Имджинская война 1592—1598 гг., в которой Китай понес большие потери, но показал себя достойным «сюзереном», способным защитить сохранявшую лояльность Корею).

Тем временем европейское проникновение в Китай, пусть и сильно ограниченное властями, на какое-то время усилилось. В конце XVI в. в Поднебесную начали прибывать христианские миссионеры. Кроме религиозных, эти проповедники выполняли и определенные дипломатические функции, а также собирали различные сведения о Китае. В 1581 г. в Гуанчжоу появился итальянский иезуит Маттео Риччи. В 1601 г. он переехал в Пекин и приобрел большое влияние при дворе. Маттео Риччи обладал незаурядными лингвистическими способностями и умел запоминать и воспроизводить до 500 иероглифов, записывая их как в прямом, так и в обратном порядке.

В начале XVII в. Китай столкнулся и с усиливающейся активностью северных соседей. В 1618 г. в Пекине побывала первая русская миссия во главе с Иваном Петлиным, предложившая наладить посольский обмен и торговлю. На северных границах Китая также активизировались маньчжуры, завоевавшие в 1618 г. южные районы Маньчжурии и полуостров Ляодун, которые входили до того момента в состав Поднебесной. Правда, дальнейшее продвижение маньчжуров удалось остановить.

В 20-е гг. XVII в. у берегов Китая появились голландцы, захватившие сначала южную часть Тайваня, а в 1641—1642 гг. и весь остров. Однако на континент голландцам проникнуть не удалось. Чуть позже к Гуанчжоу приплыли английские корабли. Добиваясь права вести в Гуандуне тор-

говлю, англичане разрушили из корабельных орудий китайские укрепления в Хумэни около Гуаньчжоу. Но к этому времени внутренние проблемы тревожили жителей Поднебесной уже значительно больше, чем вопросы внешней политики.

Самым верным признаком надвигающегося конца династии Мин было почти неограниченное влияние евнухов на принятие политических решений. При императоре Чжу Юцзяо (1620—1627, храмовое имя — Си-цзун, девиз *Тянци* — «Небесное руководство») всеми делами в государстве управлял евнух Вэй Чжунсянь, произвол которого превзошел все бесчинства фаворитов предыдущих правителей. Сам Чжу Юцзяо проводил дни в увлечении плотницким делом. Тем временем, будучи главой Палаты жертвоприношений (Сылициянь), Вэй Чжунсянь передал в ее полное распоряжение все государственные дела, забрав их из Внутридворцового секретариата — Нэйгэ. Вэй Чжунсянь возглавил также сыскной орган «Восточная ограда» — Дунгуан, что дало ему возможность распоряжаться жизнью и смертью придворных и высших чиновников. Местные власти строили в честь Вэй Чжунсяня храмы и поклонялись размещенным там изображениям евнуха. В его честь выкрикивали здравицу: «9500 лет», приветствуя почти так же, как императора, которому желали 10 тыс. лет жизни.

Власть Вэй Чжунсяня закончилась со смертью его покровителя. Взошедший на императорский трон младший брат императора Чжу Юцзянь (1627—1644, храмовое имя — Сы-цзун, девиз *Чунжень* — «Возвышенное счастье») первым делом приказал всесильному фавориту совершить самоубийство и попытался в дальнейшем править самостоятельно. Впрочем, его инициативы оказались безуспешными: система управления была почти полностью разрушена. Казна государства была пуста, во многом благодаря тому, что Чжу Юцзянь, как и его предшественники, предавался безудержным увеселениям. Чрезмерная подозрительность, попытки вымогать подарки у своих же чиновников и государственных учреждений, а также излишняя жестокость не снискали императору любви среди подданных.

Часть чиновников и конфуцианских ученых продолжала оставаться равнодушной к происходящему в Поднебесной, что традиционно выражалось в подачах императору докладов с предложениями мер, способных спасти положение. Впрочем, как и в XVI в., к большинству выдвигаемых проектов не прислушивались. Значительную активность среди подававших доклады чиновников с конца XVI в. проявляла группа выходцев из провинциальной академии «Дунлинь». На формирование идей ее основателя Гу Сяньчэна в определенной мере повлиял торгово-промышленный Юг с его развитым ремеслом, торговлей и предпринимательством. В городе Уси (провинция Цзянсу в низовьях Янцзы) Гу Сяньчэн преподавал в местной частной академии «Дунлинь» и там сплотил вокруг себя группу единомышленников, вместе с которыми писал и распространял сочинения на политические темы. «Дунлиньцы» подавали доклады императору, поддерживая одних политических деятелей и порицая других. К ним присоединялись многие чиновники, в том числе и столичные.

Наряду с традиционными требованиями предлагали и нечто новое. Например, впервые в китайской общественно-политической мысли была выдвинута идея отмены публичных палочных избиений — требование определенного уважения к личности. И уж совершенно невиданными в китайской политической практике были предложения ослабления государственного контроля над частной торговлей и промышленной деятельностью и отмена государственных монополий. Подобные идеи шли вразрез с основной политической концепцией «поощрения ствола и обрубания ветвей». Эти предложения, с одной стороны, отражали влияние Юга, всегда в большей степени стремившегося приспособиться к новым жизненным реалиям, с другой — показывали, что и в среде чиновников, получавших традиционное неоконфуцианское образование, появлялось осознание того, что с проблемами можно бороться не только традиционными путями.

В начале XVII в., при Чжу Ицзуне, равнодушном к делам управления, группировке Дунлинь не удалось реализовать ни одного из своих предложений. Впрочем, один

из сторонников провинциальной Академии Дунлинь — Ли Саньцай, прославившийся как чиновник, сумевший во время своего губернаторства навести порядок в районе Хуайфу (провинция Цзяннань), стал в 1612 г. главой Ведомства налогов, что давало реформаторам определенные возможности для влияния на политический курс государства. Проанализировав ситуацию, чиновник предсказал серьезные проблемы с маньчжурами на Севере и значительную вероятность того, что в стране вскоре начнутся массовые крестьянские восстания. Но предлагаемые Ли Саньцаем меры были в глазах двора слишком радикальными. Большинство придворных хотело лишь вернуть эффективность существующей системе, а не перестраивать ее полностью. Деятельность Ли Саньцай оказалась парализована нерешительностью императора. Из-за многочисленных ложных обвинений в коррупции и превышении полномочий Ли Саньцай был вынужден уйти в отставку.

Но в кратковременное правление императора Чжу Чанло (1620, храмовое имя — Гуан-цзун, девиз — *Тайчан* «Великое Процветание») дуньлинцы получили определенную возможность действовать. Они оттеснили от управления евнухов, выдвинули на государственные должности своих людей, отпустили средства на оборону границ и, самое главное, реализовали одно из своих экономических предложений — отменили налоги на рудники. Однако через два месяца император Чжу Чанло был отравлен, а реформаторы отстранены от управления. Реальная власть перешла к евнуху Вэй Чжунсяню, все в стране потекло по-старому. Беспокойство вызывало лишь драматическое развитие событий на северных границах. Маньчжуры в 1621 г. взяли Ляоян. Срединному государству было практически нечего им противопоставить. Сторонники реформ вновь перешли в наступление. Императора убедили вернуть Ли Саньцай в политику. Правда, он был назначен лишь в южную столицу Нанкин, до которой так и не добрался, умерев по дороге от болезни.

И все же дуньлинцы пытались продолжать борьбу. Возглавивший в 20-е гг. дуньлинское движение после смерти Ли Саньцай Ян Лянь в 1624 г. подал доклад с перечислением

24 «больших преступлений» Вэй Чжунсяня. Но в итоге все- сильный евнух учинил расправу над дуньлиньцами, после чего движение сошло на нет. Император Чжу Юцзянь, попытавшийся в какой-то мере претворить предложения дуньлиньцев в жизнь, не добился значительных результатов, так как кризис было уже невозможно остановить. Волнения и бунты крестьян переросли в «крестьянскую войну», продолжавшуюся два десятилетия (1628—1647).

Крестьянская война и падение династии

Глубокий кризис вел к тому, что по всей территории Поднебесной множились шайки разбойников. В скором времени такие отряды насчитывали уже по несколько тысяч человек и могли представлять собой значительную угрозу для войск династии Мин, все еще пытавшихся справиться с возникающими беспорядками. Ситуация походила на замкнутый круг. Правительственные войска были непрестанно заняты уже не столько стычками с маньчжурами на Севере, сколько непрерывной войной против отрядов восставших. Для проведения этих операций требовались средства, что вело к росту налогов, а рост налогов, в свою очередь, вел к пополнению отрядов мятежников. Лидеры восстания раздавали народу захваченное продовольствие и деньги, что способствовало массовому переходу на их сторону местного населения в занимаемых ими провинциях. В ряды повстанцев вливались и беглые солдаты, имевшие навыки ведения военных действий.

Возможно, и существовали решения, способные изменить ситуацию, но правительство столкнулось с тем, что все «лучшие умы» и кандидаты на ведущие чиновничьи должности были устранены физически или ушли в подполье в ходе гонений на дуньлиньцев. Тем временем повстанцы в разных районах Поднебесной начинали осознавать необходимость координации собственных действий. В 1628 г. во главе 10 отрядов встал Гао Инсянь, ставший позднее первым признанным вождем восстания. В 1631 г. лидеры различных отрядов решили объединиться и начать действия против правитель-

ственных войск на нескольких направлениях, взаимодействуя друг с другом. Они прорвались на восток Поднебесной и подступили к Пекину, где лишь элитные части императорской гвардии, вооруженные европейским огнестрельным оружием, и правительственные силы из четырех соседних провинций смогли заставить восставших повернуть назад.

Неудача первой совместной операции привела к разобщению отрядов, которые разбрелись по разным провинциям. Но в 1635 г. руководители 13 отрядов повстанцев вновь собрались вместе в Хэнани и договорились о совместных действиях. С Юга, где находились основные силы движения во главе с Гао Инсянем, восставшие отправились на Северо-Восток и захватили среднюю столицу империи — Фэнъян, где разграбили и сожгли императорский мавзолей, захватив его сокровища. Но из-за поссорившихся друг с другом командиров отряды вновь разъединились, после чего правительственные войска перешли в контрнаступление. Возможно, их действия и привели бы к успеху, так как с частью главарей движения чиновникам Минов удалось временно договориться, взяв их на государственную службу. Но, судя по всему, Небо и впрямь перестало благоволить династии. На страну обрушился целый поток различных бедствий, вызванных не только изменением климата, сказавшимся на большей части Евразии, но и заброшенностью дамб, каналов и ирригационных сооружений из-за бездействия центральных и местных властей. Как следствие — засухи, неурожаи, голод, эпидемии, нашествия саранчи и т. д. Нападения маньчжуров с севера представляли собой все большую опасность для Поднебесной.

Все это доказывало восставшим, что династия Мин потеряла мандат Неба. Следовательно, борьбу против нее нужно было продолжить, дабы установить новую, здоровую и жизнеспособную династию, ведь в ходе почти таких же событий когда-то пришел к власти крестьянский император Чжу Юаньчжан. Лидеры восставших видели себя если не будущими императорами, то как минимум основателями своих собственных государств. Их воины за 10 лет войны уже разучились жить мирно. В 1639 г. спад народного дви-

жения сменился новым подъемом; во главе него встали бывшие сподвижники Гао Инсяня — Ли Цзычэн и Чжан Сяньчжун. Но для нанесения сокрушительного удара по империи повстанцам не хватало сил, прежде всего из-за бесконечной борьбы за лидерство в их рядах. План создания собственного государства казался тогда вождям восставших более реалистичным, чем захват Пекина. И Чжан Сяньчжун реализовал такой план.

В Сяньяне в провинции Хубэй он создал государственную структуру с привлечением множества чиновников и укреплением традиционной системы экзаменов. Затем перебрался в богатую и относительно спокойную провинцию Сычуань. В 1644 г. Чжан Сяньчжун захватил сычуаньскую столицу Чэнду, получил поддержку значительной части местного населения и провозгласил себя ваном Великого Западного государства (Дасиго). Новая власть попыталась найти поддержку у местных чиновников и создать хорошо функционирующую систему управления. Бедняки были довольны, так как Чжан Сяньчжун щедро раздавал деньги и распределял конфискованные у крупных землевладельцев наделы между крестьянами. Он не являлся правителем всей Поднебесной, но в истории Китая был период Троецарствия, когда ядром государства Шу-Хань (221—263) являлась именно Сычуань. Причем, согласно роману «Троецарствие», именно сычуаньский деятель Лю Бань стал носителем подлинной государственной мудрости. В его сознании могла укорениться мысль о том, что ван Сычуани ничем не хуже ванов Кореи, столетиями оказывавшихся не менее успешными, чем сами императоры в воплощении конфуцианских и неоконфуцианских идеалов.

Ли Цзычэн оказался более амбициозным, чем Чжан Сяньчжун. Титул князя он принял еще в 1636 г., притом что вел самый простой образ жизни. Как и остальные крестьянские вожди, с особым рвением он уничтожал оказывавших ему сопротивление удельных князей, богатства которых раздавал своим солдатам и местному населению. Собрав под своим руководством почти миллионную армию, главной силой которой являлась конница, Ли Цзычэн присвоил себе титул

Великого Полководца, Следующего Велениям Неба и Возрождающего Справедливость. В 1644 г. он нанес сокрушительное поражение правительственным войскам в Шэньси, захватил столицу этой провинции Сиань (Чанъань), после чего провозгласил себя императором Да Шунь. Воссоздав традиционные китайские структуры власти, введя систему экзаменов и приступив к чеканке собственной монеты, крестьянский император объявил Сиань своей западной столицей. Вскоре огромное войско Ли Цзычэна (600-тысячная конница и 400-тысячная пехота) начало наступление на Пекин. Население находившихся на пути следования победоносной армии областей, включая офицеров и чиновников, переходило на сторону нового императора. Правительственная армия, выступившая для защиты Пекина, попросту разбежалась, часть ворот распахнулась перед восставшими. Когда новый правитель вступил в столицу, Запретный город охватила паника, наследника престола спрятали, а императрица и наложницы Чжу Юцзяня покончили жизнь самоубийством. Сам император Сы-цзун удавил себя собственным шелковым поясом.

Ли Цзычэн, приветствуемый традиционными пожеланиями 10 тыс. лет жизни императору, сел на драконовый трон. Вполне возможно, что смена одной китайской династии на другую и состоялась бы, несмотря на немалое число сторонников династии Мин. Однако, начав свое правление в Пекине с массовых казней наиболее одиозных функционеров прежнего режима, обвиненных в коррупции (таких было более тысячи), Ли Цзычэн не смог удержать собственное войско, через несколько дней после входа в столицу учинившее разбой и грабежи. Различия между старой и новой властью в глазах населения начали стираться. Но вмешательство маньчжуров, сумевших воспользоваться борьбой внутрикитайских сил друг с другом, кардинально изменило ход событий.

Жившие на северных границах империи Мин маньчжуры возводили свое происхождение к чжурчженьским племенам, когда-то создавшим на Севере Китая династию Цзинь («Золотая», 1115—1234), которая впоследствии была свергнута

монголами. Маньчжуры, угрожавшие Китаю в XVII в., были объединением племен под властью хана Нурхацы (1616—1626), взявшего для своей новой династии старое название Цзинь. Ведущую роль в маньчжурском государстве играли члены правящего «Золотого рода» (Айсинь Гиоро), влияние которых на политические решения непосредственно зависело от количества подчиненных им «знамен» — больших подразделений маньчжурской конницы. Закованные в надежные панцири, способные к быстрой переброске сил на значительные расстояния, маньчжуры представляли собой серьезную угрозу как для своих кочевых соседей в монгольских степях, так и для оседлых народов, живших к югу от их владений, — жителей Китая и Кореи. Уже упоминавшийся захват Ляодуна в 1621 г. был одним из первых серьезных достижений маньчжуров, переходивших от разорения территорий к закреплению на них.

При следующем хане Абахае (хан в 1626—1643 гг., с 1636 г. носил монгольский императорский титул «богдохан») большую роль играл один из его братьев талантливый полководец Доргонь (1612—1650). Походы на Срединное Царство 1636 и 1638—1639 гг. оказались для маньчжуров чрезвычайно удачными: было уведено много тысяч пленников и голов скота, крупные и мелкие города, оказывавшиеся на пути у войска кочевников, были захвачены и подверглись грабежам. Тем временем само маньчжурское государство было в 1636 г. переименовано в империю Цин («Чистую»). Столицей маньчжуров являлся Мукден. Правящие круги новой империи (в достаточной степени китаизированные, но сохранявшие и свою «варварскую» с точки зрения китайцев культуру) начали вынашивать планы захвата Поднебесной.

Неожиданная смерть Абахая в 1643 г. привела на трон Цин малолетнего наследника, выбранного членами правящего «Золотого рода», шестилетнего богдохана Фулиня (1643—1661). Вопреки правилам престолонаследия, принятым у маньчжуров, часть членов правящего рода хотела сделать императором Доргоня, видя в нем сильного и талантливого правителя. Но сам Доргонь отказался от возможности наследовать брату. Смуты из-за наследования престола, на

которую могло бы надеяться правительство Поднебесной, не произошло.

Маньчжурам противостояла достаточно сильная армия, которую династии Мин удалось сохранить на северных границах. Расположенная около Великой стены в Шаньхайгуане 120-тысячная Восточная армия под командованием опытного военачальника У Саньгуя была приблизительно равна по численности силам маньчжуров (их насчитывалось около 140 тыс.) и вполне могла оказать им достойное сопротивление. Кочевники стремились склонить китайского военачальника на свою сторону. Тот, в свою очередь, был вынужден вести с противником переговоры, так как правительство Мин надеялось заключить хотя бы временный мир на Севере, чтобы разгромить повстанцев. Еще более желанным развитием ситуации было бы согласие конницы маньчжуров на участие в военных действиях против крестьянских армий, за что Пекин обещал щедрое вознаграждение и передачу части земель для расселения маньчжурских семей.

Ситуация резко изменилась после захвата Пекина Ли Цзычэном. Армия У Саньгуя, оставаясь на стороне законной династии Мин, представляла для восставших серьезную опасность. Переговоры Ли Цзычэна, провозгласившего себя императором, с пограничным главнокомандующим не привели ни к каким результатам. Поэтому новый император отправился с половиной своих войск (400 тыс.) в поход на север. Казалось бы, судьба не пожелавшего подчиниться новому императору полководца была предрешена. Но У Саньгуй принял неожиданное решение. Он прошел унижительную для китайца «языческую» и варварскую процедуру принесения клятвы верности богдохану, сменил пучок на маньчжурскую прическу (сбритые выше лба волосы и коса), перешел на сторону врага и, объединив силы, разгромил Ли Цзычэна.

Появление маньчжурских сил во время битвы повстанческого войска с Восточной армией, когда силы Ли Цзычэна начали одерживать верх, стало для крестьянского императора неожиданностью, и это решило исход сражения. Остатки войска Ли Цзычэна, преследуемые силами У Саньгуя, отступили в Пекин, откуда вскоре повстанцы были вынуждены

уйти на Юго-Запад, так как население столицы теперь относилось к ним крайне враждебно, а запасов продовольствия не хватало.

Тем временем Доргонь, стремившийся захватить хорошо укрепленный Пекин с миллионным населением без длительной осады и боев, пошел на хитрость. Воспользовавшись объявлением У Саньгуя о том, что в город вскоре прибудет законный наследник династии Мин, которого нужно встречать торжественным образом за воротами города, регент маньчжуров неожиданно приказал минскому военачальнику отступить. Понимая, что за Доргоном следует мощная маньчжурская армия, китайский полководец вынужден был подчиниться приказу. Не имеющее ни малейшего представления о произошедших событиях население Пекина в назначенный день ожидало правительственные войска и наследника Минов. То, что вместо них через другие ворота въехали маньчжуры и без сопротивления заняли Запретный город, пекинские чиновники осознали лишь через какое-то время. Впрочем, они быстро приспособились к сложившимся обстоятельствам, выразили свою полную поддержку маньчжурам и предложили Доргонию императорский престол, от которого тот вновь отказался, сохраняя верность племяннику.

В октябре 1644 г. Фулинь был провозглашен императором новой династии Поднебесной — Цин, столицей которой стал Пекин. Маньчжуры тут же попытались ввести в городе свои порядки, требуя, в частности, смены китайских причесок и одежды на маньчжурские. Но далеко не вся Поднебесная была готова подчиниться власти варварской династии. На китайской территории сохранялись государства, созданные командирами повстанцев. Кроме того, был провозглашен новый император из династии Мин. И, хотя на окончательное подчинение Срединного государства своей власти династия Цин потратила почти 40 лет, начался новый династический цикл китайской истории — время империи Цин, последней в китайской истории.

Но она и хронологически, да и типологически никак не принадлежит Средневековью.

А В ЭТО ВРЕМЯ...

«ПОСЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ». ПОРОХОВЫЕ ИМПЕРИИ И НАЧАЛО ДОМИНИРОВАНИЯ ЗАПАДА

Если расширение европейского понятия «Средние века» на другие регионы Ойкумены нуждается в обоснованиях, то термин «Новое время» или, точнее, «раннее Новое время», распространяемый на весь мир, вызывает меньше возражений. Уже сам факт объединения мира в ходе Великих географических открытий существенно повлиял и на расстановку политических сил, и на условия жизни людей. Старый Свет познакомился с арахисом, бататом, маисом, табаком, какао — культурами, которые уже к концу XVI в. пополнили рацион питания как на Востоке, так и на Западе. Народы Нового Света заплатили за глобализацию страшную цену — погибли их древние цивилизации, население катастрофически уменьшилось, прежде всего от болезней, завезенных европейцами.

Новое было не обязательно связано с Западной Европой. Беспрецедентным было объединение чуть ли не всего Индийского субконтинента под властью империи Великих Моголов.

То, что со времени Ивана III начинается принципиально новый период российской истории, почувствовали соседи Великого князя и на Западе, и на Востоке. Османская империя, правда, начала свой взлет раньше, но в XVI—XVII вв. она находилась в зените своей мощи, простираясь от Атласских гор до Ефрата; армии султана несколько раз опустошали Австрию, а в XVII в. распространили османскую власть на часть Украины и захватили Крит.

При Шахе Аббасе I Иран сумел в 1622 г. отвоевать у португальцев Ормуз, важнейшую крепость в Персидском заливе (в этом персам помогли англичане). Шах Аббас воевал то с бухарским ханом, то с турецким султаном и вошел в историю как деспотичный, но величественный правитель. Борясь с турками за Закавказье, он переселил, не считаясь с жертвами, многочисленную армянскую общину в пригород своей столицы Исфахана, желая более жестко контролировать финансовые потоки международной торговли армянских куп-

цов. Новая Джульфа, названная так в память о разоренном Аббасом городе Джульфа в Нахичевани, славилась многочисленными церквями, учебными заведениями и типографией. Аббас, как ревностный шиит, преследовал суннитов, но был вполне терпим к христианам разных конфессий. Он одним из первых признал новую династию Романовых, выдав разоренной смутой стране беспроцентную ссуду, а после передал и реликвию Ризы Господней, вывезенную персами из Восточной Грузии.

Относительную веротерпимость проявляли и правители империи, основанной в Индии тимуридом Бабуром, которую европейцы называли «империей Великих Моголов». Ее правители именовались на иранский манер падишахами, и персидский язык был языком делопроизводства, сами же падишахи сохраняли свой тюркский (чагатайский) язык и время от времени переправляли бухарским ханам деньги на реставрацию усыпальницы Тимура и мечетей Самарканда. Внук Бабура падишах Акбар (1556—1605) выбирал советников как из числа мусульман, так и индусов, он отменил налог на неверных — *джизью*, поощрял перевод на персидский язык индийских трактатов и сам выступал в роли переводчика. Его военные и дипломатические таланты позволили ему утвердить свою власть в Бенгалии и Гуджарате. Наибольшего расширения границ империи добился Аурангзеб (1658—1707), под его властью находилась практически вся Индия, за исключением крайнего юга. Но, правя так же долго, как и Акбар, он отказался от веротерпимости, ужесточил *джизью* (которую начали восстанавливать уже в первой половине XVII в.), разрушал индуистские святыни, преследовал и мусульман, которых считал еретиками, например, сторонников суфизма. В результате против него восставали сикхи, раджпуты и маратхи. После смерти Аурангзеба, взявшего себе титул Аламгир — «покоритель вселенной», его империя стремительно покатила к упадку.

Государство Великих Моголов, Иран и Османскую империю называют «пороховыми империями» — их могущество покоилось на обладании осадной артиллерией и профессиональной армией пехотинцев, оснащенных огнестрельным

оружием. Необходимым условием, конечно, являлось наличие централизованного аппарата управления. Такие империи могли подавить местный сепаратизм, мятежи аристократов и теснить кочевников. Термин этот принят не всеми, и, кроме того, ведутся споры, насколько этому определению соответствуют Китай и держава русских царей, ведь изначально термин появился лишь для обозначения исламских империй — османов, сефевидов, моголов.

Важно, что кочевые империи, некогда представлявшие постоянную угрозу для предшественников империй «пороховых», ушли в прошлое. Кочевые и полукочевые племена еще будут играть немалую роль, особенно в период смут. Полукочевые племена маньчжуров во время крестьянской войны завоевали Поднебесную. Конница Девлет-Гирея выжгла Москву в 1571 г., опозорив царя, погрязшего в опричном терроре и безнадёжной Ливонской войне. Ослабление Сефевидов отдало Иран в руки выходцев из племенной знати. Но, сколько бы ни проживало в Персии кочевников, речь уже не шла о кочевых империях, а наступление на Великую степь было неотвратимым. Русские засечные черты продвигались все дальше на Юг и Юго-Восток. Империя Цин, напротив, сделала Великую Китайскую стену ненужной, навсегда покончив с кочевыми империями, сняв опасность, веками тяготевшую над Поднебесной. «Ивовый палисад» возводился Цинами уже с административными целями, дабы запретить китайцам проникать в закрытую для них Маньчжурию.

Интересный пример представляла собой Япония, которую историки традиционно любят сопоставлять с Западной Европой. В Японии «эпохи воюющих провинций» соперничество между дайма и их борьба с сегунами сопровождались бурным развитием на местах. Рост городов и обретение ими определенной независимости, подъем товарности хозяйства, включение Японии в морскую торговлю повлекли за собой много инноваций в жизни островов. Японское общество оказалось способным усваивать новые изобретения.

В 1543 г. ураган прибил корабль португальских купцов к берегам острова Танэгасима. Местный дайма заинтересовался европейскими аркебузами и велел своему оружей-

нику изготовить такие же. Вскоре японские ружья — *тэнпо* — стали производиться в массовом порядке, их конструкция была усовершенствована (на случай дождя на казенную часть надевался лакированный чехол, чтобы не отсырел фитиль). Полководец Ода Набунага обучил солдат, набранных из крестьян, чередовать шеренги и вести непрерывный залповый огонь. В сражении при Нагасино (1575 г.) был расстрелян цвет самурайской конницы. Войска центрального правительства при помощи огнестрельного оружия громили коалиции даймё, брали штурмом ранее неприступные крепости и монастыри. Вторжение в Корею оказалось менее удачным — на помощь Корее пришла империя Мин, а множество японских кораблей было уничтожено обшитыми железом *кобуксонами* — «броненосцами» адмирала Ли Сунсина.

Новым сегунам из рода Токугава, раз и навсегда отказавшимся от экспансии на континенте, удалось завершить подчинение всей страны. Последним эпизодом было подавление восстания христиан в 1638 г., когда голландский флот оказал помощь в осаде твердыни повстанцев. Объединенная Япония свыше двух веков прожила без войн, закрывшись от иностранцев. Лишь голландцам разрешалось держать факторию на крохотном острове Дадзима: он был искусственным, насыпным, дабы нога чужеземцев не оскверняла землю Японии.

При Токугава исчезли полунезависимые города и самоуправляющиеся гильдии, крестьяне были фактически прикреплены к земле. Социальная структура стала более простой и унифицированной. Установив мир, Токугава строго запретила сначала простолюдинам, а затем и вообще всем жителям Японии хранить *тэнпо*. Самурайская идеология была несовместима с использованием огнестрельного оружия. То, что крестьянин с его помощью мог убить благородного воина, угрожало незыблемости социальной иерархии. Во второй половине XVII в. изготовление ружей было полностью запрещено, и постепенно японцы разучились производить огнестрельное оружие, оставив порох лишь для фейерверков. История японских *тэнпо* является классическим примером обратимости технического прогресса. Использование воен-

но-технических инноваций обеспечило в эпоху Эдо политическое объединение и стабилизацию, что дало затем возможность властям блокировать опасные новшества, коль скоро внешней угрозы не существовало.

Большинство европейских монархов, как и Токугава, считали себя рыцарями, чья «идеология меча» отвергала аркебузы. Но ни у одного из правителей Запада не было возможности запретить новое оружие или выйти из «гонки вооружений», слишком жестким было военно-политическое соперничество в Европе. Хотя ценности общества и предписывали борьбу за незыблемость социального порядка, на Западе силы, стоявшие на страже традиции, оказались не на высоте именно из-за отсутствия политического единства региона.

И даже в условиях вполне реальной турецкой угрозы, когда полчища Сулеймана Великолепного дважды подходили к Вене, консолидации Европы не происходило. Скорее, турки стали фактором, препятствовавшим созданию общеевропейской империи и воссозданию единства церкви. Император Карл V, он же король Испании (и всех ее новых владений), не мог одолеть своего главного соперника — короля Франции, заключившего союз с турками. В начавшейся Реформации Лютера поддержали многие немецкие князья, но император, желая восстановить единство католической веры, не мог обрушить на князей-лютеран мощь своих репрессий, прежде всего потому, что турки угрожали его родовым владениям — Австрии, и для борьбы с ними нужно было согласие князей.

То здание, которое историки назовут затем абсолютизмом, вынужденно, по необходимости строилось на основе права, а не только с опорой на военную силу, хотя бы потому, что на силу в Европе всегда находились другие силы.

Успехи Реформации стали стимулом к проведению реформ (Контрреформации) в лоне католической церкви. В некоторых странах Европы вспыхнули религиозные войны. Где-то безоговорочно победили протестанты, где-то католики. Но в некоторых странах, где так и не удалось установить единоверия, раньше других пришлось отказаться от идеи веры как главной «скрепы» государства. Как результат — воз-

никновение новых политических теорий, по-новому объясняющих принципы политического и социального устройства. Англия, Франция, республика Соединенных Провинций, некоторые области германского мира — здесь будет биться пульс научной и политической мысли в следующие два столетия.

Главным козырем Европы была обращенность к морю. Кочевникам не надо было учиться воевать на коне, жителей побережья Атлантики не надо было обучать кораблестроению и навигации. Плавание в Атлантике намного сложнее, чем в Индийском океане, поэтому обогнувшие Африку португальские каравеллы, да еще оснащенные пушками, сразу показали свое превосходство. Европейцы не переставали совершенствовать маневренность флота и умение вести артиллерийский огонь, что достигалось слаженностью действий матросов и канониров. В XVII в. блестящие эскадры Пиренейских стран будут превзойдены флотами Голландии, Англии, а затем и Франции. Флот стал важнейшим компонентом «Военной революции», развернувшийся на Западе.

Война на суше требовала более решительной перестройки. Слишком живучи были рыцарские представления о войне как о поприще бескорыстной отваги и подвигов благородных всадников. Но уже сражения XVI в. приучили к тому, что человек, в том числе и благородный, лучше воюет за деньги, причем сражаясь в пешем строю. Последнее прекрасно демонстрировала непобедимая испанская пехота. Но решающим стал рубеж XVI и XVII вв., когда после нововведений Морица Оранского европейская армия становилась управляемой в бою. Дисциплина, постоянные тренировки и муштра вели к тому, что пехота, а впоследствии и конница могли выполнять сложные маневры по приказу командующего. Воинские подразделения представляли собой отлаженный механизм, способный вести организованный и непрерывный огонь из мушкетов. Для слаженных действий на поле боя нужны были постоянные военные упражнения, и потому солдаты уже не распускались на период мирного времени. Место выбывшего воина тут же занимал другой, знавший весь алгоритм действий. Параллельно шел важный процесс

унификации вооружений, что было выгодно и производителям оружия, гарантировало им постоянные заказы больших партий. Единообразие вооружения, формы и поведения солдат способствовало достижению нового качества ведения войны. В России голландские военные наставления в 1647 г. легли в основу устава Алексея Михайловича «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Рано столкнувшись с европейскими армиями, русские цари оказались внимательными учениками, вводя «полки иноземного строя». Этим они отличались от османских султанов, одержавших слишком много побед над неверными, чтобы учиться у них военному искусству. Да и янычарский корпус блокировал любые изменения, иницилируемые в военном деле слабеющей властью султанов.

Необходимым элементом «военной революции» была фортификация. Города научились бороться с артиллерийским огнем, их гордые стены были заменены приземистыми земляными насыпями, бастионами, эскарпами и рavelинами. Такое крепостное строительство было эффективно, но многократно увеличило военные расходы, не говоря уже о том, что содержание регулярной армии и боевых кораблей также требовало огромных денег.

Оказалось, что война между европейскими державами требует теперь принципиально иного финансирования. Основные средства поступали от сбора налогов, и государства постепенно изымали в свою пользу все большую часть доходов подданных, к чему последние не привыкли и грозили бунтами. Однако наличие регулярной армии позволяло справляться с этими угрозами, особенно — в XVII столетии. Главным было выстроить эффективную фискальную систему, но так, чтобы не подорвать возможности экономического развития страны.

Но налоги собирались медленно, а деньги требовались быстро. Их занимали у банкиров. Трудно представить себе богатого купца, отказавшегося помочь султану, падишаху или царю. Постоянное вмешательство власти удерживало накопление частного капитала на определенном уровне. На Западе власть рынка даже над самыми могущественными

монархами стала реальностью. Король распоряжался лишь в своей стране, а деньги не признавали границ. Конечно, между монархом и банкирами отношения не всегда складывались блестяще, но побеждали чаще всего последние. Правители обращались к банкирам, королевские долговые обязательства начинали котироваться на фондовых рынках в Ливоне, Безансоне, Пьяченце, на бирже в Антверпене. В XVII в. мировым финансовым центром становится Амстердам, позже его начнет догонять Лондон.

Деньги же в Европе были. Помимо доходов от производства, главные богатства поступали из-за моря. Их источником был прямой грабеж, эксплуатация рудников Нового Света, а после — плантационное рабство. Но за счет доминирования на море европейцы сумели выстроить несколько «торговых треугольников». Запад пока не мог предложить достаточно товаров, востребованных в Азии, но он занимался, как тогда говорили, «торговлей из Индии в Индию». В Индии, например, закупались опиум и ткани, которые шли в Малакку, где оставлялась часть тканей, предназначенных для материковой и островной части Юго-Восточной Азии. Там корабли загружались пряностями и с этим грузом направлялись в Китай, где тайно сбывали опиум и покупали шелк, который обменивали в Японии вместе с индийскими тканями и европейскими товарами на серебро и олово, столь необходимое для литья бронзовых пушек. Там же закупали мечи, фарфор и жемчуг для Малакки, Гоа и Европы. Затем, возвращаясь в Европу через Малакку, снова грузились пряностями. Морское господство позволяло быть монополистами, конкуренции следовало опасаться лишь со стороны других европейских стран.

Деньги, скапливавшиеся в Европе, «искали, где лучше». Пока короли предлагали высокий процент по своим займам, кредиторы скупали их долговые обязательства, хотя высокий процент свидетельствовал о ненадежности этих вложений. Деньги вкладывались в торговлю. Она была рискованным делом, однако развитие морского страхования снижало риски. Но от колебаний конъюнктуры и изменений торговых маршрутов никто застрахован не был.

В таком случае деньги вкладывались в производство или горное дело, в покупку земель. Однако если здесь доходность опускалась ниже 6 %, что было неизбежно без новых вложений, то деньги вновь начинали «искать, где лучше».

В конце XVII в. на растущем Амстердамском фондовом рынке бумаги Ост-Индской компании, бумаги Лондонского и Амстердамского банков раскупались хорошо, они считались надежным вложением, даже если приносили 4 % годовых. Таким образом, английский король, чей бюджет был в конце концов поставлен под парламентский контроль (и потому монарху можно было верить), получал займы под невысокий процент. А королю-солнцу Людовику XIV никто менее чем под 18 % ссуд не давал. Это объясняет общий неутешительный исход войн победоносной и хорошо организованной французской армии конца XVII—XVIII вв.

Но это означало, что и английские, и голландские предприниматели не могли сказочно разбогатеть на финансовых спекуляциях и правительственных займах, поэтому их капиталы перетекали в промышленность и бурно развивавшееся сельское хозяйство. Доходы, которые они извлекали, не были меньшими, чем от королевских займов, и обладали большей надежностью. В этом была одна из причин развернувшегося в этих странах аграрного и промышленного переворота.

Обе страны оказались в ядре экономической Мир-Системы. Обилие финансовых ресурсов обеспечило этим странам достаточную силу для поддержания своих колониальных империй и отражения внешних угроз без особого напряжения сил. Здесь и возникают либеральные принципы управления экономикой. Примечательно, что обе страны не будут привержены меркантилизму; отстаивая свободу торговли, обе проявляли реальную веротерпимость, предоставляли убежище эмигрантам всех мастей и первыми официально разрешили открытие синагог новым иудейским общинам.

Однако чем меньше у государств было финансовых возможностей, тем чаще их правители должны были прибегать к принуждению, чтобы «идти в ногу со временем». Когда-то страны, сопредельные средневековым кочевым империям, оказывались перед выбором — ответить на вызов, создав

мощное государство, или быть ими завоеванными. Теперь же надо было предпринимать не меньшие усилия, чтобы устоять в мире, где произошла «Военная революция», подкрепленная экономической мощью передовых стран. Выход виделся в том, чтобы, усиливая государство, командными методами преобразовывать общество и хозяйство, создать новую армию, использовать иностранные капиталы, технологии и знания к своей выгоде, чтобы защитить свои земли, а при возможности и самим поживиться за счет соседей. Территории стран, не успевших вовремя перестроиться, начинали быстро осваиваться соседями экономически, а затем и политически.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

КРУГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ ИЛИ ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ?

(ЧТО СКАЗАЛ БЫ МАГРИБСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ
О КИТАЕ)

Более чем вероятно, что читатель, добравшийся до конца нашей книги, будет утомлен монотонностью повествования. Как на карусели, мелькают одни и те же картинки: приход к власти — расцвет могущества — попытки реформ — кризис — восстания, наводнения, нашествия варваров — утрата Небесного мандата. Если бы не вставки, призванные синхронизировать китайскую историю с историей мировой, то ощущение *déjà vu* было бы еще сильнее.

Во многом такое однообразие задано характером источников. Китайская государственная традиция является на нашей планете самой древней из непрерывных. И точно такой же является китайская традиция историописания. Из века в век историю Поднебесной писали люди, получившие одно и то же образование, обладавшие одной и той же картиной мира, одинаковыми ценностными ориентациями. Они писали по одним и тем же правилам, ориентируясь на общие образцы, используя одинаковые стереотипы.

Схожие явления можно найти повсюду в мире. Средневековые миссионеры описывали нравы язычников — пруссов или полабских славян — в тех же терминах, что и римские писатели, повествующие о древних германцах. Но в Европе традиции и прерывались чаще, и не были унифицирован-

ными. Рассказы одних хронистов почти всегда можно проверить рассказами других современных им историков. Но, главное, доступны иные источники — жития святых, дневники, мемуары, актовый материал. В Китае же преобладание официального исторического нарратива над другими типами источников пока²⁹ выглядит подавляющим. А имперская историография всегда ориентирована на стабильность и повторяемость — в мире ничего радикально нового не происходит, разве что древняя добродетель слабеет и нравы портятся.

Однако циклизм китайской истории не объясняется лишь историографическими моделями, он существовал и в реальности.

История имела свойство повторяться далеко не только в Поднебесной. В наших экскурсах в историю средневековой Ойкумены мы постоянно вели диалог с автором, чье имя почти не называли. Речь идет о знаменитом магрибском мыслителе Ибн-Хальдуне (1332—1406). Судья, дипломат, философ и историк, он служил правителям Туниса и Марокко, Аль-Андалуса, Египта и вел беседы с самим Тимуром.

Сегодня Ибн-Хальдуна называют «отцом социологии», «отцом экономической науки», писал он трактаты по праву, формальной логике, обсуждал учение суфиев, но самое цитируемое его произведение — «Книга назидательных примеров по истории арабов, и персов, и берберов, и их современников, имевших большую власть». Она открывается разделом «Введение о превосходстве науки истории», в котором описываются основные циклы истории государств, расположенных рядом с жителями «открытых мест» — кочевниками.

Важнейшую роль в построениях этого историка играет понятие *асабия*, которое можно перевести как «отвага», «доблесть», «спаянность», «коллективная солидарность» или «воинская сплоченность». Наиболее развита асабия у бедуинов, живущих суровой и опасной жизнью, впрочем, такими качествами могут обладать и племена горцев. Если соседнее государство богато, но лишено добродетелей и воинской силы, оно легко становится добычей этих воинственных доblesных племен.

«Знай, что, поскольку жизнь на открытом пространстве... является причиной мужества, то неудивительно, что данный дикий народ мужественнее, нежели другой, способнее к тому, чтобы обрести преобладание и вырвать из рук других народов все, что пожелает.

Но и внутри одного народа положение дел меняется с течением времени. Переходя в зажиточные местности, начиная благоденствовать и привыкать к изобилию средств поддержания жизни, он теряет мужественности настолько же, насколько уменьшается его дикость и жизнь на открытых пространствах...»

Отвага и асабия уходят в прошлое, дети и тем более внуки завоевателей становятся изнеженными и жадными, вкусив богатства и роскоши завоеванной страны. Они заботятся только о себе и о своем благе, угнетают покоренное население, увеличивая налоги и порождая к себе ненависть. И вскоре их государство гибнет под ударами другого, более мужественного и более спянного народа.

Ибн-Хальдун утверждает, что в среднем срок жизни государства не превышает трех поколений (срок деятельности каждого поколения составляет, с его точки зрения, 40 лет), за это время асабия исчезает полностью — и государство не может себя защитить.

Наблюдения магрибца разнообразны и интересны. Он пишет и о пропорции между доходами с тяглого населения с одной стороны, размерами и аппетитами элиты — с другой. Когда эта пропорция нарушается, знать и чиновники стремятся забрать для себя и тот доход, который необходим для защиты государства и поддержания его благосостояния. Он входит в детали отношений между оседлыми и кочевыми народами, пишет о роли ислама и вообще — религиозного энтузиазма, способного сплотить разрозненные племена даже крепче родственных уз.

В странах Магриба, Леванта, Центральной Азии все шло так, как описал Ибн-Хальдун. Западная Европа довольно рано вырывается из этого круговорота. Но насколько наблюдения мудрого магрибца могут быть применимы для Китая?

Китайские мудрецы с ними в основном согласились бы. Они сами говорили, что варвары угрожают только тому государству, где угасла добродетель, а также о том, что «счастье варваров редко длится более ста лет». Все империи той эпохи: Северная Вэй — империя народа тоба, Ляо — «Железная империя» киданей, Цзинь — «Золотая империя» чжурчженей, Юань — «Предначальная империя» монголов — повторяли путь, обозначенный Ибн-Хальдуном и в какой-то мере учтенный империей Цин, которая старалась не давать маньчжурам забыть родину и доблесть, а также препятствовала смешению культур завоевателей и завоеванных.

Современные макросоциологи любят применять законы Ибн-Хальдуна и ко всему Китаю, рассчитывая срок, необходимый для того, чтобы перепроизводство элит (знати, чиновников, монахов) вызвало бы серьезные трудности в жизни империи — разрушение дамб, сокращение поступления налогов, восстания и вторжения.

И все же в истории Китая было нечто, не охваченное пытливым умом магрибского историка. Прежде всего — бюрократия. Ибн-Хальдун невысоко ставил чиновников, с его точки зрения, неспособных эффективно управлять хозяйственной жизнью, склонных к коррупции. Но он не сталкивался с настоящим, потомственным имперским чиновничеством, обладавшим развитыми представлениями о долге и чести, спаянным узами корпоративной солидарности, не уступающим асабии бедуинов. Среди китайских шэнши могли попадаться коррупционеры, бездарности, интриганы. Но именно эта среда каждый раз спасала китайское государство, порой возрождая его из пепла, как птицу Феникс. Вспомним последнюю из рассмотренных нами династий — Мин. Чиновники знали, что за несогласие с мнением императора или его очередного временщика их ждет суровое наказание. Но все равно год за годом подавали петиции, указывая на беспорядки и предлагая меры по их искоренению. За это их ссылали, били палками, казнили, а они все равно продолжали высказывать свою точку зрения, согласно конфуцианскому и легистскому пониманию о благе. Уже за одно это они достойны уважения и были почитаемы в народе. Честный чиновник,

бросающий вызов несправедливости, — вот кто часто становился лидером восстания, а еще чаще — героем литературного произведения. Чиновники могли выступать консервативной силой, препятствующей преобразованиям, но могли и затормозить неминуемый распад страны.

Любопытно, что Ибн-Хальдун, придавая большое значение уровню развития цивилизации, не учитывал такой фактор, как этнокультурная идентичность и способность населения ее отстаивать, даже тогда, когда государство не могло этого делать. Вспомним отчаянные попытки «китайского реванша» во времена Лючао или решительное сопротивление чжурчженям населения Южной Сун вопреки воле правительства. Китайский народ никогда пассивно не ожидал решения своей участи и не мирился с господством чужеземцев, даже если у тех была высока воинская сплоченность и даже если они и пытались учитывать традиции китайской государственности.

Надо сказать, что сам Ибн-Хальдун вовсе не был фаталистом, описывая судьбы государств. Он давал советы правителям, как избежать ослабления государства, причем советы лежали как в юридической, так и в экономической плоскости. Он видел, что разделение труда может дать дополнительную прибыль, что правитель должен уважать право собственности и не злоупотреблять порчей монеты. Возможно, если бы он ознакомился с историей Поднебесной, он смог бы оценить роль внезапных прорывов в развитии производительных сил. Мы не раз наблюдали, как качественные изменения в технологии рисосеяния или освоение новых культур — сорго, картофеля, арахиса, подсолнечника, маиса — существенно влияли на демографическую ситуацию. Технологические инновации в военном деле, ремеслах и промыслах, изменения торговых путей если не полностью избавляли китайскую историю от повторяемости, все же делали ее менее предсказуемой.

Но главной сферой, где происходили подлинные прорывы и вместе с тем обеспечивалась непрерывность развития, была культура. Несмотря на свою ориентированность на образцы, она не перестает удивлять наблюдателя. Часто культура

тщательно устанавливает рамки, чтобы потом их нарушать. Только знакомство с ней позволяет избежать представления о монотонности китайской истории. Фантастическая глубина философской мысли, синтез искусств, наук, учения о государстве, стремление к следованию канонам и при этом чествование творцов, принципиально эти каноны нарушающих, — все это опровергает претензии Запада на монополию в инновационном развитии.

Ибн-Хальдун, наверное, с нами бы согласился.

Империя Мин
1368—1644 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Когда правительство Токугава решительно закрыло Японию от европейцев, исключение было сделано для голландцев, оказавших сегуну ценные услуги в подавлении восстания христиан. Им предоставили землю под факторию на острове Хирадо, но с категорическим условием, чтобы там не было никакой христианской символики. Купцы с этим легко согласились, и, обойдясь без церквей и крестов, застроили территорию добротными зданиями на свой привычный манер. Но пунктуальные голландцы на домах привычно выложили дату постройки — 1641 год. Сегун пришел в ярость, поняв, что речь идет о дате от Рождества Христова, и велел снести весь городок.

² Во втором томе Всемирной истории был использован термин «Мир-Система», указывающий на структурную взаимосвязь наиболее населенных регионов Старого света. Но поскольку за этим термином стоит определенное направление в историко-экономической мысли, то в данном издании мы чаще всего заменяли его термином «Ойкумена», то есть земли, известные человечеству. Точнее — наиболее представлятельной его части, знающей о существовании друг друга.

³ Средневековые цивилизации Запада и Востока. Всемирная история. Т. 2. М., 2012.

⁴ Мир в Раннее Новое Время. Всемирная история. Т. 3. М., 2013.

⁵ Такая более осторожная формулировка позволяет распространить ее на Северную Африку и Ближний Восток, где кочевых империй не возникло, но роль кочевников в жизни региона (в том числе и в возникновении новых государств) была исключительно велика.

⁶ Томас Барфилд характеризовал сильные объединения кочевников как «теневые империи», существовавшие для эксплуатации кочевниками экономических ресурсов китайских империй. *Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э.— 1757 г. н. э.)* / Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. СПб., 2009.

⁷ История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. I. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н. э. / Гл. ред. С. Л. Тихвинский; отв. ред. А. П. Деревянко. М.: Восточная литература, 2016.

⁸ Под этим определением объединяют предков современных носителей австразиатских языков — тайцев, вьетнамцев, кхмеров, лаосцев, коренных жителей Тайваня, Филиппин, Индонезии, народов Океании, малайцев, возможно, народов яо и мяо, проживающих ныне на территории Китая.

⁹ Китайская историческая традиция возводит основные государства к мифическому императору Хуанди (Желтый император), придумавшему законы; за ним следовали пять добродетельных императоров; а с 2070 по 1765 г. — время правления династии Ся. Несмотря на то что китайские археологи стремятся связать ее с определенной археологической культурой, большинство синологов по-прежнему считают эту династию исключительно легендарной.

¹⁰ Поскольку жунов иногда называли «красными дьяволами», некоторые историки считают, что они имели европеоидные черты, лишь постепенно смешиваясь с монголоидным населением. Изначально эти скотоводы воевали на колесницах, еще не освоив всадничество.

¹¹ В российской научной традиции этот степной народ именуют по-разному. Для специалистов по Китаю они — «сюнну», для кочевниковедов, археологов и этнологов — «хунну». Возможность примирения между коллегами пока маловероятна. Правда, все сходится в том, что объявившийся в причерноморских степях в конце IV в. до н. э. кочевой народ, вышедший из глубин Азии, следует именовать *гуннами*, и в том, что степень их связи с теми, кто досаждал китайцам шестью столетиями раньше, весьма проблематична.

¹² Этот термин, производный от латинского *lex, leges*, — законы, придуман европейскими китаистами. Китайское название данного учения — «*фа цзя*», «школа законников». Оно восходит к идеям Гуань-чжуна современника и противника Конфуция.

¹³ В этой гробнице археологи на сегодняшний день обнаружили свыше восьми тысяч терракотовых воинов в натуральную величину, призванных сопровождать императора в загробном мире. Но закопаны были и 70 тысяч рабочих и членов их семей, унесших с собой тайну могилы императора.

¹⁴ Бескомпромиссная жестокость легистского принципа правления неминуемо порождала подобные ситуации. Чиновник Лю Бань вел группу осужденных на принудительные работы, но немало пленников разбежалось. Понимая, что его ждет кара, он отпустил всех пленников. Несколько человек сплотились вокруг него и образовали разбой-

ниций отряд, с которым Лю Баню удалось скрываться несколько лет, пока не вспыхнуло большое восстание 209 г.

¹⁵ Философская идея системы колодезных полей — цзин тянь — заключалась в том, чтобы привести землеустройство в соответствие со структурой мироздания, с естественными законами. Эту идею китайская философия пыталась воплотить в жизнь не в первый и, главное, не в последний раз. Но в реформах Ван Мана она была выражена с максимальной полнотой.

¹⁶ Это пример одного из многочисленных исключений. Сыма Янь почему-то более известен не под своим храмовым именем (Ши-цзу — второй иероглиф справедливо указывает на то, что это первый император данной династии), а под посмертным именем У-ди, поэтому мы, отступив от правила, продолжим именовать его личным именем.

¹⁷ Это условный термин, используемый историками. На самом деле, он появится позже — во времена монголов.

¹⁸ Название «ветер и поток» символизировало изменчивость и гибкость природных стихий. Человек уподобляется им, раскрывая свою собственную природу, следуя естественности и недеянию.

¹⁹ Все эти «ренессансы» все-таки принято брать в кавычки, поскольку они вели к фиксации жестких норм культуры, а не к тому «раскрепощению личности», которое приписывается европейскому явлению Позднего Средневековья, именуемому Ренессансом уже без кавычек.

²⁰ История Магриба может показаться несколько однообразной, но неслучайно именно на ней основывал свои наблюдения Ибн-Халдун, создавая циклическую теорию государственности.

²¹ Бодхисатва Манджушри (санскр. «красивое сияние»), согласно буддийской мифологии, решил не достигать полной нирваны до тех пор, пока не останется ни одного живого существа, нуждающегося в спасении. Манджушри олицетворяет мудрость, и обычно его изображают как красивого индийского царевича.

²² Цит. по: Хань У. Жизнеописание Чжу Юаньчжана / Пер. с кит. А. И. Желоховцева, Л. А. Боровковой, Н. Ц. Мункуева. М., 1980.

²³ Объективность Рашид-ад-Дина способствовало его уникальное положение. Будучи мусульманином, он не мог фальсифицировать историю в пользу мусульман, поскольку служил монголам. Да, возможно, он и не желал этого делать, поскольку (как утверждали его противники) он был недавно обращенным в ислам евреем. Но не собирался он и приукрашивать ужасы монгольского завоевания мусульманского края, поскольку его хозяева — Ильханы к тому времени уже стали мусульманами.

²⁴ Ся Юаньци, «министр финансов трех императоров», в китайской традиции считается одним из образцовых чиновников, отличавшимся добротой и простодушием.

²⁵ Злые языки вспоминали, что он был сыном Чжу Юаньчжана от корейской наложницы, отбитой у одного из монгольских вождей. Это бросало тень на законность происхождения будущего императора.

²⁶ Прибыльная торговля чаем с северными и западными «варварами» началась еще в период империи Тан, когда чай варили. В Поднебесной затем не раз сменялись методы заварки чая, но кочевники оставались верны старому способу — они варили чай с молоком, маслом и солью. Тонизирующий питательный напиток стал важнейшим элементом рациона кочевников.

²⁷ Некоторые историки считают концом этой эпохи не первые успехи полководца Одо Набунага в деле объединения страны, а завершение этого процесса и установление власти сегуната Токугава.

²⁸ Тексты, послужившие основой для данной главы, входили в состав не второго, а третьего тома «Всемирной истории», который назывался ««Мир в раннее Новое время». Соавтором А. Л. Рябинина в данном томе была А. А. Майзлиш. Если признать верхней границей Средневековья рубеж XV—XVI веков, то содержание данной главы должно относиться к периоду Раннего Нового времени. Но мы сочли важным закончить рассказ о династии Мин. В последние полтора века своего существования империя Мин испытывала некоторые новые, ранее невиданные воздействия — прежде всего, связанные с проникновением европейцев. Однако они не повлияли на ход вещей, привычный для китайской истории: все та же борьба с угрозой с Севера, все та же двойственная политика в отношении морских запретов, все те же династические циклы. Этого уже нельзя сказать о следующей, Маньчжурской династии, которая станет последней в китайской истории. Мы поэтому и не включили в данную книгу рассказ о первых годах империи Цин (1644—1912).

²⁹ Массовое привлечение нового материала, например, добытого археологами, способно значительно изменить картину. Многие могут дать записки путешественников. То, что они писали о Китае, настолько не укладывается в традиционные представления о нем, что историки предпочитают сомневаться в реальности путешествий Марко Поло и Ибн Баттуты в Китай.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барфильд Т. Дж.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э.—1757 г.). СПб., 2009.
- Бежин Л. Е.* Под знаком «ветра и потока». Образ жизни художника в Китае III—VI век. М., 1982
- Бичурин Н. Я.* Записки о Монголии. Самара, 2010.
- Бокщанин А. А.* Императорский Китай в начале XV века (Внутренняя политика). М., 1976.
- Бокщанин А. А.* К истории управления торговых кораблей в Китае // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (История, экономика). М., 1967.
- Бокщанин А. А.* Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. М., 1968.
- Бокщанин А. А.* Краткая история связей Китая со странами Южных морей (с древности до XVII в.) // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970. С. 134—176.
- Бокщанин А. А.* Очерк китайско-индийских связей (с древности до XVI в.) // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970. С. 101—133.
- Бокщанин А. А.* Попытки монголо-китайского вторжения в страны Юго-Восточной Азии // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Бокщанин А. А.* Удельная система в позднесредневековом Китае (период династии Мин, 1368—1644). М., 1986.
- Бокщанин А. А.* Экспансия флота Чжэн Хэ в начале XV в. в оценке китайских историков // Историческая наука в КНР. М., 1971.
- Бокщанин А. А., Непомнин О. Е.* Лики Срединного царства. М., 2002.
- Бокщанин А. А., Непомнин О. Е., Степугина Т. В.* История Китая: древность, средневековье, новое время. М., 2010.
- Боровкова Л. А.* Восстание «Красных войск» в Китае. М., 1971.

- Боровкова Л. А.* Численность бюрократического аппарата империи Мин и роль государственных экзаменов в его комплектовании // ОГК, 12. Ч. 1. 1981.
- Боровкова Л. А.* Экзаменационная система, обряды и первый император династии Мин // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1—3. М., 2006—2007
- Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.
- Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.—1234 г.). М., 1975.
- Всемирная история в шести томах. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012.
- Всемирная история в шести томах. Т. 3. Мир в Раннее Новое Время. М., 2013.
- Гончаров С. Н.* Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127—1142. М., 1986.
- Далай Ч.* Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983.
- Джувейни, Ата-Мелик.* Чингисхан. История завоевателя мира. М., 2004.
- Доронин Б. Г.* Империя Мин и маньчжуры: начало противостояния (Версия «Истории [династии] Мин») // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки: межвуз. сб. ст. СПб., 1997. Т. 18. С. 128—152.
- Доронин Б. Г.* Историография императорского Китая XVII—XVIII вв. СПб., 2002.
- Древнемонгольские города / Отв. ред. С. В. Киселев. М., 1965.
- Дубровская Д. В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552—1775). М., 2001
- Думан Л. И.* Отношения Китая с киданями в X—XI вв. // Научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады (далее — ОГК). 7. Вып. 3. М., 1976.
- Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 т. М., 2007—2010 (Т. 6 — дополнительный).
- Завадская Е. В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. М., 1975.
- Иванов А. И.* Ван Ань-ши и его реформы XI в. СПб., 1909.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. I. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным). От палеолита до V в. до н. э.). М., 2016.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. II: Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н. э.—III в. н. э.). М., 2013.

- История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220—907). М., 2014.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся: 907—1279. М., (в печати).
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. V. Юань и Мин. М., (в печати).
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VI. Династия Цин (1644—1911). М., 2015.
- История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
- Китай во второй половине XIV—XV в. // История Востока: в 6 т. М., 2000. Т. 2. С. 528—546.
- Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983.
- Крадин Н. Н. Империя Хунну. М., 2002.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М., 2006.
- Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII—XIII вв.). М., 1984.
- Крюков М. В., Малявин В. М., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге Средних веков. М., 1979.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.
- Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: 2-е изд. М., 1995.
- Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб., 2010.
- Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права. М., 1986.
- Лапина З. Г. Политическая борьба в средневековом Китае. М., 1970.
- Лапина З. Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985.
- Малявин В. В. Гибель древней империи. М., 1983.
- Малявин В. В. Империя ученых. М., 2007.
- Малявин В. В. Китай в XVI—XVII веках. Традиция и культура. Эпоха. Быт. Искусство. М., 1995.
- Малявин В. В. Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин. М., 2008.
- Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004—2009. Вып. 1—3.
- Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965.
- Очерки истории Китая (с древности до опиумных войн) / Под ред. Шан Юэ. Пер с кит. М., 1959.

- Позднеева Л. Д.* История китайской литературы: собрание трудов. М., 2011.
- Покотилов Д. Д.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634. СПб., 1893.
- Попова И. Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.
- Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. СПб., 2009. Ч. 1.
- Свистунова Н. П.* Аграрная политика Минского правительства во второй половине XIV в. М., 1966.
- Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
- Смолин Г. Я.* Антифеодальные восстания в Китае второй половины X—первой четверти XII в. М., 1974.
- Смолин Г. Я.* Они бросили вызов Небу. О крестьянской войне 874—901 гг. в Китае. Ч. 1—2. СПб., 1997—2000.
- Соколов-Ремизов С. Н.* Литература — каллиграфия — живопись. К проблеме синтеза искусств в художественной культуре Дальнего Востока. М., 1985.
- Стужина Э. Л.* Китайский город XI—XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979.
- Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М., 1977.
- Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993.
- Тюрин А. Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III—VIII вв. М., 1980.
- У Хань.* Жизнеописание Чжу Юаньчжана / Пер. с кит. А. Желоховцева, Л. Боровковой, Н. Мункуева. М., 1980.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Фицджеральд С. П.* Китай. Краткая история культуры. М., 1998.
- Флуг К. К.* История китайской печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв. М.; Л., 1959.
- Хазанов А. М.* Избранные научные труды. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.
- Штейн М.* Китай в X—XI вв. // Средние века. М.; Л., 1945. Вып. 3.
- Юрченко А. Г.* Империя и космос: Реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002.
- Accounts of Western Nations in the History of the Northern Chou Dynasty* / Ed. A. Miller. Berkeley; Los Angeles, 1959.
- Allsen T.* Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge, 2001.
- Allsen T.* Mongol Imperialism: The Policies of the Grand QanMonke in China, Russia; the Islamic lands, 1251—1259. Berkeley; Los Angeles, 1987.

- Biran M.* Chinggis Khan. Oxford, 2007.
- Brook T.* The Confusions of Pleasure: Commerce and Culture in Ming China. Berkeley, 1998.
- Cambridge History of China, Vol. 3: Sui and T'ang China, 589—906 AD. Cambridge, 1979.
- Cambridge History of China, Vol. 6: Alien Regimes and Border States, 907—1368. Cambridge, 1994.
- Cambridge History of China. Vol. 7—8: The Ming Dynasty, 1368—1644. Cambridge, 1986.
- China under Mongol Rule. Princeton, 1981.
- Crespigny R. de.* A Question of Loyalty: Xun Yu, Cao Cao and Sima-Guang // Sino-Asiatica. Canberra, 2002. P. 30—59.
- Crespigny R. de.* The Three Kingdoms and Western Jin: A History of China in the Third Century AD // East Asian History. Canberra, June 1991. № 1. P. 1—36; Dec. 1991. № 2. P. 143—164.
- Des Rotours R.* Les grand fonctionnaires des provinces en Chine sous la dynastie des T'ang // «Toung Pao». Leide, 1928. Vol. 25.
- Fairbank J. K.* The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations. Cambridge (Mass.), 1968.
- Fitzgerald Ch.* The Chinese View of their Place in the World. London, 1964.
- Franke H.* China under Mongol Rule. Aldershot, 1994.
- Gernet J.* Everyday Life in China on the Eve of the Mongol Invasion 1250—1276. Stanford, 1962.
- Grimm T.* Erziehung und Polilikim Konfuzianischen China der Ming zeit. Hamburg, 1960.
- Halperin Ch. J.* Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985.
- Histoire du mondeau XV esiècle. Paris, 2009.
- Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China. New York; London, 1962.
- Hucker Ch. O.* The Traditional Chinese State in Ming Times (1368—1644). Tucson, 1961.
- Lieberman V.* Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context. C. 800—1830. Vol. 2: Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands. An Arbor, 2009
- Liu T. C. I.* Reform in Sung China: Wan An-shih (1021—1086) and His New Policies. Cambridge (Mass.), 1959.
- Ma L. S. C.* Commercial Development and Urban Change in Sung China. Ann Arbor, 1971.
- McMullen D.* State and Scholars in T'ang China. Cambridge, 1988.
- Moule A. C.* Rulers of China, Chronologocal tables. London, 1957.
- Mungello D. E.* The Great Encounter of China and the West, 1500—1800. Plymouth, 2009.

- Needham J. et al.* Science and Civilization in China. Cambridge, 1954—2008. Vol. 1—7.
- Rachewiltz I. de.* The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1—2.
- Ratchnevsky P.* Genghis Khan: His Life and Times. Oxford, 1991.
- Schurmann H. F.* The Economic Structure of the Yuan Dynasty. Cambridge (Mass.), 1956.
- Stuart-Fox M.* A Short History of China and Southeast Asia: Tribute, Trade and Influence. Singapore, 2003.
- Twitchett D.* Financial Administration under the T'ang Dynasty. Cambridge, 1963.
- Twitchett D.* Land Tenure and the Social Order in T'ang and Sung China. L., 1962.
- Wan Gungwu.* The Structure of Power in Northern China during the Five Dynasties. Kuala Lumpur, 1963.
- Wiethoff B.* Die chinesische Seeverbotspolitik und der private Überseehandel von 1368 bis 1567. Hamburg, 1963.
- Wright A. F.* The Sui Dynasty: The Unification of China. CE 581—617. N. Y., 1978.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 1	3
Китай и «мировое Средневековье»	3
Предисловие 2	11
Предыстория средневекового Китая	11
Китай доисторический и доимперский	12
Первые империи	25
Глава 1. Эпоха Шести династий (Лючао). III—VI вв.	41
Троецарствие и Империя Цзинь	41
«Шестнадцать царств пяти варварских народов»	45
Восточная Цзинь	52
Эпоха южных и северных царств	56
Китайская цивилизация эпохи Лючао	62
А в это время... Эпоха «варварских королевств». III—VI вв.	74
Глава 2. Династии Суй и Тан. VII—IX вв.	79
Строители империй	79
Апогей и кризис империи Тан	91
Попытка стабилизации	97
Мятеж Хуан Чао и конец династии Тан	102
А в это время... Эпоха империй. VII—IX вв.	106
Глава 3. Династии Сун и Цзинь. X—начало XIII в.	112
От эпохи «пяти династий» к установлению династии Сун	112
Величайшая цивилизация средневекового мира. («Новый курс» и его противники)	119
	285

«Ветротекущий император» и гибель империи	129
Север против Юга. Империя Южная Сун и империя Цзинь	135
Наследие «неправильной империи»	144
А в это время... Империи, кочевники и феодальная раз- дробленность. X—начало XIII в.	149
Глава 4. Династия Юань. Середина XIII—середина XIV в.	156
Монгольское завоевание	156
Империя при Хубилай-хане	163
Наследники Хубилая	173
А в это время... Глобализация по-монгольски. XIII—се- редина XIV в.	180
Глава 5. Позднее Средневековье. Империя Мин с середины XIV до конца XV в.	187
Рождение империи Мин. «Разлив воинственности»	187
Эпоха «преодоления трудностей» и эра Юнлэ	199
От наследия «конного императора» к самодостаточной им- перии	207
А в это время... Талассократии и наследники кочевых тра- диций. Середина XIV—конец XV в.	215
Глава 6. «После Средневековья». Последние полтора века империи Мин. XVI—середина XVII в.	226
Императоры, секретари и евнухи	226
«Ствол и ветви»	232
Культура в поисках выхода	242
«Мандат неба» заканчивается	245
Крестьянская война и падение династии	251
А в это время... «После Средневековья». Пороховые им- перии и начало доминирования Запада	258
Послесловие. Круговое движение или поступательное развитие? (Что сказал бы магрибский мыслитель о Китае)	268
Примечания	275
Библиография	279

**Павел Юрьевич Уваров,
Алексей Леонидович Рябинин**

**КИТАЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ МИРЕ
Взгляд из всемирной истории**

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«Научно-популярная литература»*

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 09.10.2017.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.9. Уч.-изд. л. 15.0.
Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 229

Издатель: Санкт-Петербургский филиал
ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

ISBN 978-5-02-039674-6

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины с отделами «Книга—почтой»

- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12, корп. 1;
(код 495) 932-78-01
Сайт: <http://LitRAS.ru/>; e-mail: okb@LitRAS.ru
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;
(код 812) 328-38-12; e-mail: naukaspb1@yandex.ru

Магазины «Академкнига» с указанием букинистических отделов

- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90; akademkniga@bk.ru
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)
- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)
- 101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8, строение 4;
(код 495) 624-72-19
- 142290 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1;
(код 49677) 3-38-80
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 273-13-98; academkniga.spb@bk.ru
(Бук. отдел)

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24

Сайт: <http://LitRAS.ru/>

E-mail: info@LitRAS.ru

Отдел логистики, телефон: (код 495) 932-74-71

Факс: (код 499) 143-84-24

П. Ю. УВАРОВ, А. Л. РЯБИНИН

КИТАЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ МИРЕ

Настоящая книга, написанная в соавторстве двумя отечественными историками, П. Ю. Уваровым (ИВИ РАН) и А. Л. Рябининым (ИБ РАН), посвящена истории Китая в V—XV вв., от эпохи Лючао до конца правления династии Мин. Наряду с изложением событийной военно-политической истории Поднебесной, в книге кратко представлены и другие аспекты развития китайской цивилизации: ремесло и торговля, наука и техника, культура и искусство, религия и философия. Кроме того, каждая глава истории Китая сопровождается вставками с кратким обзором состояния дел Ойкумены в данный период, что позволяет синхронизировать историю Поднебесной с историей других регионов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»